

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2021

Том 21

Выпуск 2

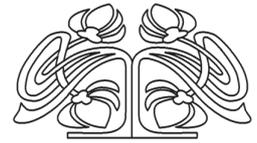
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1817-7115 (Print)

ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Крючкова О. Ю.** О возможностях корпусного изучения картины мира носителей традиционной народной культуры 126
- Каменская Ю. В.** Актуализация лингвокультурных кодов в диалектном дискурсе 131
- Жандарова А. Н.** Наименования кухонной утвари как элементы пищевой традиции (на материале вологодских говоров) 136
- Дреготень Е. А.** Функционирование прецедентных единиц в разных типах неофициальной коммуникации (на материале русского языка) 141
- Хижняк С. П.** Варианты правовой картины мира в английском языке 145
- Филатова А. В.** Концептуальная область ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ как источник метафоризации в научно-популярном биологическом англоязычном дискурсе 150
- Ефремова Л. С.** Проявление амбисемии и эврисемии в семантической структуре термина (на материале английской IT-терминологии) 155
- Елина Е. А.** Поэтический дискурс как производное от живописного изображения 161
- Станиславская С. А.** Антитеза как структурно-семантический принцип организации поэтического текста (на материале поэзии Анны Ахматовой) 166
- Криуля А. С.** Цвет как религиозный семиотический код и языковые средства его выражения в произведениях М. А. Булгакова и О. Бокеева 171
- Varsukova M. I., Rodionova T. V.** Communicative risks in the dyad 'doctor – patient' [Барсукова М. И., Родионова Т. В. Коммуникативные риски в диаде «врач – пациент»] 176

Литературоведение

- Прозоров В. В.** Об авторских стратегиях в литературе 180
- Трубецкова Е. Г.** Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения 186
- Маматов Г. М.** Две музыки в стихотворении Б. Поплавского «Чёрная Мадонна» 192
- Папкина Е. А.** Повесть Всеволода Иванова «Партизаны»: исторический и литературный контексты 197
- Асилова Г. А.** Влияние русской литературы на творчество Чулпана: роман «Ночь и день» 203
- Алтынбаева Г. М.** Письменный стол Солженицына в Норвегии 208
- Адександрова М. А.** Образ Лермонтова в поэзии советского времени и «Встреча» Булата Окуджавы 212
- Максименко Е. Д.** Нефикциональный текст «Майкл Икс и убийства фронта «Власть черных» на Тринидаде» В. С. Найпола и анализ степени его влияния на творчество автора 219
- Кабанова И. В.** После историографической метафизики: «Хэмнет» Мэгги О'Фаррелл 226

Журналистика

- Нгуен Т. Л.** Закон о кибербезопасности и социальные сети Вьетнама 231

Критика и библиография

Представляем книгу

- Тарасова И. А.** Культура речи в профессиональной коммуникации 235

Приложения

Хроника

- Борисова Л. С., Лысенко А. В.** Журналистика начала 2020-х: вызовы времени 239

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – русская литература; 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская, американская, французская); 10.01.10 – журналистика; 10.02.01 – русский язык; 10.02.04 – германские языки; 10.02.05 – романские языки; 10.02.19 – теория языка)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 25.05.21.

Подписано в свет 31.05.21.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 66-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–10 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы, адрес (кафедра, организация), ORCID, адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: [iiyu@mail.ru](mailto:iyu@mail.ru), телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода в свет номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Kryuchkova O. Yu.** On the possibilities of the corpus-based study of the worldview of traditional popular culture members 126
- Kamenskaya Yu. V.** Actualization of linguistic and cultural codes in dialect discourse 131
- Zhandarova A. N.** Names of kitchen utensils as elements of the food tradition (Based on the Vologda dialects) 136
- Drevoten E. A.** Different functions of precedent phenomena in Russian colloquial speech 141
- Khizhnyak S. P.** Variants of the legal picture of the world in the English language 145
- Filatova A. V.** Conceptual domain CRIMINAL ACTIVITY as a source of metaphorisation in biological popular-science English discourse 150
- Yefremova L. S.** Ambysemy and eurusemy as phenomena in term semantic structure (Based on English IT-terminology) 155
- Yelina E. A.** Poetic discourse as a derivative of pictorial representation 161
- Stanislavskaya S. A.** Antithesis as a structural and semantic principle of organizing a poetic text (Based on the poetry of Anna Akhmatova) 166
- Kriulya A. S.** Color as a religious semiotic code and the language means of its expression in the works of M. A. Bulgakov and O. Bokeev 171
- Barsukova M. I., Rodionova T. V.** Communicative risks in the dyad 'doctor – patient' 176

Literary Criticism

- Prozorov V. V.** On author's strategies in literature 180
- Trubetskova E. G.** Medical discourse and / or morbuial code: Problems of terminology of modern literary criticism 186
- Mamatov G. M.** Two kinds of music in B. Poplavsky's poem *Dark Madonna* 192
- Papkova E. A.** Vsevolod Ivanov's story *Partisans*: Historical and literary contexts 197
- Asilova G. A.** The influence of the Russian literature on Chulpan's oeuvre: Novel *Night and Day* 203
- Altynbayeva G. M.** Solzhenitsyn's writing desk in Norway 208
- Aleksandrova M. A.** The image of Lermontov in the Soviet poetry and *Meeting* by Bulat Okudzhava 212
- Maksimenco E. D.** The non-fictional text *Michael X and the Black Power Killings in Trinidad* by V. S. Naipaul and the analysis of its influence on the creative work of the author 219
- Kabanova I. V.** Post-historiographical metafiction: Maggie O'Farrell's *Hamnet* 226

Journalism

- Nguyen Thi Lien.** Vietnam cybersecurity law and social media 231

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Tarasova I. A.** Speech culture in professional communication 236

Appendices

Chronicle

- Borisova L. S., Lysenko A. V.** Journalism of the early 2020s: Challenges of the time 239

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Викторова Елена Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горшко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, PhD (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия)
Лённгрен Тамара Павловна, PhD (Тромсё, Норвегия)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Чита, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, PhD (Вена, Австрия)
Свитич Луиза Григорьевна, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шраер Максим Давидович, PhD (Бруклин, штат Массачусетс, США),
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM»**

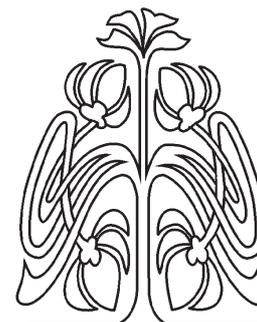
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

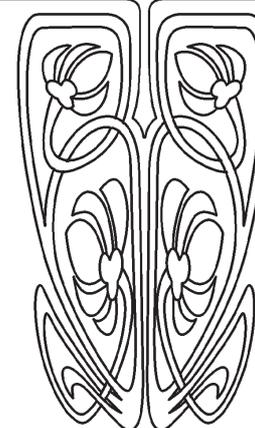
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaeov (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Serafima E. Nikitina (Moscow, Russia)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Yuri N. Borisov (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia)	Lina V. Razumova (Chita, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Luisa G. Svitich (Moscow, Russia)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
<u>Boris F. Egorov</u> (St. Petersburg, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Vasily T. Klovov (Saratov, Russia)	Maksim D. Shrayer (Brookline, Massachusetts, USA)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Tamara P. Lönngren (Tromsø, Norway)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 126–130
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 126–130

Научная статья
УДК 81'28
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130>

О возможностях корпусного изучения картины мира носителей традиционной народной культуры

О. Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Аннотация. Электронный диалектологический корпус, моделируемый на основе синтеза лингвистических и культурологических данных, обладает значительным потенциалом для изучения традиционной народной картины мира: ее предметной и концептуальной сегментации, вариаций, представленных в конкретных языковых сообществах, в разных формах вербализации культурной традиции.

Ключевые слова: диалектологический корпус, традиционная народная культура, картина мира

Для цитирования: Крючкова О. Ю. О возможностях корпусного изучения картины мира носителей традиционной народной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 126–130. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130>

On the possibilities of the corpus-based study of the worldview of traditional popular culture members

O. Yu. Kryuchkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

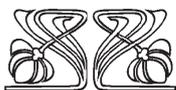
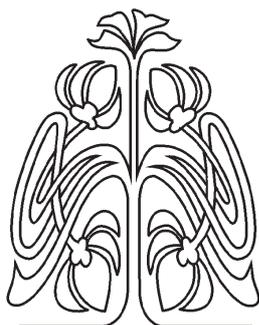
Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Abstract. The electronic dialect corpus, modelled on the basis of synthesizing linguistic and cultural data, has a great potential for studying the traditional popular worldview: its objective and conceptual segmentation, and its variations in different language communities and in different forms of popular culture verbalization.

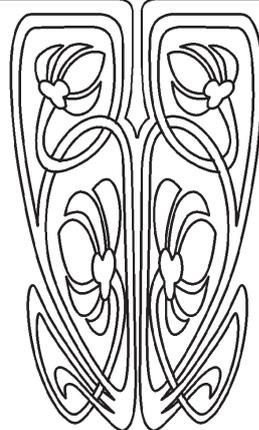
Keywords: dialect corpus, traditional popular culture, worldview

For citation: Kryuchkova O. Yu. On the possibilities of the corpus-based study of the worldview of traditional popular culture members. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 126–130 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Картина мира, свойственная народной культурной традиции, представлена в многообразии своих форм и видов. Она запечатлена в народном календаре, ритуалах, обрядах, в фольклорных текстах, легендах и мифах, верованиях, в специфическом (отличном от литературного языка) народном лексиконе и не в последнюю очередь – в живой речи носителей традиционной народной культуры. Разные формы хранения и передачи традиционной картины мира репрезентируют ее как не вполне тождественную¹. Изучение этих различий «составляет одну из насущных задач этнолингвистики»². Вариативность картины мира в народной культурной традиции связана не только с каналом трансляции этнокультурной информации, но и с конкретными квантами знания: религиозного, мифологического, этического, исторического, профессионального, повседневного и др. Разные «версии» этнокультурных представлений «могут существовать в социуме параллельно друг другу и даже уживаться в сознании одного носителя»³.

Значительным эвристическим потенциалом для изучения картины мира носителей традиционной народной культуры, ее вариаций, соотносительности разных ее версий обладает электронный корпус диалектных текстов, моделируемый на основе синтеза лингвистических и культурологических данных.

Корпус такого типа базируется на следующих основных принципах:

- выделение каждого отдельного говора в самостоятельный подкорпус;
- формирование текстовой базы корпуса путем включения не отдельных тематически выделенных фрагментов, а «целых» текстов, границы которых определяются формальным критерием целостности аудио-/видеозаписи и соответствуют, таким образом, непрерывному фрагменту общения диалектолога с диалектоносителем, зафиксированному звукозаписывающей и видеоаппаратурой;
- отражение в текстовой базе корпуса важнейших типов диалектной речи (бытовой, фольклорной, в условиях официального, обрядового общения), разнообразной тематики общения, социальной дифференциации носителей говора;
- включение в число параметров разметки текстов (наряду с пословной морфологической разметкой) жанровой и тематической разметки, маркирующей все жанровые и тематические переходы в непрерывном речевом континууме;
- проведение углубленной метаразметки, содержащей сведения об информантах, об условиях коммуникации в процессе общения с диалектоносителем, о хронологической (событийной) отнесенности содержания текста (например, коллективизация, война 1941–1945 гг.);
- включение в подкорпус каждого отдельного говора справочной нелингвистической информации: краткая история населенного пункта,

описание специфических природных особенностей места бытования говора, характеристика основных занятий местных жителей, актуальный топонимический и микротопонимический справочник.

Названные принципы организации корпуса диалектных текстов реализованы в Саратовском диалектологическом корпусе (СарДК), создаваемом в Саратовском государственном университете⁴.

К настоящему времени на материале СарДК проведен целый ряд исследований, раскрывающих специфику отдельных элементов картины мира традиционного сельского социума (работы В. Е. Гольдина, О. Ю. Крючковой, Ю. В. Каменской, Н. В. Свешниковой, А. И. Бурановой, Т. Н. Медведевой, Е. А. Древетень, А. Н. Жандаровой, Л. И. Штыцко и др.); рассмотрены разные виды этнокультурной информации (аспекты религиозных, мифологических, этнических, аксиологических, бытовых представлений), разные формы ее репрезентации (в фольклорных текстах, разговорно-бытовом общении, прецедентных феноменах, образах сравнения, лексическом составе диалектной речи). Во всех случаях в исследованиях, выполненных на материале диалектного корпуса, раскрываются элементы актуального знания носителей традиционной народной культуры, вербализованного в речи современных диалектоносителей (записях второй половины XX – XXI вв.).

Существенную роль в моделировании картины мира носителей традиционной народной культуры играет изучение тематического пространства диалектной речи. Тематическая разметка и функция тематического поиска в корпус-менеджере дают репрезентативный материал для наблюдений за соотношением тематических фрагментов в диалектном повествовании, для анализа особенностей речевого развертывания определенных тем.

Так, анализ тематической структуры текстов подкорпуса с. Белогорное Вольского района Саратовской области свидетельствует о принципиальной политематичности и вместе с тем о тематическом своеобразии диалектной речи, что обусловлено функциональным ограничением коммуникации на диалекте бытовой сферой общения.

Основное место в рассказах диалектоносителей занимают тематические блоки *дом и домашнее хозяйство, частная жизнь, религия*. Названные предметные области отличаются объемом и содержательным многообразием своей вербализации. Каждый из ведущих тематических блоков репрезентирован в диалектной речи как фрейм, слоты которого получают регулярную дискурсивную объективацию. Выделение повторяющихся тематических слотов (конкретных тем) и их интеграция на основе соотносительности с предметной сферой мира действительного слу-

жат базой для моделирования тематического каркаса диалектной коммуникации, образующего, в свою очередь, фундамент традиционной картины мира. Например, темы *строения для жилья и животных, огород, домашние животные, техника и орудия труда* соотносятся с предметной сферой *дом и домашнее хозяйство*, выступают как компоненты (слоты) одноименной предметной сферы когнитивной структуры – фрейма; темы *родители, дети, другие родственники, брак и семейная жизнь, соседи* являются составляющими фрейма *частная жизнь*; тематический блок-фрейм *религия* образуют темы *религиозные праздники и обряды, религиозный этикет, места проведения религиозных обрядов, православные и иноверы*.

Степень разветвленности предметно-тематического фрейма, количественное покрытие его слотами текстового массива диалектологического корпуса служат важнейшим критерием оценки места данного фрейма в картине мира носителей диалекта. Вспомогательным критерием являются также лингвистические особенности вербализации соответствующей тематики.

Например, основные и периферийные тематические блоки различаются характером конкретизации хронотопа. В основных тематических блоках время и место описываемых событий представлены в виде точных указаний, наблюдается избыточность хронотопических показателей, выражающаяся в повторении детерминантов со значением места и времени, ср.: *у меня брат помер/ в Москве/ в Москве брат помер/ и я ездила на эти/ на похороны/ на похороны// в Москву ездила// это было дело в семидесятом году; теперь и сын-то/ погиб// двадцать семь лет сравнялось// двадцать седьмого июля/ вот// двадцать седьмого июля/ двадцать семь лет/ и двадцать седьмого числа в этом месяце и в этот день/ погиб*.

В составе периферийных тем хронотоп определяется приблизительно, посредством таких, например, операторов, как *сейчас, раньше, там*.

Необходимо отметить, что тематически размеченные диалектные корпуса – пока редкость; тематическая разметка и анализ тематической структуры диалектной речи находятся на начальном этапе разработки и изучения. Однако уже первые исследования, осуществленные на материале корпусов разных говоров, свидетельствуют о наличии общих для диалектной коммуникации тематических особенностей, а также о характерных для разных территорий бытования русских народных говоров вариантах тематического рисунка диалектной речи⁵.

Предоставляемая поисковой системой корпуса возможность получения исчерпывающего конкорданса – массива контекстов с запрашиваемыми единицами по текстам каждого отдельного говора, сведений о частоте словоупотреблений (а

с применением функции лемматизации – о частоте лексических единиц) дает репрезентативный материал для выделения и анализа концептов и концептуальных оппозиций. Сопоставление результатов таких исследований, проведенных на материале корпусов разных говоров, служит основанием для их квалификации в качестве имеющих полидиалектный или монодиалектный характер.

Например, материалы СарДК, в состав которого входят подкорпусы трех разных в лингвокультурном отношении саратовских говоров (с. Белогорное Вольского района, с. Земляные Хутора Аткарского района, с. Орлов Гай Ершовского района) и значительный по объему подкорпус мегрского вологодского говора, свидетельствуют о вариантной реализации важнейшего для традиционного народного сознания концептуального противопоставления своего и чужого на территориях бытования разных говоров: об общедиалектном распространении и общности содержания в разных диалектных системах оппозиций «город – деревня», «раньше – сейчас», включенных в противопоставление своего и чужого, и территориальной ограниченности религиозно маркированного противопоставления «мирские (последователи официальной церкви) – старообрядцы», имеющего значительную актуальность в одном из говоров – в говоре с. Белогорное в связи с особенностями истории села и спецификой современной социокультурной ситуации⁶.

Актуальной для носителей традиционной народной культуры в целом является поляризация своего и чужого через оппозицию «город – деревня», которая широко и многообразно вербализована в речи современных диалектоносителей. Оппозиция «город – деревня» – это один из важнейших аспектов культурной идентичности носителей традиционной народной культуры. В записях диалектной речи выражены представления о специфике сельского уклада жизни, о своеобразии норм поведения, об особенностях речи городских и сельских жителей. Ср.: *стою в Саратове// ... гляжу <...> / приходит женщина с собакой// <...> у нас с собаками эдак не ходят// у нас она привязана на дворе;*

ну/у нас речь-то так/ тут она/ не такая как в городе// ... там как-то сразу речь по-другому// <...> там по-другому говорят.

В зоне «особого внимания» носителей традиционной речевой культуры находится также оппозиция «раньше – сейчас». Противопоставление по линии «раньше – сейчас» выражает специфику традиционной культуры, служит способом ее идентификации⁷; с помощью этой же оппозиции подчеркивается также динамика самой традиционной культуры, ведущая, как отмечают ее носители, к забвению важных ее элементов, разрушению ее идентичности: полус «раньше» выражает соответствие нормам, по-

люс «сейчас» – отступление от них.

Достаточно большое место в рассказах диалектоносителей занимает религиозно-мифологическая тематика. В составе этих тематических фрагментов нередко возникает метаязыковая рефлексия (ср.: *вот венец/ это вот называется/ это наши иконы// у Богородицы вон венец; Успенье вот/ Успенье Богородицы/ это ведь что за праздник? вы слышали/ нет?*), свидетельствующая о значимости соответствующих знаний в картине мира носителей традиционной народной культуры, об осмыслении религиозно-мифологических представлений в качестве важного культурного компонента.

При общей значимости религиозно-мифологического знания для традиционного народного социума и значительной общности его содержания выявляются также территориальные варианты этой концептуальной сферы. Корпус дает репрезентативный материал для оценки соотношения разных видов этнокультурной информации в картине мира данного традиционного социума и конкретного индивида, для выявления относительной значимости отдельных фрагментов этой картины и вариантов их содержания. Например, для говоров с разной социокультурной ситуацией на территориях их бытования неодинаковую значимость и неодинаковое содержание имеет религиозный компонент в составе картины мира диалектоносителей. Такое различие показывают, в частности, говор с. Мегра Вологодской области и говор с. Белогорное Саратовской области с низкой и высокой актуальностью религиозного знания соответственно. В речи носителей мегрского говора в данном концептуальном сегменте преобладает знание мифологическое⁸.

Важнейшим преимуществом корпусного анализа картины мира носителей традиционной культуры является возможность получения репрезентативных количественных данных о наблюдаемых языковых феноменах. Так, анализ высокочастотной лексики в текстовых корпусах говора с. Белогорное и говора с. Земляные Хутора позволяет выявить актуальные элементы картины мира, выражаемые в речи носителей названных говоров. В текстовых корпусах обоих говоров активно вербализованы представления о физической сущности человека (наименования частей тела, обозначения болезней и других состояний, обозначения пищи и процесса принятия пищи). Человек «социальный» представлен, прежде всего, в отношениях родства. Значимым является также отношение человека к трудовой деятельности (отмечается высокая частотность существительного *работа* и глаголов, связанных с ведением хозяйства). Среди нравственных ориентиров выделяются религиозные ценности (прежде всего, в текстах говора с. Белогорное) и высшая ценность – *правда*. Преобладающими действиями, находящимися в фокусе внимания диалектоносителей, являются движение и речь.

Основой восприятия мира выступает чувственное восприятие. Наиболее важными параметрами оценки являются размерные (*большой – маленький*) и субъективные (*хороший – плохой*)⁹.

Материалы диалектологического корпуса дают возможность проводить сопоставительный анализ различных форм репрезентации культурной традиции и выявлять особенности отраженных в них этнокультурных представлений.

Так, например, исследование положительной оценки в бытовой и устно-поэтической формах народной речи носителей мегрского говора¹⁰ обнаруживает различия в характере объектов положительного оценивания и типах (ракурсах) оценки¹¹. Например, внешность человека, его чувства оцениваются в фольклорной речи чаще, чем в речи бытовой, в которой на первый план, в свою очередь, выходит оценка реалий быта, физического состояния человека, его практических навыков и образа жизни; если для устно-поэтических текстов типична эмоциональная оценка объектов, то в обиходно-бытовом повествовании значительна роль оценок рациональных (утилитарных, нормативных, телеологических) – с точки зрения пользы, целесообразности, правильности. Важно, что названные различия в аксиологических картинах мира фиксируются как компоненты ценностных представлений одной и той же социокультурной группы, одних и тех же ее членов. Такие исследования осуществимы на базе диалектологического корпуса, включающего разные типы дискурса в пределах одной коммуникативной системы (говора).

Корпусные данные позволяют также проводить наблюдения за способами сосуществования разных квантов знания в индивидуальных и социумно очерченных картинах мира. Так, противопоставление «мирские – старообрядцы», ярко представленное в текстах, записанных в конфессионально неоднородном с. Белогорное, выступает, как показывает анализ массивов тематически отобранных конкордансов скорее как противопоставление декларативное, отстоящее от реальной повседневной жизни. Религиозный и обывденный фрагменты картины мира в составе этой оппозиции существуют как параллельные, как абстрактное («должно быть») знание и знание конкретно-поведенческое. Взаимодействие представителей различных конфессиональных групп многообразно ограничено правилами религиозной этики, хорошо известными носителям говора (и иногда ими отстаиваемыми), однако в повседневной жизни эти правила далеко не всегда соблюдаются, о чем свидетельствуют рассказы диалектоносителей о конкретных жизненных ситуациях.

В других случаях, напротив, имеет место синтезирование, взаимопроникновение религиозного и обывденного знания. Ср., например, овеществление абстрактного религиозного концепта *грех* (*грехи сдаем* [в церкви]); обывденный

характер празднования родительской субботы (*родительское вот придёт/ тоже мы так вот на родительское не магазинное мы купим/ а сами испеём// по родителей/ понимаешь/ подаём/ по родителей/ своё домашнее надо всё подавать*); эмоциональную субъективную оценку религиозных сюжетов, их сопряженность с личным жизненным опытом, планом реального времени (*Богородица-то ушла и... зимой в уме нечевала// никто не пустил нечевать// это вот... у нас и цыгане нечевали/ 10 человек/ 10 метров товара свистнули/ да бог с ними/ но милость надо делать// <...> а сейчас вот/ видишь/ сюда она постучала/ Богородица/ не пустили// что?/ беззаконие творят//... «Вас много/ бродяг/ идите/ дальше проходите»// ох/ девчонки!*).

Диалектологический корпус, организованный как репрезентативная модель коммуникации в конкретном говоре, обеспеченный адекватной его структуре поисковой системой (выборка текстовых фрагментов по собственно лингвистическим, дискурсивным, социальным параметрам, возможность их соотнесения с элементами метаразметки и справочной лингвистической информацией), служит источником многоаспектного изучения традиционной народной культуры, вербализованной в народной речи картины мира.

Примечания

- 1 Ср.: «В определенной степени различны... картины мира, стоящие за фольклором, с одной стороны, и верованиями и обрядами – с другой» (*Толстая С. М.* Христианское и языческое в славянском народном календаре (к проблеме двоеверия) // Конференция «Истоки русской культуры (Археология и лингвистика)». Тезисы докладов / отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Институт археологии РАН, 1993. С. 66).
- 2 *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 9.
- 3 Там же.
- 4 Подробнее о СарДК см., например: *Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е.* Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международ-

ной конференции «Диалог–2011». Вып. 10 (17). М.: РГГУ, 2011. С. 359–367.

- 5 См., например: *Земичева С. С., Дубцова Л. А., Васильченко А. А.* Тематическая структура томского диалектного корпуса // Языковое сознание. Речевая коммуникация: материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина. Саратов: ИЦ Наука, 2020. С. 490–498.
- 6 Об актуализации противопоставления «мирские – старообрядцы» в говоре с. Белогорное см.: *Крючкова О. Ю.* Репрезентация оппозиции «свой – чужой» в диалектной коммуникации (на материале говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 6–9.
- 7 См.: *Каменская Ю. В.* Оппозиция «раньше – сейчас» в диалектной картине мира // Живое слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 1. Волгоград: Здоровье и экология, 2008. С. 7–11.
- 8 См., например.: *Свешникова Н. В.* Отражение мифологических представлений в лексике вологодского говора // Четвёртые Моисеевские чтения: Национальные и региональные особенности языка: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф.: в 2 ч. Оренбург: Оренбургская книга, 2018. Ч. 1. С. 88–91.
- 9 Эвристический потенциал квантитативного исследования лексических и грамматических значений в больших массивах диалектных текстов см.: *Буранова А. И.* Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2015.
- 10 СарДК включает фольклорные тексты, находящиеся в зоне актуального знания диалектоносителей; такие тексты собраны не в ходе специальных фольклорных экспедиций, они являются частью диалектного повествования (беседы диалектоносителя с диалектологом), часто возникают в речи диалектоносителя по его инициативе.
- 11 Сопоставительное исследование бытового и фольклорного дискурса носителей мегрского говора было проведено в 2019 г. магистрантом В. В. Баскаковой («Положительная оценка в бытовой и фольклорной речи носителей диалекта: объекты, виды, способы выражения: выпускная квалификационная работа магистра») под руководством О. Ю. Крючковой.

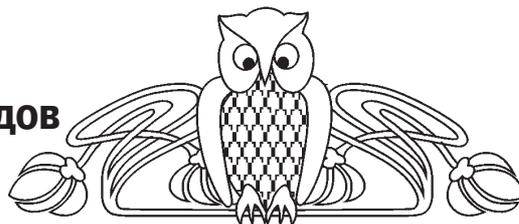
Поступила в редакцию 16.01.2021, после рецензирования 22.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 16.01.2021, revised 22.01.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 131–135
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 131–135

Научная статья
УДК 811.161.1*28(470.44)
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-131-135>

Актуализация лингвокультурных кодов в диалектном дискурсе

Ю. В. Каменская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Каменская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Аннотация. В статье рассматривается специфика актуализации лингвокультурных кодов в диалектном дискурсе на материале двух подкорпусов Саратовского диалектологического корпуса (говор села Белогорное и говор села Земляные Хутора). Показаны способы вербализации традиционного, советского и культурного кодов, а также возможности их взаимодействия и одновременной реализации в речи диалектоносителей.

Ключевые слова: диалектный дискурс, традиционная народная культура, лингвокультурный код, Саратовский диалектологический корпус

Для цитирования: Каменская Ю. В. Актуализация лингвокультурных кодов в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 131–135. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-131-135>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-131-135>

Actualization of linguistic and cultural codes in dialect discourse

Yu. V. Kamenskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yulia V. Kamenskaya, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Abstract. The article considers special features of actualizing linguistic and cultural codes in a dialect discourse on the material of two sub-corpora of the Saratov dialectological corpus (the dialect of the village of Belogornoye and the dialect of the village of Zemlyanye Khutora). Verbalization methods of traditional, Soviet and cultural codes, as well as possibilities of their interaction and simultaneous implementation in the speech of dialect speakers are shown.

Keywords: dialect discourse, traditional folk culture, linguistic and cultural code, Saratov dialectological corpus

For citation: Kamenskaya Yu. V. Actualization of linguistic and cultural codes in dialect discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 131–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-131-135>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Культурный код является одним из основных понятий лингвокультурологии. Согласно определению В. Н. Телия, культурный код представляет собой «совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений»¹. Культурный код используется носителями языка для описания материального и духовного мира,

а также является способом концептуализации окружающего мира. Формирование культурного кода происходит под воздействием различных внешних факторов – культурных, исторических, социальных. Культурный код может иметь воплощение в различных семиотических системах (виды искусства, система жестов и т.д.), при вербализации культурного кода следует, на наш взгляд, использовать термин «лингвокультурный код». Под лингвокультурным кодом мы понимаем систему, характеризующуюся тематической общностью, культурно-исторической обуслов-

ленностью, имеющую знаковую функцию и вербальное воплощение.

Знание культурного кода необходимо для понимания смыслов, содержащихся в текстах определенного дискурса, но наиболее явная экспликация культурных кодов возникает в ситуации межкультурной коммуникации². В процессе межкультурной коммуникации наблюдается взаимодействие «своей» и «чужой» культурно-ценностной системы, актуализирующейся при помощи разных лингвокультурных кодов; понимание этих кодов является залогом успешной коммуникации³. В исследовательской литературе хорошо представлена необходимость знания культурных кодов в ситуации общения носителей разных языков. Вместе с тем, как справедливо отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, «даже владея одним и тем же языком, люди не всегда правильно могут понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур»⁴. Это обуславливает сложности межкультурного взаимодействия, предполагающего использование различных культурных кодов, в ситуации общения носителей разных вариантов одного языка. Именно такая коммуникативная ситуация характерна для речевого материала, который является предметом научного интереса диалектологов: запись диалектных текстов происходит в экспедициях, где диалектолог – носитель речевой культуры, ориентированной на литературный язык, взаимодействует с диалектоносителем – представителем народно-речевой культуры. Дополнительным фактором, усиливающим различие культурных установок, становится и разница в возрасте, принадлежность к разным поколениям: диалектологи, как правило, это студенты, поскольку экспедиции проводятся чаще всего в рамках диалектологических практик, а современные диалектоносители – пожилые люди, не моложе семидесяти лет. Наше исследование проводится на текстовом материале двух подкорпусов Саратовского диалектного корпуса – говором с. Белогорное и с. Земляные Хутора Саратовской области. Обращение к текстовому материалу двух разных говором позволяет выявлять как собственно диалектные особенности, так и специфичные, обусловленные лингвокультурологической ситуацией конкретного говора⁵.

Обращение к диалектному дискурсу предоставляет исследователю уникальную возможность на материале одного языка увидеть взаимодействие, взаимопроникновение различных культурных кодов. По нашим наблюдениям, современные диалектоносители находятся на границе, пересечении нескольких культур. Прежде всего, это традиционная народная культура, являющаяся дискурсообразующей, базовой. Значима для современного диалектного дискурса и советская культура, поскольку наши информанты большую часть жизни прожили в Советском Союзе. В зависимости от идиолектных особен-

ностей, а также социокультурных характеристик говора могут актуализироваться другие культурные коды, например религиозный.

Традиционный код является для диалектного дискурса структурообразующим. Он основывается на мифологическом типе сознания, основными вербализующими компонентами этого кода становятся тексты устного народного творчества, которые гармонично вплетаются в речь диалектоносителя. Это могут быть различные паремии, цитаты из песен или частушек, отсылающие к коллективному опыту и используемые для подтверждения справедливости, правильности своих слов:

А то ж так/ может у кого золовки есть/ ну золовки тоже есть которые понимают/ а которые нет// В частушке не даром поётся// Лучшие девять деверьев/ чем одна золовушка;

лицёмёрьте языком/ дочки/ как хотите/ вот// вот/ знайте/ что он вам/ если ты с нём думаешь жить/ он значит ёго мать тоже растила/ и тебя растила и ёго растила/ ты/ хоть пускай на душе/ лёд/ но на языке мёд/ «мама-мама» её/ «мама-мама» и всё/ вы с ней// обидится не обидится ли/ это дело её;

Она в лицее учится или ко...// колледж его называют// Все новые имена-то// Как у меня мама-то рассказывала// Каждая Акулина/ если она в разном сарафане/ то разное и выглядит// Так и это.

Нередко экспликация традиционного кода происходит посредством обращения к прецедентному феномену, отсылающему к культурной ситуации, уже мало понятной для современного диалектоносителя:

это уж стали вот когда в колхозе работать/ стали маленько/ хлеба давать// ездили сами мололи// вот и пёкли/ чёго хотели//

– У вас жена хлеб пекла, да?

– да/ и хлеба// на праздник жаворонок напекёт/ жаворонки прилетели красно лето принесли/ вот таки из хлеба наделают// оно половина поста проходит/ крестов напёкут/ а в кресты запёкут/ в один крест денюжку положут/ в другой крест/ щепочку положут//.

В приведенном нами примере информант использует элементы традиционного кода – название обрядовых блюд (*жаворонок, кресты*), фрагмент обрядового текста (*жаворонок прилетели красно лето принесли*) и обрядовое действие (*крест денюжку положут/ в другой крест/ щепочку положут*). Но, как видно из продолжения беседы, диалектоноситель не знает уже точные даты праздников и не осознает смысл ритуальных действий.

Есть в нашем материале и примеры реализации традиционного кода с помощью сложных фольклорных жанров (песни, стихи, заговоры и т.д.):

невесту опять сажают/ вёзут/ катаются по улице/ а остальные девки идут/ веников им дадут/ веники/ идут и поют (поет):

*молодка/ молодка/ молоденькая/
головка твоя победенькая/
не с кем мне/ молодойке/ попить-погулять/
попить-погулять/ ночку ночёвать//*

вот эт пляшут всю дорогу// там одну споят/ другую споят// ну/ а тут уже... к вечеру приезжает поезд/ или даже на второй день/ у кого как/ у кого раз-раз// невесту сажают за стол/ из чулана её выводят/ невеста вопит// сажают за стол// её продают ребятишки.

В представленном фрагменте информант легко переключается с бытового повествования на традиционный код, реализуемый в виде свадебной песни. Данное переключение обусловлено тематически (рассказ о свадебном обряде), возникает постоянно на протяжении всего рассказа этого информанта (в общей сложности в рассказе насчитывается восемь песенных фрагментов).

Вербализуется традиционный код и лексическими средствами. Это, например, временные маркеры, актуализирующие обрядовое время (наименования различных дат традиционного календаря) в рамках бытового повествования:

*Прямо при скорой помощи помер// Это вот как раз было...// четырнадцатого-то **Покров Богородицы**/ праздник/ **Покров** был/ а он/ значит/ в четыре часа пятнадцатого-то/ на воскресенье-то/ в четыре часа ... утра помер// День-то приметный больно// Вот бы как бы вчера **Покров Богородицы** был/ а нонче на пятнадцатое число он помер.*

Используются для вербализации традиционного кода и собственно диалектные слова и выражения:

*молодёжь-то/ прежде **фатеры** были/ мы на **фатерах** сидели*

– А что такое фатеры?

*– ну/ снимали дом/ **посиденки** // вязали/ вот собираемся/ и ребятишки приходят/ с гармоней/ с балалайкой// и напляшешьси/ и напоёшьси/ и кружева вязали/ варежки/ и перчатки – всё вязали.*

В данном примере диалектоноситель не осознает момента переключения кода, на это своим вопросом обращает его внимание диалектолог. Часто же бывает так, что диалектоноситель понимает, что общается с представителем иной лингвокультурной группы, осознает использование традиционного кода, эксплицируя его посредством метаязыкового высказывания:

*да палати были раньше-ти у всех/ у нас вот на фатере-ти/ кельонки они еще назывались// В палати вот залазят парень// «выстукивает колотья» – «**мотаниться**» называли// Мы что-то разговорились с снохой// **Мотаниться**// А она-то глаза выдупила/ «Да что уж за слова-то/ чай/ у вас»/ – слово нынче напрямик ей как сказала// А тогда мотанились// Ну и чего, мотанились// Полежишь с нем на палатях// ну там поцелуешься ли/ чего ли/ наговоришься/ слазишь/ идет домой провожать и ни... и ничего то... **И вы не слышали еще слова мотанились/ мотанились//***

Сейчас дружат/ а без дружбы-ти... А тогда мотанились/ а ничего плохого не было.

При актуализации традиционного кода в беседе с диалектологами можно наблюдать явления коммуникативной неудачи, связанные с тем, что слово или выражение, используемое информантом, непонятно для представителей городской современной культуры. Вместе с тем нередки в нашем материале и ситуации коммуникативной неудачи, обусловленные тем, что современные диалектоносители не в полной мере владеют традиционным кодом, не опознают его:

*– А **плакальщицы** были на свадьбе?*

– плакальщицы?//

– Плакальщицы.

*– это как?// **я не понимаю**// да я и сама плакала// как песни пели/ я и сама плакала.*

Актуальным в речи современных диалектоносителей, по нашим наблюдениям, является **советский код**, т. е. номинация реалий, концептуализация и категоризация мира посредством концептов советского дискурса:

*Валюшка в 59 у нас родилась/ а тут армия – **службе Советскому Союзу** три года// А Валюшка уже была;*

*и я командиром отделения этого же стал в полковой школе// а старых командиров отделения взяли на пополнение первой половины двадцать первого года// да // ну пехотное училище // а в сорок первом году/ **ровно в четыре часа/ Киев бомбили / нам объявили/ что началась война.***

Вербализация советского кода часто происходит, как в представленных примерах, посредством использования прецедентных фраз. Источниками прецедентных феноменов становятся советские песни: строчка из песни появляется в речи нашего информанта в ситуации рассказа о событиях своей жизни, при упоминании знаковой для всей страны даты. Реже в качестве источников встречаются советские фильмы. Еще одним прецедентным источником становится стандартная ситуация советского времени: например, диалектоноситель в рассказе о своей жизни употребляет типовое высказывание «**Служу Советскому Союзу**» для обозначения периода службы в армии.

Советский код может актуализироваться не только в ходе свободного рассказа о прошлом, но и в текстах, непосредственно связанных с настоящим. Маркеры советского кода – номинации «колхоз», «председатель», «райком», имена советских политических деятелей и т. д. – структурируют социальную сферу не только в прошлом, но и в настоящем. Например, репрезентант «колхоз» активно используется и в рассказах о сегодняшней жизни, поскольку у наших информантов не освоены номинации современных реалий, о чем свидетельствуют метаязыковые высказывания:

*да вот это... правление-то **колхоза/ я всё колхоза/ недмит... немитстрация** что-ль какая/ я не выговорю.*

Если традиционный и советский коды, по нашему мнению, характерны для диалектного дискурса в целом, то использование других кодов обусловлено различными социокультурными факторами. Например, актуализация религиозного кода происходит в речи диалектоносителей, для которых религиозное мироощущение является частью их картины мира. Материал текстовых подкорпусов говоров с. Земляные Хутора и с. Белогорное демонстрирует наличие серьезных различий в использовании религиозного кода носителями данных говоров. В говоре с. Земляные Хутора нами фиксируется фрагментарное, случайное, несистемное употребление религиозного кода, тогда как в говоре с. Белогорное религиозный код является одним из основных, дискурсообразующих. Использование религиозного кода обусловлено особой лингвокультурной ситуацией говора с. Белогорное: в этом селе в течение десятилетий сосуществуют представители двух конфессий – официального православия и старообрядчества.

Актуализация религиозного кода происходит различными путями, один из самых частотных – идентификация и самоидентификация жителей села по принадлежности к той или иной конфессии:

молюсь/ да.../ ну вот и всё/ чё я ещё/ больше чего/ молюсь я/ не церковна я/ нет нет нет/ не церковна я/ старообрядческой веры/ у меня предки были/ бабушка дедушка старой веры/ старообрядческой/ да...

Диалектоносители в ходе беседы указывают собственную конфессиональную принадлежность или идентифицируют односельчан по признаку принадлежности к той или иной конфессии, используя номинации *старообрядцы*, *староверы*, *кулугуры*, *монашки*, *феодосцы* для именования старообрядцев и номинации *церковные*, *мирские* – для приверженцев официального православия. Интересно, что такую самоидентификацию по конфессиональному признаку используют не только глубоко верующие диалектоносители, но и жители села, для которых религия не является важной составляющей жизни:

– А вы? Вы тоже **старовер**?

– и я **старовер**/ да//

[жена]– **какие мы староверы?**

– **ну не в церковь ходим же// в церкове церковны/ вот это не староверы/ церковны.**

В приведенном нами примере, как и во многих других текстах, очевидно, что номинации людей по конфессиональному признаку в говоре села Белогорное используются как знак принадлежности к семье, роду:

– А у вас родители были старообрядцами или церковными?

– **мы и сейчас церковные и они церковные.**

Использование религиозного кода затрагивает различные сферы жизни. Например, концептуализация праздничной сферы в рамках

религиозного кода предполагает строгое разграничение христианских праздников и праздников светских:

тут все не такие праздники/ тут Паска/ Рождество/ Богоявление – ну вот такие вот праздники / вот в том числе Троица / да.

Актуализация религиозного кода в ситуации непринужденного бытового общения имеет многоуровневый характер. Диалектоносители используют лексические средства, относящиеся к определенным тематическим группам (именование Бога, Богородицы, святых; предметов, используемых в религиозном обряде), обращаются к прецедентным текстам в форме прямых цитат (молитвы, фрагменты религиозных текстов и т.д.):

вот девчонки/ а мы/ женщины / всегда должны Богородице/ Богородице знайте молитву/ а ты / всегда знайте девчонки Богородицу/ Отче наш/ Верую/ Слава Отцу и Сыну и Святому духу / когда бы вы не пошли/ выходите из дома/ ограда меня Господи / силою честного животворящего креста/ и на тебе уже будет висеть крест/ потому что сатана креста боится/ ладана/ ладан зажигают/ а ладан то разный// душистый/ он когда/ ну это для стареньких же// допивай чай/ а потом будете там сейчас записывать// давайте ещё чаю;

*там всё показывают/ вот/ отчего сейчас это молодёжь всё и узнали // вот оне всё видят / у меня вот внучка приезжат / ей только еще четыре годика / и она сейчас вот мультфильм ... начни или эту/ вот... рекламу/ ну так она моментом летит и глаза навозрачиват// ну// с таких лет/ она уже всё/ понимает / что такое реклама/ что такое там/ мультфильм или чёго-то // ну и чёго же? оставь говорит/ «нет / дедушка/ нет/ я посмотрю/ не надо выключать/ я посмотрю»// «да там нечего смотреть-то/ чёго там хорошего-то»// «а мне нравится»// вот что ты будешь делать// вот **внушил нечистый дух// дьявол** говорят залезет/ в душу-ту// вот он и залазит.*

Актуализация исследуемых нами культурных кодов может происходить как изолированно, так и во взаимодействии. Часто наблюдается одновременное использование традиционного и религиозного кодов, которые гармонично взаимодействуют, более того, религиозный код частично включен в традиционный. Интересно, что в нашем материале нередко сочетаются в одном контексте религиозный и советский коды:

– Но он ведь был миссионером? он как, **при церкви служил** или как? как он научился, миссионером-то стал?

– ну его выбрали/ как вот этих... **секретарей/** этих... ну **райкомовцев** местных/ так и его выбрали/ и он стал **руководить**//.

Вербализация советского кода происходит посредством использования номинаций советских партийных деятелей внутри рассказа о

судьбе деда информанта, перешедшего из старообрядческой веры в официальное православие, ставшего священником.

Одновременная актуализация, смешение кодов часто происходит при рассказе о важных событиях жизни информантов, приходившихся на те или иные праздничные даты:

ну и нашёлся жених/ ну... и как раз вот... Восьмое марта было/ а он как раз на последней неделе... вы сейчас/ наверно/ понимаете/ что Великий пост придёт? Масленица/ и за Масленицей Великий пост туда// вот// и вот как раз мы на этой/ на Масленской неделе свадьба/ ну маненечко сидели.

Здесь мы наблюдаем одновременное использование наименования праздников, относящихся к советскому коду (*Восьмое марта*), религиозному коду (*Великий пост*) и традиционному коду (*Масленица, Масленичная неделя*).

Актуализация и переключение лингвокультурных кодов в диалектном дискурсе, вероятно, не сопровождается использованием специальных вербальных маркеров, что обусловлено различными причинами: это и тематическая и жанровая диффузность диалектного текста, и слабая актуализация метаязыковой функции диалектоносителей в ситуации естественного общения. Появление маркеров использования лингвокультурных кодов может быть детерминировано особой коммуникативной ситуацией межкультурного общения, когда носители диалектной культуры взаимодействуют с представи-

телями других культур, например с носителями литературного языка. Маркерами, указывающими на использование в диалектной коммуникации лингвокультурных кодов, становятся метаязыковые высказывания, вводные пояснительные конструкции, прецедентные феномены.

Примечания

- 1 Телия В. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 20–21.
- 2 См.: Ефименко Т. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации // Известия высших учебных заведений. Серия : Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 3. С. 188–191.
- 3 См.: Воробьев В. Культурная грамотность как основа межкультурного взаимодействия и общения // Русский язык в полиэтнической среде : Социокультурные проблемы лингвистического образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : РИО БашГУ, 2006. С. 30–32.
- 4 Верещагин Е., Костомаров В. Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : методическое руководство. М. : Высшая школа, 1990. С. 26.
- 5 См.: Буранова А. Тематическая организация диалектной речи : квантитативный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология, Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 35–38.

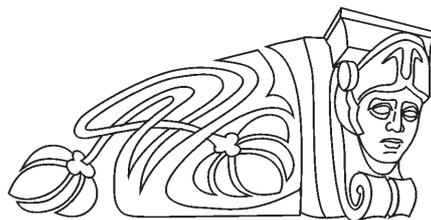
Поступила в редакцию 23.01.2021, после рецензирования 06.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 23.01.2021, revised 06.02.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 136–140
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 136–140

Научная статья
УДК 811.161.1*28(470.12)
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-136-140>

Наименования кухонной утвари как элементы пищевой традиции (на материале вологодских говоров)

А. Н. Жандарова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Жандарова Анастасия Николаевна, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, an.fedina2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3881-1119>

Аннотация. В статье рассматриваются наименования кухонной утвари как элементы пищевой традиции в вологодских говорах. Исследуются лексические диалектизмы, входящие в состав тематической группы «Кухонная утварь». Анализируются значения данных единиц, их функционирование в речи.

Ключевые слова: диалект, тематические группы, пищевая традиция, языковая картина мира, традиционная культура

Для цитирования: Жандарова А. Н. Наименования кухонной утвари как элементы пищевой традиции (на материале вологодских говоров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 136–140. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-136-140>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-136-140>

Names of kitchen utensils as elements of the food tradition (Based on the Vologda dialects)

A. N. Zhandarova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anastasia N. Zhandarova, an.fedina2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3881-1119>

Abstract. The article considers the names of kitchen utensils as elements of the food tradition in the Vologda dialects. Different lexical dialect units that constitute a part of the thematic group “Kitchen utensils” are studied in this article. The meanings of these units and their functioning in speech are also analyzed.

Keywords: dialect, thematic groups, food tradition, linguistic view of the world, traditional culture

For citation: Zhandarova A. N. Names of kitchen utensils as elements of the food tradition (Based on the Vologda dialects). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 136–140 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-136-140>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Бытовая лексика (наименования одежды, орудий труда, построек, утвари, пищи) сегодня всё чаще становится объектом исследования диалектологов. Наименования артефактов хранят и транслируют информацию о прошлом народа, его традициях, обычаях. Актуальность исследования материальной культуры народа и её отражения в языке, возможно, связана с тем, что «наряду с происходящей глобализацией, сейчас все ищут свои корни, “идентичность” <...>»¹.

В настоящей статье речь идёт о наименованиях кухонной утвари, бытующих на территории с. Мегра Вытегорского района и некоторых сёл и

деревень Тотемского района Вологодской области, которые наряду с наименованиями пищи² представляют собой ядро народной пищевой традиции.

Лексемы, называющие предметы кухонной утвари, относятся к древним пластам лексики. Их всестороннее рассмотрение позволит описать специфику пищевой традиции изучаемой местности и её объективацию в народно-речевой культуре.

Слова и сочетания слов, называющие предметы кухонной утвари, образуют тематическую группу (ТГ) «Кухонная утварь». Кухонная утварь используется в хозяйстве как для приготовления, так и для хранения, употребления пищи и напит-

ков. Поэтому единая ТГ «Кухонная утварь» членится на ряд подгрупп.

Нами были выделены четыре подгруппы на основании процесса, в котором используются предметы кухонной утвари. Каждая подгруппа членится на ряд групп в зависимости от назначения тех или иных предметов.

Так, в группе «**Наименования кухонной утвари для приготовления пищи и напитков**» выделяются следующие подгруппы:

«Наименования утвари для изменения состояния продуктов (измельчения, толчения, взбивания, раскатывания и т.д.): *посек, сечка, нож (ножик), мясорубка, пест (песток/песточек), толкушка, мутовка (мотовка/мутовочка), маслбоекка, скалка (скаўка), валёк (валик), соковыжималка;*

«Наименования утвари для просеивания/процеживания»: *решето, сеяльница, сито, дурилаг;*

«Наименования утвари, используемой для изготовления хлеба и разного рода выпечки»: *кринка (крынка/ криночка/ кренька), квашня/ квашня, квашонка (квашоночка), багулька 'деревянная кадка для теста/ закваски', ведро, форма (формочка), ковш, совок деревянный;*

«Наименования утвари для приготовления пищи/ напитков на газовой плите/ в духовке»: *горшок (горшочек), чайник (чайничек), кастрюля (кастрюлька/ кастрюль), сковорода (сковорода/ сковородка/ сковородня);*

«Наименования утвари для приготовления пищи/ напитков в печи или на огне»: *горшок/горшочек, чугунок/чугунок, мясник 'чугун для приготовления мяса', сковорода (сковорода/сковородка/сковородня), котёл (котелок), самовар, противень;*

«Наименования кухонной утвари, используемой в качестве вспомогательных орудий труда при приготовлении пищи в печи или на открытом огне»: *ухват, крюк, помело, метла, таган;*

«Наименования кухонной утвари технического характера»: *хлебопечка, соковыжималка, самогонный аппарат, «тефаль» в значении 'чайник', самовар.*

Группа «**Наименования кухонной утвари для подачи и приёма пищи или напитков**» включает в свой состав такие подгруппы, как:

«Наименования утвари для приёма/подачи напитков»: *чашка (чашечка), стакан (стаканчик), рюмка (рюмочка), блюдец (блюдецко), кружка, стопочка;*

«Наименования утвари для приёма/подачи пищи»: *ложка (ложечка), вилка (виўка/вилочка), миска (миска эмалированная/мизочка/миска обшья), чашка, блюдо, тарелка (тарелочка), латка (латочка) 'плошка, тарелка для приема пищи', баландушка 'тарелка для первых блюд', плошка, поднос, кара 'широкая доска (с углублением посередине), на которой разделяют и подают на стол рыбу и мясо'.*

Группа «**Наименования кухонной утвари для хранения, консервирования, заготовки**

продуктов или напитков» членится на две подгруппы:

«Наименования утвари для заготовки/ консервирования продуктов/напитков»: *банка, крышка капроновая, бочка (боўка), корыто, ушат, чан, кадка (кадушка), квашонка (квашоночка), так (тазик);*

«Наименования утвари для хранения продуктов/напитков»: *кринка, сахарница, бутылка, горшок (горшочек), кринка (крынка/криночка/кренька).*

Также выделяется группа «**Общие наименования кухонной утвари**»: *посуда, посудина/посудинка, склянки 'стеклянные банки, бутылки'.*

В выделенных нами группах представлена как лексика общерусского фонда, так и диалектная лексика. Бытовые реалии современной северной деревни сегодня, несомненно, изменяются. В процессе приготовления пищи на помощь хозяйкам всё чаще приходит бытовая техника – хлебопечки, соковыжималки, мясорубки и др.:

так бруснику ведь кто как делал/ кто и пропускает на мясорубке;

кабачки разрезаешь так на кубики/ варишь с песком/ ну когда они такие твёрденькие/ хорошо тогда/ кабачки/ а потом туда через мясорубку пропускаешь апельсинчика или лимон;

а теперь печь/ хлебопечка-то вон дочь подарила/ дак в хлебопечке спечь недолго;

а это на соковыжималке вся пропущена тут там что густой-то вы не бойтесь/ это именно така вкуснятина/ с песочком.

При этом некоторые хозяйки по-прежнему продолжают готовить блюда в печи, поэтому такая вспомогательная утварь, как *ухват, лопата, помело* и т.д., есть во многих домах Мегры, Тотьмы. Эти лексемы часто возникают в речи диалектоносителей в рассказах о своей молодости:

ухват// вот чугунок-то в печку ставим/ дак вот этими;

да-да/ лопата такая/ ухват/ лопата такая/ метла у неё постоянно для печки была чтоб перед тем как положить она всё выметит там устоится/ пыль уляжется и такое;

вот ведь надо будет спекти/ дак ведь там сгорит уголь/ так всё прочее не класть/ ещё помело у меня есть/ некоторые не паирут помелом/ а я паиру.

Самобытность пищевой традиции сохраняется в тех предметах быта, которые издавна использовались на Вологодчине. В народной речи эти реалии репрезентируются в первую очередь лексическими диалектизмами: собственно лексическими и семантическими диалектизмами.

Согласно классификации диалектизмов, предложенной В. В. Колесовым, под *собственно лексическими* диалектизмами понимаются «местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или диалектные производные от корней, представленных в литературном языке», *семантическими* называются слова, ко-

торые «тождественны по звуковой форме соответствующим словам литературного языка, но отличаются от них своими значениями»³. Рассмотрим некоторые лексические диалектизмы, представленные в изучаемых говорах.

К собственно лексическим диалектизмам относятся слова *посек*, *сеяльница*, *баландушка*, *багунька*.

Для просеивания муки использовалась *сеяльница*:

у нас дак в бочках/ овсяна мука в бочке/ ржаная мука в бочке/ толокно в бочке/ этого/ и там такая сеяльница/ и там сеяли мы/ решетом сеяли муку.

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ)⁴ даётся такое определение данному диалектизму: «Корытце, долбленный деревянный лоток, берестяная корзина и т. п. для просеивания, хранения муки и других хозяйственных надобностей».

Посеком в Мегре называют приспособление для толчения ягод:

ягоды хранили тоже эдаких в кадушках с.. только заталкивали/ нальют туда вода/ посеком затолчат/ что рассол выскочет наверх/ дак ягода уж не портится.

Лексема *багунька* не зафиксирована диалектными словарями (СРНГ, СГРС⁵), не встречается в толковых словарях русского языка (МАС⁶, БТС⁷). Исходя из имеющегося в нашем распоряжении контекста, можно предположить, что *багунькой* в Мегре называют «деревянную кадку для теста/ закваски»:

закваска// просто кладешь хоть этот как/ первой-то раз дак закваску... а/ потом/ оставляешь этого... в таких/ когда ить/ в кре'ньках/ а когда/ такие/ раньше были ещё эти деревянные/ специальны таки багуньки эти/ деревянные// так вот// как/ больша семья дак... кажный день/ пекёт ак туды оставиш этого// а потом/ нальишь воды/ и ено там/ розмокнет// вот ы закваска// делалася.

В речи одного информанта нами было зафиксировано единичное употребление диалектизма *баландушка*:

ой/ раньше тут как это тут как училище было/ как ВЗО или как там// пришли/ нас помню в столовую/ дали там такую баландушку/ такие горшки/ как это/ плошки такие вот как этот цветник из такого/ ага/ дали а там что там картошина да крушина ползат только/ и нам так уж показалось этот суп вкусный/ сидим ой какой вкусный.

Слово *баланда* употребляется в речи диалектоносителей также со значением «род кушанья, холодная похлёбка, приготовленная из травы, ботвы, ягод, с добавлением муки». Таким образом, данное значение находится в метонимической связи с обозначением посуды, в которой подается жидкое кушанье. *Баландушка* – глубокая плошка, по форме напоминающая горшок, для

приема первых блюд, жидких похлёбок». Лексемы *баланда* и *баландушка* возникают в рассказ-воспоминаниях о голодном послевоенном прошлом. На наш взгляд, лексема *баландушка* содержит в себе коннотативный компонент: из всего разнообразия номинаций (глубокая тарелка, плошка, чашка, миска) используется именно слово *баландушка*, тем самым подчеркиваются тяготы послевоенной жизни, нужда, голод. Именно в *баландушках* подают очень жидкую похлёбку – *баланду*.

Семантическими диалектизмами среди наименований кухонной утвари являются слова *кара*, *мясник*, *крюк*, *валёк*.

В мегорском говоре словом *кара* называют «разновидность большого блюда для подачи мяса или рыбы, как правило, деревянного, с углублением посередине»:

Да/ мясо вытащим вот на такую/ называлась кара.

Кара? А как она выглядела?

Вот такая деревянная/ вот с этой... ручкой/ углубление туда под мясо/ вот вытащим большой кусок/ мелко разрежут/ вот с этой кары мясо и ели.

В литературном языке под *карой* понимается «суровое наказание, возмездие».

Для приготовления мяса используется большой чугуун – *мясник*:

Чугуны были/ мясники были.

А мясник – это что такое?

А мясник/ это чугуун тоже/ мясник/ большой только/ варили в нем мясо.

Только одно мясо варили/ поэтому мясник назывался.

В СРНГ подобное значение зафиксировано: «Мясник. 5. Горшок, в котором варят мясную пищу. Олон. 1852. Онеж. Шенк. Арх. Ленингр. Север. Волог.». Словари литературного языка (МАС, БТС) лексеме *мясник* дают следующие значения: «продавец, торговец мясом», «тот, кто работает на бойне (разг.)», «жесткий, кровожадный человек», «плохой хирург».

Диалектизм *крюк* при сходстве плана выражения имеет семантические различия в сравнении со словом литературного языка. В Мегре *крюк* используется для выгребания углей из печки, т.е. выполняет функции *кочерги*:

а это крюк// это в печке угли выгребаем// печка-то стопится/ а угли-то остаются/ вот в плиту выгребаем/ вот этим крью'ком.

При этом номинация *кочерга* в речи также употребляется:

Вот кочерга...

И что ей делали?

Вот/ в печке там/ это/ угли гребут/ головенки помешать/ это угли убрать/ это/ в печке/ для этого.

В литературном языке *крюк* имеет значения «толстый металлический стержень с загнутым концом»; «приспособление для переноски тяже-

стей, состоящее из закругленного металлического стержня, привязанного к веревке»; «металлическое острие с загнутым концом, насаживаемое на шест, палку»; «дверной запор»⁸.

Лексема *валёк* фиксируется как диалектными словарями (СРНГ, СГРС), так и словарями литературного языка. Так, например, в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) фиксируются следующие значения: «Валёк. 1. В старину: плоский деревянный брусок с ручкой для выколачивания белья при полоскании или для его катания на скалке (перед глажением или вместо него). 2. Деревянный или металлический цилиндр, используемый в качестве катка, стержня и т.п. 3. Толстая палка у передка повозки, к которой прикрепляются постромки». В речи жителей Мегры наименование *валёк* наряду с частотным значением «приспособление для глажения белья» (*а когда утюга нет дак валёк да каток/ круга палка на допустим грубую какую-нибудь под одеяла или простыни что-то накатывали накручивали на палку и вальком/ это каток кругленька а сверху така типа как полоскали но она с рубчиками/ это валёк*) также употребляется в значении «приспособление для раскатывания теста, скалка»:

как делать...// ржаная мука/ в первую очередь/ на кефире можно// на кефире сделать// потом...// ну загибать их надо// этим... валёк-то вот так/ катал/ по-нашему сканцы.

При этом диалектоносители наряду со словом *валёк* используют в речи и слово *скалка*:

надо скайку показать/ вот этой скайкой ску эти сканцы/ так... сейчас сейчас/ во-во!/ нашла!/ она недалеко/ вот не так давно я делала пирожки дак... вот этой скайкой;

сыр вот творог/ в печке во пожарче жарче кладу/ потом его выжимаю/ сушу/ и этим вот скалком-то ску/ чтоб помягче был/ и всё.

В выделенных подгруппах встречаются наименования, характеризующие пищевую традицию изучаемой местности, которые фиксируются как диалектными словарями, так и толковыми словарями русского литературного языка. Например, *квашня*, *квашонка*, *кринка*, *мутовка*, *латка*. Данные лексемы называют предметы быта, которые являются яркой приметой Вологодчины, Русского Севера, они представлены в дифференциальных диалектных словарях (СРНГ, Диалект.⁹), а потому их по праву можно включить в состав лексических диалектизмов ТГ «Кухонная утварь».

Словом *кринка* в мегорском говоре называют «сосуд, большой горшок, предназначенный для хранения продуктов (закваски, молока), а также для использования в качестве формы для выпечки хлеба»:

кринка така большая была вот така кринка, делали большие, вроде большой горшок/ и в этой кринке и раньше этого растворяли на дрожжах, чтобы не пахло и булки хорошие/ потому что окисли не дает/ в этих кринках пекли;

белого тесто дак растворяли в этих кринках/ протоквашу лили в эти кринки;

ну дак это крынку холодна молока принесла.

Номинация *квашня* частотна в речи диалектоносителей, употребляется в рассказах о прошлом. *Квашней* называют «большой глиняный горшок, в котором растворяли закваску и замешивали тесто»:

семья большая/ и свекровь на каждый праздник пироги пекла/ так она вот эту большую квашню замесит и ещё ведро замесит представляете?

ну дак ведь этого.../ для себя дак столько и смелешь/ квашни-то растворяешь/ хлеб-то пекуешь/ дак столько и намелешь.

– *А замешивали в чём тесто?*

– *В этой же и замешивали/ во што растворяли.*

– *А как она называлась?*

– *Да как?/ квашня замешана/ а как?*

Подобную же функцию выполняла в быту и *квашонка* – «деревянная кадка, деревянный бочонок для замешивания теста, заготовки продуктов на зиму, соления»:

– *Тесто в чем замешивали?*

– *А такие/ квашоночки были// деревянные/ так делали квашоночки небольшие на семью так... три-четыре таких/ булки/ круглые// спекут/ вот так.*

– *А в чём грибы солили?*

– *В квашонках.*

– *А что это?*

– *А деревянна квашня така эдакой бочоночек/ в подполье его показывала да у нас в подполье вынесены бочоночки да из-под капусты да из-под рыжиков.*

Распространённым предметом в изучаемой местности является *мутовка/мотовка*. *Мутовкой* называют «приспособление для взбивания масла, жидкого теста». Этот предмет кухонной утвари и сегодня хранится и используется жителями Мегры, Тотьмы:

раньше мешали вот/ тесто замешиваем// но эти/ а небольшая мутовка дак/ масло мешали/ коров держали дак;

сметану-то сверху с протоквашей-то/ кладешь в миску/ вот мутовка/ и помешаешь;

вот мутовка/ гляди у дедка сделана// и мешаешь/ и масло.

Лексема *латка/латочка* используется в речи жителей Мегры в значении «миска, плошка»:

я возьму тоже латочку [черники]// достану/ вот песку наложу и я латочку съедаю даже// так-то можно этой/ в печечке ягодники/ но.../ в это времена было жарко/ не пекла/ ну и/ достану вот латочку/ наложу песочку поем/ кисленького надо витаминов.

В СРНГ подобное значение зафиксировано наряду со значением «глиняная (редко чугунная или алюминиевая) посуда для жаренья, род сковороды (круглой или продолговатой формы)».

Таким образом, в состав ТГ «Кухонная утварь» входит как общерусская, так и диалектная лексика. Пищевая традиция репрезентируется собственно лексическими, семантическими диалектизмами, которые продолжают функционировать в речи жителей Мегры и Тотмы. Характер функционирования диалектизмов в речи диалектоносителей даёт представление о степени сохранности пищевой традиции на территории бытования русских народных говоров, о присущих ей динамических тенденциях (ср. употребление диалектизмов в рассказах о прошлом или в качестве названий и поныне используемых предметов быта). На современном этапе развития вологодских говоров в составе ТГ «Кухонная утварь» сосуществуют старые наименования, соотносимые с прежним традиционным укладом жизни, и новая лексика, появление которой связано с изменением внеязыковой действительности, бытовых реалий (*тефаль, хлебопечка* и др.), с динамикой пищевой традиции.

Примечания

¹ Шапошников В. Русская речь 1990-х : современная Россия в языковом отображении. М. : URSS, 2010. С. 225.

- ² См.: Жандарова А. Пищевая традиция в народно-речевой культуре : продукты, блюда, напитки (на материале вологодских говоров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 423–428. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-423-428>
- ³ Колесов В. Русская диалектология. М. : Высшая школа, 1990. С. 172.
- ⁴ СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. : Наука ; Л. : Наука, Ленинградское отделение ; СПб. : Наука, 1965–2016.
- ⁵ СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005.
- ⁶ МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
- ⁷ БТС – Большой толковый словарь русского языка : А–Я / РАН, Институт лингвистических исследований ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.
- ⁸ Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М. : А ТЕМП, 2006. .
- ⁹ Дилакт – Словарь областного вологодского наречия : по рукописи П. А. Дилакторского, 1902 г. / подг. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.

Поступила в редакцию 26.01.2021, после рецензирования 08.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 26.01.2021, revised 08.02.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 141–144
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 141–144

Научная статья
УДК 811.161.1*242*28
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-141-144>

Функционирование прецедентных единиц в разных типах неофициальной коммуникации (на материале русского языка)

Е. А. Дреготень

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дреготень Екатерина Александровна, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, kates5.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4567-651X>

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования прецедентных феноменов в разных лингвокультурных формах русского неофициального общения. Рассмотрены особенности употребления прецедентных единиц в номинативной, ludic, персуазивной и парольной функциях в разных типах коммуникации.

Ключевые слова: прецедентный феномен, разговорная речь, диалектная речь, интернет-коммуникация, функции прецедентных единиц

Для цитирования: Дреготень Е. А. Функционирование прецедентных единиц в разных типах неофициальной коммуникации (на материале русского языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 141–144. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-141-144>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-141-144>

Different functions of precedent phenomena in Russian colloquial speech

E. A. Drevoten

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina A. Drevoten, kates5.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4567-651X>

Abstract. This article analyzes different functions of precedent phenomena in various linguistic and cultural forms of Russian colloquial speech. The author considers special features of precedent units being used in nominative, ludic, persuasive and password functions in different types of communication.

Keywords: precedent phenomenon, colloquial speech, dialect speech, Internet communication, functions of precedent units

For citation: Drevoten E. A. Different functions of precedent phenomena in Russian colloquial speech. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 141–144 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-141-144>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Изучение прецедентных феноменов (ПФ), к которым относят прецедентные имена (ПИ), прецедентные тексты (ПТ), прецедентные высказывания (ПВ) и прецедентные ситуации (ПС), является одной из наиболее актуальных проблем лингвистики, к которой продолжают обращаться многие исследователи. Прецедентные единицы являются значимой частью всех видов коммуникации, служат важным компонентом формирования и поддержания лингвокультурного единства общества. Вместе с тем ПФ выступают и как средства межкультурного, межнационального своеобразия, а также явля-

ются маркерами социолингвистической дифференциации внутри одного национального общества.

Разнообразие ПФ, их коммуникативных функций, динамичность обуславливают необходимость многоаспектного изучения явлений прецедентности.

На сегодняшний день существует множество подходов к исследованию и классификации ПФ. В их основу могут быть положены различные критерии: степень известности ПФ, виды и характер источника, вербальность/невербальность, канонизированность/неканонизированность,

выполняемые функции и другие (Д. Б. Гудков¹, В. В. Красных² и др.).

Во многих исследованиях, посвященных проблеме прецедентности, отмечается многообразие функционального потенциала прецедентных феноменов (Л. М. Гриценко³, Г. Г. Слышкин⁴, С. Б. Сереброва⁵ и др.). «Функциональная специфика ПФ, как правило, определяется исследователями с позиции того научного направления, в сфере которого находится автор»⁶.

С точки зрения теории коммуникации прецедентные единицы, по мнению Г. Г. Слышкина, могут выполнять следующие функции (в зависимости от контекста): номинативную, персуазивную, юридическую (или игровую), парольную⁷.

Если прецедентные единицы используются для обозначения фрагментов действительности, для формирования понятий о них, то они выполняют номинативную функцию, экономно замещающая собой другие языковые средства, другие способы объективации коммуникативно релевантного содержания. Выраженная экспрессивная реализация номинативных задач позволяет выделить особую – юридическую – функцию. Употребление прецедентных единиц в целях воздействия на адресата определяется как персуазивная функция. Парольная функция прецедентных единиц выявляется в случае их использования с установкой на социально-культурную идентификацию партнеров по коммуникации, с целью выражения общей групповой принадлежности (социальной, политической, возрастной и т.п.) адресанта и адресата.

Другие функции ПФ в своих исследованиях называет А. Е. Супрун: эстетическая, кумулятивная (или историческая), функция подтверждения правильности или ссылки на авторитет⁸.

Некоторые исследователи рассматривают функции прецедентных единиц с точки зрения теории интертекстуальности (Н. А. Фатеева⁹, И. В. Арнольд¹⁰). Определяя ПФ как главный инструмент интертекстуальности, они выделяют еще одну функцию – смыслообразующую.

Разумеется, это далеко не все существующие классификации ПФ по выполняемым ими функциям. Тем не менее уже по этим примерам можно сделать вывод об отсутствии единого подхода в рассмотрении проблемы, о ее разноаспектности и многоплановости, а значит, и актуальности ее исследования.

Данная статья посвящена сравнительному анализу функционирования ПФ в трех сферах неофициального общения: в речи диалектоносителей разных русских говоров (ДР), в русской литературно-разговорной речи (РР) и в сфере интернет-коммуникации (ИК) как одной из разновидностей неофициальной разговорной речи. Все эти области в настоящий момент являются наименее изученными с точки зрения прецедентности¹¹.

Материалом анализа стали тексты-записи речи диалектоносителей четырех говоров: с. Ме-

гра Вологодской области, с. Белогорное Саратовской области, с. Земляные Хутора Саратовской области, с. Орлов Гай Саратовской области (69 текстов общим объемом 151 545 словоупотреблений, записи 1980–2000-х гг.); рассказы-воспоминания о Москве и москвичах, записанные в 1980–1990-е гг. М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой¹²; тексты-записи разговорной речи жителей Саратова из фондов кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ (75 текстов общим объемом 192 746 словоупотреблений, записи 1970–1990-х гг.), а также посты, размещенные на интернет-платформах: Instagram, Telegram, Яндекс-Дзен (116 текстов общим объемом 100 861 словоупотребление).

Выборка, сформированная на основе названных типов неофициальной коммуникации, включает 267 контекстов с прецедентными единицами разных видов: 104 контекста выделено из речи диалектоносителей, 80 – из текстов разговорной речи, записанных от носителей русского литературного языка, 83 отмечено в постах пользователей интернет-платформ.

Систематизировав единицы в соответствии с классификацией, предложенной Г. Г. Слышкиным, мы выявили существенные различия в функционировании ПФ в каждом типе коммуникации. Так, в диалектной и разговорной речи главной функцией, которую выполняющей выделенные нами единицы, является номинативная (75% в разговорной речи, 47% в диалектной). Однако в интернет-постах номинативная функция ПФ не является преобладающей, а занимает, скорее, второе место в количественном соотношении (32%). Сюда мы отнесли контексты, в которых обращение говорящих к прецедентным единицам позволяет компактно обозначить целые ситуации, придает высказыванию большую смысловую насыщенность. Ср.¹³:

от там как Чапаев стоит/ этот с саблей как это он там проходил с своими войсками// (ДР);

У них не отношения, а Санта-Барбара настоящая. Что ни день, то разборки, крики, хлопанье дверьми (ИК);

В – Так / а композитор / не обязан быть музыкантом?

А – Может и сочетание / быть разумное // Вот Моцарт / он и сочинял / и играл великолепно // (РР);

Всё усложняется тем, что в этом году я пообещала боженьке, Деду Морозу и мужу, что буду добрее. Пока не очень получается (ИК).

Достаточно частотное использование ПФ в юридической функции (25% в разговорной речи, 41% в диалектной) связано со стремлением информантов «раскрасить» свою речь, привлечь к ней внимание и развлечь слушающего. Ср.:

Б. А зеркало... Наташ/ ты еще в той комнате не была// Ты посмотри/ Мы там тоже ведь кое-что переставили// Мы тумбочку поставили

на шифоньер/ а получилось как антресоль/ ты обрати внимание (смех).

А. Понятно...

Б. Голь на выдумки хитра// (РР);

ну вы/ соловья/ баснями кормим// С-н М-ч пошел уж сам себя кормить// (ДР).

Некоторые ПФ, выступающие в людической (игровой) функции, выполняют одновременно и номинативную, поэтому их достаточно трудно разграничить и однозначно классифицировать. В этом случае необходимо обращать внимание на контекстное окружение единиц и на их коннотации. Так, многие информанты в своих рассказах используют цитаты из песен либо песни целиком, известные пословицы и поговорки, фразеологизмы и другие средства для выражения экспрессии, для развлечения слушателя. Ср.:

и зимой/ и осенью/ глядишь/ ох ты/ по полу ползёт/ ай/ по мне пополз// всякое насекомое/ всякое дыханье любит пиханье// вот видишь// (ДР);

когда приедешь?// теперь вот до белых мух/ до зимы короче говоря// (РР).

В данном случае важно обратить внимание на то, что информант осознанно употребляет прецедентное высказывание для выражения экспрессии. Это доказывает пояснение, которое следует сразу же после ПВ и усиливает его экспрессивность.

Следует отметить, что в интернет-сфере преобладающее число прецедентных единиц используется именно в людической функции (56%). Это заметно отличает данный тип коммуникации от двух других, исследованных нами. Очевидно, названную функциональную специфику употребления ПФ в интернет-коммуникации можно объяснить особенностями самого интернет-пространства и общения в этой среде. Участники виртуальной коммуникации общаются в режиме реального времени, но они могут ничего не знать друг о друге, кроме псевдонима и той информации, которую коммуникант сообщает сам о себе. И достаточно часто коммуниканты, чтобы создать некий образ, а также привлечь внимание к себе, своему блогу, текстам, пользуются элементами языковой игры, фразеологизмами, яркими и экспрессивными прецедентными высказываниями. Ср.:

Я ходила по квартире и кайфовала. А когда зазвонил домофон, захотелось сделать музыку погромче и не впускать никаких покупателей. Такая корова самому нужна! (отсылка к стихотворению С. Михалкова «Как старик корову продавал») (ИК);

Короче, я не знаю, как вы управляете машинами. Это кажется нереальным. Я теперь постоянно смотрю на водителей. Все как-то едут и даже в повороты вписываются. Все. А я Губка Боб, мокрые штаны. Жутко тряусь за рулем (ИК);

И всё, весь день хожу и думаю ну как там он назывался? Ведь популярный же фильм был. В итоге написала сестре. Короче перекинула с больной головы на еще более больную (ИК).

Любопытно, что достаточно часто пользователи модифицируют известные ПФ по-своему, намеренно усиливая их экспрессивность, как в двух последних примерах. Губка Боб, мокрые штаны – отсылка к известному мульт-персонажу – «Губка Боб, квадратные штаны». Автор поста, используя эту прецедентную единицу для описания своей ситуации, сознательно модифицирует ее, чтобы показать, насколько сильно он боится водить машину.

Подобная модификация присутствует и в третьем примере. Перекинула с больной головы на еще более больную – отсылка к фразеологизму «валить с больной головы на здоровую». Автор поста сознательно изменяет ПФ, чтобы сделать свой текст интереснее и привлечь внимание друзей пользователей к нему.

Исследуемые типы неофициального общения различаются также реализацией в них персуазивной функции. Употребление прецедентных единиц с целью убеждения собеседника в своей точке зрения более типично, как показывают наши материалы, для речи диалектоносителей и для интернет-коммуникантов, хотя в целом в этих сферах персуазивная функция реализуется реже, чем номинативная и людическая (в каждой из названных коммуникативных сфер в этой функции выступает не более 12% прецедентных единиц). В исследованных нами записях устного литературно-разговорного общения ПФ в персуазивной функции не отмечены.

В диалектной речи и в интернет-общении для воздействия на собеседника, подтверждения правоты своих слов адресантами используются отсылки к авторитетным источникам, состав которых в разных сферах коммуникации различен. Как в ДК, так и в ИК средствами реализации тактики ссылки на авторитетное мнение являются единицы паремиологического фонда языка (пословицы и поговорки); в ИК в персуазивной функции используются также фразеологизмы, а в ДР немаловажную роль выполняет апелляция к религиозным текстам. Ср.:

там опять написано/ «в подпоследнее время говорит/ смешавшиеся языци/ и навлекоша все дела дьявольские»// всё// вот оно... мы дожили// вы може не поверите/ а оно всё подошло// (ДР);

летом/ говорят/ раскидуха/ а зимой говорят подбируха// правду// летом работаем только на своё на пузо/ на желудок / а зимой/ всё// весна придёт/ всё// (ДР).

В отношениях, как говорится, игра не должна быть в одни ворота – всегда нужно стараться выслушать оппонента, постараться понять и принять. Но одновременно и донести свой посыл (ИК);

Как говорят: простота хуже воровства, девочки. Сейчас стрёмно быть простушкой, поэтому всем надо срочно замаскировать это дело хотя бы одеждой, дорогой и модной (ИК);

Шило в мешке не утаишь, понимаете? Нельзя молчать! Нужно действовать, тогда

все проблемы здравоохранения обнажатся и по шапке начнут получать от головы рыбы до хвоста (ИК).

В исследованных нами текстах не встретилось ни одного примера, в котором ПФ выступал бы в качестве пароля, кода, позволяющего судить о причастности коммуниканта к той или иной группе (социальной, политической, идеологической и т. п.). Скорее всего, это связано с особенностями проанализированного материала, а также меньшей распространенностью прецедентных единиц в целом, употребляемых именно в парольной функции.

Таким образом, в результате анализа функционирования прецедентных единиц в разных формах неофициальной коммуникации выяснилось, что ПФ могут выполнять различные функции, выбор которых зависит от сферы употребления единицы и от каждого конкретного коммуниканта и его целей.

Настоящее исследование показало, что ПФ своеобразно функционируют в различных формах неофициального общения. В диалектной и литературно-разговорной речи преобладают ПФ в номинативной функции, а в интернет-общении чаще встречаются прецедентные единицы в ludic (игровой) функции, при этом они более яркие и экспрессивные, что обуславливается особенностями интернет-среды. Во всех трех типах коммуникации отсутствуют примеры ПФ, выступающих в парольной функции, а в литературно-разговорной речи – еще и в персуазивной функции. Однако в диалектной речи и интернет-коммуникации встречается достаточно примеров прецедентных единиц, которые употребляются с целью убеждения и относятся к авторитетным источникам.

Важно отметить, что все полученные нами данные не являются конечными и исчерпывающими. Однако они подчеркивают богатый функциональный потенциал прецедентных единиц, который является маркером дифференциации разных коммуникативных сфер, в том числе разных видов неофициального общения.

Поступила в редакцию 23.01.2021, после рецензирования 08.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 23.01.2021, revised 08.02.2021, accepted 10.02.2021

Примечания

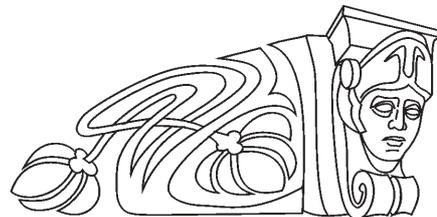
- 1 См.: Гудков Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003.
- 2 См.: Красных В. Основы психолингвистики и основы коммуникации. М. : Гнозис, 2001.
- 3 См.: Гриценко Л. Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.
- 4 См.: Слышкин Г. Лингвокультурные концепты и мета-концепты. Волгоград : Перемена, 2004.
- 5 См.: Сереброва С. Функциональный аспект использования прецедентных феноменов в современной региональной прессе Донбасса. URL: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/8_93921.doc.htm (дата обращения: 06.01.2021).
- 6 Маркевич Е. Функциональный потенциал прецедентных феноменов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 9. С. 316.
- 7 См.: Слышкин Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. С. 92–106.
- 8 См.: Супрун А. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.
- 9 См.: Фатеева Н. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. М. : Агар, 2000.
- 10 См.: Арнольд И. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб. : Изд-во СПбУ, 1999.
- 11 Использование различных видов прецедентных феноменов в названных сферах неофициального общения было рассмотрено нами в работе: Древомень Е. Виды прецедентных феноменов в разных лингвокультурных формах неофициального общения (на материале русского языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 418–422. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-418-422>
- 12 См.: Китайгородская М., Розанова Н. Речь москвичей. М. : Русские словари, 1999.
- 13 Иллюстрации ДР и РР даются в записи с указанием интонационного членения; иллюстрации ИК приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинальных текстов.

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 145–149
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 145–149

Научная статья
УДК 811.111*276.5:34
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-145-149>

Варианты правовой картины мира в английском языке

С. П. Хижняк

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Хижняк Сергей Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, khizhnyaksp@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7157-9206>

Аннотация. В статье рассматривается формирование различных вариантов правовой картины мира в общелитературном английском языке и его социолектах (терминологии и жаргоне). Анализ показывает, что разнообразие языковой правовой картины зависит от социально-функциональной стратификации языка и разнообразных экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: языковая картина мира, правовая картина мира, юридическая терминология, жаргон, семантика

Для цитирования: Хижняк С. П. Варианты правовой картины мира в английском языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 145–149. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-145-149>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-145-149>

Variants of the legal picture of the world in the English language

S. P. Khizhnyak

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Sergey P. Khizhnyak, khizhnyaksp@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7157-9206>

Abstract. The article deals with different variants of the legal picture of the world emerging in the literary English language and its sociolects (terminology and jargon). The analysis shows that the diversity of the linguistic legal picture depends on the social and functional stratification of the language and various extra-linguistic factors.

Keywords: language picture of the world, legal picture of the world, legal terminology, jargon, semantics

For citation: Khizhnyak S. P. Variants of the legal picture of the world in the English language. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 145–149 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-145-149>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Лингвистика традиционно занимается различными вопросами, связанными с функционированием языка во всех сферах общественной жизни, а современный когнитивный подход к изучению языковых феноменов обуславливает необходимость обращения к проблемам восприятия окружающей действительности, в том числе и правовой. Когнитивизм в любом его проявлении, включая сферу лингвистических исследований, тесно связан с категорией знания, которое как психическое явление существует в виде языковых репрезентативных систем, причем нет четких границ между языковыми значениями и человеческим опытом¹. При рассмотрении специфики человеческого знания значительную роль играет категория вариативности. «В разряд разных форм знания попадают

обыденные представления, научные теории, мифы, сказки, художественные произведения, технологии и даже магические заклинания»².

Целью данной статьи является описание многообразия правовых картин мира в английском языке, обусловленного сложным взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов.

В любом современном обществе право характеризуется длительной историей развития. В каждый период развития общества формировались исторические варианты правовой картины мира. Еще в первобытном обществе появились так называемые монономы – зачатки права, религии и морали³, на основе которых возникла первая картина мира, связанная с правоотно-

шениями, о чем свидетельствует список общиндоевропейских семантов Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова⁴. Опираясь на этот список, применительно к древнеанглийскому языку можно утверждать, что в нем так же, как и в других индоевропейских языках, еще до кодификации обычного права германскими народами в V–VI вв. в Салической, Рипуарской и Бургундской правдах существовала система семантов, выражавшая различные концепты: PROPERTY RELATIONS, BARTER, GUILT, PUNISHMENT, ORGANIZATION OF SOCIETY, REGULATIONS, OBLIGATIONS, FACTS, STATE OF PUBLIC LIFE, ANCESTRAL HIERARCHY⁵. Данную картину мира можно характеризовать как наивную концептуальную правовую картину, которая соотносилась с ее языковым вариантом.

Первым, кто кодифицировал обычное право Англии, был король Кента Этельберт (с 597 г.) – доминирующий правитель англо-саксонской гептархии. Его примеру последовали все англо-саксонские государства⁶. Формулируя правовые нормы, англосаксонские короли прибегали к логико-языковой формуле: «Если ... то ... а иначе», использовавшейся в древних законах разных народов⁷. В ней с точки зрения современной теории права выделяются гипотеза, диспозиция и санкция, например:

39. *Gif eare of peorð aslagen XII seill. gebete (If an ear be struck off, let bot be made with twelve shillings)*⁸.

Ключевые слова, в том числе общего употребления, выражавшие элементы правовых норм (*gelæme, gebete, XXX seillingum*), были, по сути, юридическими терминами и номенами. Они стали репрезентантами правовой картины мира, которую можно характеризовать как законодательную (практическую) картину мира, развивавшуюся и видоизменявшуюся на протяжении всей истории законодательства. Следовательно, с хронологической точки зрения данную картину мира можно характеризовать как вторую, возникшую после наивной картины обычного права. Существовавшие общиндоевропейские концепты-семанты в этот период представлены терминами, обозначавшими: преступников (*béofsceaða* – «thief», *utlah* – «outlaw», *manslaga* – «man-slayer, murderer» и др.) и преступления (*mándéd* – «sin, crime», *cwalu* – «murder», *hearm* – «harm», *husbryce* – «housebreaking», *man-sleah* – «manslaughter», *déapcwealm* – «slaughter» и др.), разновидности собственности (*land* – «land», *bocland* – «land held by written title», *ágenland* – «land held in absolute possession», *ealdland* – «ancestral property» и др.), наказания (*bót* – «remedy; compensation for an injury or wrong»; *mund* – «fine for breach of the laws of protection or guardianship of the king's peace»), социальную организацию общества (*ealdormann* – «elder, alderman, ruler, prince, senator, chief, nobleman of the highest rank, and holding an office inferior only to that of the king, high civil or religious

officer, chief officer of a shire», *cyninges discþen* – «king's dish servants», *scírmann* – «a governor of a shire, prefect, sheriff, steward, procurator, official, officer, ruler, one who discharges the duties of a scír», *arcebisceop* – «archbishop», *ceorl* – «a freeman of the lowest class, churl, countryman», *eorl* – «earl, nobleman» и др.), правовые факты (*déaf* – «death»).

Появились и новые концепты, обозначаемые репрезентантами участников судебного процесса (*gewitnes* – «witness»), процессуальных действий (*seht* – «settlement, arrangement, agreement, terms arranged between two parties by an umpire», *ordál* – «ordeal»), налогов (*gafolbere* – «barley paid as rent», *gafolfisc* – «fish paid as rent», *gafolswán* – «swineherd who paid rent, or part of his stock, in kind for permission to feed his pigs on the land, tribute-swain», *portgeriht* – «town-due, due paid by a town») и др.⁹

В современных науках, включая лингвистику, как правило, выделяют наивные и научные картины мира. Картину мира древнего законодательства нельзя уже назвать наивной, но и научной картиной мира она не была. Такую картину мира можно характеризовать как картину практической деятельности, обусловленную социально-экономическими факторами, особенностями организации феодального общества. Подобную стадию развития прошли многие сферы человеческого опыта, получившие впоследствии теоретическое обоснование в науке¹⁰. Практическая правовая картина мира получила дальнейшее развитие в рамках последующих этапов, связанных с развитием общего права и права справедливости в Великобритании.

Научные варианты правовой картины мира возникли с развитием юриспруденции в теориях, разрабатывавшихся различными школами (теория естественного права, позитивистская и либертарианская теории права и т. д.). Формулируя теорию, юриспруденция создает собственные таксономии терминов и понятий, которые не всегда входят в картину мира права (законодательства). Большую роль в развитии юриспруденции в Великобритании сыграли позитивисты Дж. Бентам и Дж. Остин, которые стремились представить описательный анализ права. Рассмотрим развитие картины мира юриспруденции на примере работы Дж. Бентама «An Introduction to the Principles of Morals and Legislation» (1781 г.). Ученый создает собственную классификацию объектов правовой действительности – разновидность общего позитивистского подхода к пониманию сущности права. Эта классификация включает в себя следующие подсистемы терминов, соотносимые с терминопольями – системами понятий, которые являются основой концептов:

PRINCIPLE OF UTILITY. Под термином *Principle of Utility* Дж. Бентам понимает: «... property in any object, whereby it tends to produce benefit, advantage, pleasure, good, or happiness, (all this in the present case comes to the same thing) or (what comes again to the same thing) to prevent the hap-

pening of mischief, pain, evil, or unhappiness to the party whose interest is considered: if that party be the community in general, then the happiness of the community: if a particular individual, then the happiness of that individual»¹¹.

PRINCIPLE ADVERSE TO UTILITY. Принципы, противоречащие данному, составляют несколько классов: *asceticism, principle of sympathy, and antipathy*.

SOURCES OF PAIN AND PLEASURE. Согласно Дж. Бентаму, удовольствия и страдания – это инструменты, с которыми законодатель должен работать, а источниками удовольствий и страданий (*sources of pain and pleasure*) могут быть физические, политические, моральные и религиозные удовольствия и страдания (*physical, political, moral, religious pains or pleasures*).

VALUE OF A PLEASURE OR A PAIN. Дж. Бентам выдвигает положение об «инструментах» измерения удовольствий и страданий, перечисляя следующие: *intensity, duration, certainty or uncertainty, propinquity or remoteness, fecundity, purity, extent*¹².

Далее правовед классифицирует удовольствия и страдания, обстоятельства, влияющие на чувствительность, действия человека и т.д. Таким образом, в рамках позитивизма сформировалась авторская (индивидуальная) правовая картина мира.

Существуют и другие специфические групповые правовые картины мира, например связанные с формированием уголовных жаргонов. Известно, что основная функция жаргонизмов – заменить слово, понятное представителям других групп, иным, необычным, а также сделать речь более экспрессивной. Уголовные жаргонизмы не полностью соотносятся с правовой картиной мира, сформированной терминологическими репрезентантами, а только с определенными ее фрагментами. В уголовном жаргоне английского языка можно выделить следующие концепты, соотносящиеся с правовой картиной мира, например:

JUDGE > *fortune teller, thief-taker, cunning man, beak*;

CRIME > *dose* – «burglary», *dub lay* – «robbing houses by picking the locks», *morning sneak* – «going out early to rob private houses or shops by slipping in at the door unperceived, while the servant or shop man is employed in cleaning the steps, windows, etc.», *star lag* – «breaking shop-windows, and stealing some article thereof», *fam lay* – «going into a goldsmiths shop, under pretense of buying a wedding ring, and palming one or two, by daubing the hand with some viscous matter»;

VICTIMS OF CRIMES > *bobbed* – «cheated, tricked, disappointed», *ferreted* – «cheated», *Jasons fleece* – «a citizen cheated of his gold», *confect* – «counterfeited», *fat cull* – «a rich fellow»;

PROCEEDS OF CRIME > *cole, chink, dust* – «money», *curl* – «clippings of money», *ring* –

«money procured by begging», *speak* – «any thing stolen»;

HIDING PLACES > *fencing ken* – «the magazine, or warehouse, where stolen goods are secreted», *flash panneys* – «houses to which thieves and prostitutes resort», *lock* – «the warehouse whither the thieves carry stolen goods», *stalling ken* – «a brokers shop, or that of a receiver of stolen goods»;

TIME LIMITS > *catching-harvest* – «a dangerous time for a robbery»;

ACCOMPLICES > *gang* – «a company of men, a body of sailors, a knot of thieves, pickpockets», *knot* – «a crew of gang», *pall* – «a partner, companion, associate, or accomplice»;

ACTIONS AND THEIR PLANNING > *plant* – «to hide, or conceal any person or thing», *put up* – «to suggest to another, the means of committing a depredation, or effecting any other business», *scrap* – «a villainous scheme or plan», *shifter* – «an alarm, or intimation, given by a thief to his pall, signifying that there is a down, or that some one is approaching, and that he had, therefore, better desist from what he is about», *stall* – «a violent pressure in a crowd, made by pickpockets for the more easily effecting their depredatory purposes»;

PRISON > *college* – «Newgate; New College, the Royal-Exchange», *iron parenthesis* – «a prison», *rumbo* – «a prison or goal»¹³.

С развитием картин мира законодательства и юриспруденции наивная картина правовой действительности развивалась параллельно с ними, что можно заметить в возникновении фразеологических единиц, пословиц и поговорок, которые формируют определенные квази-юридические концепты. Фразеологические единицы создают отрицательные ассоциативные связи с законом и его представителями: *Draconian laws, the jungle law, grave as a judge*.

Фразеологические единицы, связанные с преступлениями, как правило, сохраняют отрицательную коннотацию: *crime doesn't pay, worse than the crime, like a thief in the night, murder will out*. Лишь в единичных случаях такие фразеологизмы приобретают положительную окраску: *thick as thieves* – «having a close, intimate friendship or alliance»¹⁴.

Более разнообразными представлены фрагменты правовой картины мира в пословицах и поговорках, которые отличаются от фразеологизмов соотношением с законченными суждениями, а не с отдельными понятиями. Можно выделить несколько опорных концептов, соотносимых с теми, которые существуют в юридической терминологии.

1. LAW. Пословицы на тему закона (права) представлены двумя типами:

а) нейтральными образными суждениями, что, видимо, обусловлено пониманием беспристрастного характера законов: *Law cannot persuade where it cannot punish; The laws sometime sleep but never die*;

б) суждениями, имеющими отрицательную коннотацию: *Laws go the way kings direct; Law catches flies and lets hornets go free; Laws grind the poor and rich men rule the law; Laws were made for rogues; Laws were made to be broken; One law for the rich and another for the poor; The law devised, it's evasion contrived; The law guards us from all evil but itself. The more laws the less justice. The more laws the more offenders.*

В пословицах с отрицательной коннотацией подчеркивается несправедливость законов, различие в их применении в отношении бедных и богатых, возможность нарушения закона.

2. COURT. В двух следующих пословицах о суде представлены положительная (а) и нейтральная коннотация (б):

а) *Love lives in cottages as well as in court;*

б) *Far from court, far from care.*

Вероятно, положительная коннотация основана на осознании справедливости многих решений судов. В то же время нейтральная коннотация является следствием понимания того, что не следует нарушать закон.

3. LAW-MAKER. Пословица *Law makers should not be law breakers* содержит оценку моральных качеств законодателей, которые сами не должны нарушать законы.

4. JUDGEMENT. Пословица с этим словом является нейтральной, так как представляет собой суждение о том, что лучше договориться, чем судиться: *A lean agreement is better than a fat judgement.*

5. CRIME. Содержание пословицы со словом *crime*, нейтральное по своему характеру, обусловлено пониманием разной степени тяжести преступлений и соответствия наказания степени тяжести преступного деяния: *The greater the crime, the higher the gallows.*

6. THIEF. Пословицы о ворах в основном представляют собой либо сценарии и алгоритмы действий, которые надо осуществить, чтобы добиться желаемого результата (*Hang a thief when he's young, and he'll no' steal when he's old; Set a thief to catch a thief*), либо утверждения, основанные на анализе типовых действий и личности преступников (*Opportunity makes the thief; A thief believes everybody steals*).

Еще одной разновидностью социолектов, в которой формируется собственная юридическая картина мира, являются юридические профессионализмы. Различия между профессионализмами и жаргонизмами состоят в том, что первые связаны с видом деятельности, занятием говорящих, а жаргонизмы – «не только с профессией (жаргон шоферов), но и с социальным положением (жаргон студентов), возрастом (молодежный жаргон)»¹⁵.

Подробный анализ денотативного соотношения английских юридических терминов и профессионализмов проведен Ю. А. Кузнецовой, которая установила, что, с одной стороны,

система понятий, выражаемых юридическими профессионализмами в английском языке, не полностью совпадает по своему объему с системой понятий кодифицированной терминологии. С другой стороны, ряд понятий, выражаемых профессионализмами, относящихся к различным микрополям, более детализирован по сравнению с системой понятий терминов. «Большое количество профессионализмов в данных тематических группах называют конкретные предметы и понятия последней ступени дифференциации, которые отсутствуют в кодифицированной терминологии, что обусловлено стремлением профессионализмов к конкретности и большей дифференциации понятий, например: *frying pan* – “*a jail in a hot climate*”, *chunk* – “*a small gun*”, *anklets* – “*irons or shackles, worn just above the ankle*”»¹⁶. Такое соотношение терминов и профессионализмов сближает последние с уголовными жаргонизмами и обуславливает определенное сходство в организации картин мира, формируемых в двух социолектах.

Помимо общих знаний, которыми обладают все члены сообщества, каждый человек имеет свой собственный опыт и знания, которые в сочетании со здравым смыслом или моральными жизненными установками создают индивидуальные языковые картины мира. Например, жизненный опыт людей относительно того, что правомерно или неправомерно, может быть различным (ср. отношение лица к совершенному им преступлению; он может считать себя виновным или невиновным, неправым или правым).

Все члены современных обществ имеют некоторые базовые знания о праве и его категориях. При различных условиях одно и то же лицо может использовать юридические термины с различной степенью юридической специализации значений. Пример такой ситуации можно обнаружить на страницах романа Х. Ли «Убить пересмешника»¹⁷.

Вариативность – универсальное свойство систем, в том числе правовой и языковой. Истоки формирования правовой картины мира можно проследить уже в индоевропейском праязыке на материале общеиндоевропейских семантем. Развитие вариантов правовой картины мира в английском языке шло рука об руку с прогрессом общества, морали, государства, права и юриспруденции. Варианты рассмотренной картины мира обусловлены наличием правовой картины мира, формируемой в обыденном дискурсе, а также в различных социолектах английского языка (юридической терминологии, уголовном жаргоне, профессиональной лексике), и особенностями научного творчества, в ходе которого формируются индивидуальные правовые картины мира, воспринимаемые в дальнейшем другими представителями научного сообщества, становящиеся картинами мира, отражающими понимание правовой материи и правовой действительности

приверженцами определенной теории. Основными вариантами правовой картины мира являются картины мира права (закона) и науки о праве (юриспруденции). Остальные картины мира по сравнению с ними фрагментарны и охватывают лишь части правовой действительности и ее концептосферы в зависимости от социальных условий, целевых и моральных установок ее восприятия (аксиологического фактора, развития тайных языков).

Примечания

- ¹ См.: *Kertesz A. Cognitive Semantics & Scientific Knowledge. Case Studies in the Cognitive Science of Science.* Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Co, 2004. P. 22–23.
- ² *Лекторский В.* Что есть знание? // Знание как предмет эпистемологии / РАН, Институт философии ; отв. ред. В. А. Лекторский. М. : Институт философии РАН, 2011. С. 5.
- ³ См.: *Сафронова Е.* Становление обычного права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 14, № 37. С. 174.
- ⁴ См.: *Гамкрелидзе Т., Иванов Вяч.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1984. Ч. 2. С. 1128–1136.
- ⁵ См.: *Хижняк С.* Социогенные факторы формирования общего и идеотнического в правовой картине мира и в юридической терминологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 133. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-2-132-137>
- ⁶ См.: *Tucker Ch.* Anglo-Saxon Law : Its Development and Impact on the English Legal System // US Air Force Academy Journal of Legal Studies. 1991. P. 139.
- ⁷ См.: Законы вавилонского царя Хаммурапи. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/hammurap.htm> (дата обращения: 20.10.2020).
- ⁸ *Ancient Laws and Institutes of England.* London, 1840.
- ⁹ *The Old-English Dictionary.* URL: <http://old-engli.sh/dictionary.php> (дата обращения: 20.10.2020).
- ¹⁰ См.: *Трубачев О.* Ремесленная терминология в славянских языках. М. : Наука, 1966.
- ¹¹ *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation (1781). Kitchener : Batoche Books, 2000. P. 14–15.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Website of Pascal Bonenfant. URL: <http://www.pascal-bonenfant.com/18c/cant/search.php> (дата обращения: 20.10.2020).
- ¹⁴ *The Free Dictionary.* URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/thick+as+thieves> (дата обращения: 20.10.2020).
- ¹⁵ *Баранникова Л., Массина С.* Виды специальной лексики и их экстралингвистическая обусловленность // Язык и общество : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Вып. 9. С. 5.
- ¹⁶ *Кузнецова Ю.* О денотативной соотнесенности юридических терминов и профессионализмов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 223.
- ¹⁷ См.: *Хижняк С.* Соотношение наивных и научных правовых картин мира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (42). С. 88–93.

Поступила в редакцию 13.12.2020, после рецензирования 14.01.2021, принята к публикации 18.01.2021
Received 13.12.2020, revised 14.01.2021, accepted 18.01.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 150–154
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 150–154

Научная статья
УДК 811.111'373.612.2
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-150-154>

Концептуальная область ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ как источник метафоризации в научно-популярном биологическом англоязычном дискурсе

А. В. Филатова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Филатова Анна Владимировна, ассистент кафедры английского языка и методики его преподавания, filatova12anya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4467-6753>

Аннотация. В статье рассматривается концептуальная область ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, являющаяся довольно продуктивной зоной метафорической экспансии при метафоризации описания процессов и явлений в англоязычном биологическом научно-популярном дискурсе. Анализ данных метафорических высказываний дает возможность сделать определенные выводы относительно особенностей функционирования сферы-источника КРИМИНАЛ в этом типе дискурса.

Ключевые слова: концептуальная метафора, сфера-цель, биологический научно-популярный дискурс, метафорическая модель

Для цитирования: Филатова А. В. Концептуальная область ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ как источник метафоризации в научно-популярном биологическом англоязычном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 150–154. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-150-154>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-150-154>

Conceptual domain CRIMINAL ACTIVITY as a source of metaphorisation in biological popular-science English discourse

A. V. Filatova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Filatova, filatova12anya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4467-6753>

Abstract. The purpose of the article is to examine the conceptual domain CRIMINAL ACTIVITY, which happens to be one of the most productive source domains in structuring biological popular science discourse in English. The analysis of this metaphorical model makes it possible to draw valid conclusions regarding some special features of how the source domain CRIME functions in the given type of discourse.

Keywords: conceptual metaphor, target domain, biology popular-science discourse, metaphorical model

For citation: Filatova A. V. Conceptual domain CRIMINAL ACTIVITY as a source of metaphorisation in biological popular-science English discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 150–154 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-150-154>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем» впервые выдвинули идею о том, что метафора является механизмом, при помощи которого осмысливается реальность. Эти авторы убеждены в том, что сознание человека и его мыслительная деятельность активно оперируют метафорами, т. е. ментальными конструктами, представляющими абстрактные понятия в виде конкретных форм¹.

В своей работе «Conceptual metaphor in everyday language» Дж. Лакофф и М. Джонсон по-

стулируют, что каждый народ индивидуален в плане восприятия действительности, так как каждый из них имеет свою определенную систему познания мира². Так, авторы указывают, что концептуальная метафора по-разному структурирует и помогает *по-своему* осмысливать опыт у разных народов.

Так же как Дж. Лакофф и М. Джонсон, отечественные лингвисты, например Н. Д. Арутюнова³, Ю. Д. Апресян⁴, А. П. Чудинов⁵, рассматривают метафору как особый образ мышления, как некоторую наивную картину мира.

В работе «Метафора в системе языка» Г. Н. Скляревская, рассматривая понятие «метафорическое поле», уточняет, что вместе с первичным полем, «отражающим связи между объектами действительности», метафорическое поле «отражает связи с другими денотатами»⁶. Лингвист, как и другие представители теории регулярной многозначности, полагает, что метафорическое значение развивается и полностью зависит от вторичного значения. Также автор проводит классификацию метафор, выделяя среди них такие их разновидности, как генеративная, ассоциативная и мотивированная метафоры.

Большинство ученых высказываются о достаточно высокой метафоричности научно-популярных текстов и полагают, что область концептуальной метафоры исследована недостаточно, в частности, в научно-популярном биологическом дискурсе. Однако неспециалисты убеждены в том, что биология как наука изучает взаимодействие живых существ в основном в буквальном смысле. Тем не менее, мы выяснили, что в таких областях, как вирусология, микробиология, цитология, микология, эпигенетика, молекулярная биология и генетика, концептуальная метафора также активно используется для пояснения понятий абстрактного плана. При этом отмечается, что метафора выполняет не только познавательные задачи, но и задачи разъяснительного плана, делая предмет речи более ясным не только для специалистов, но и для широкой аудитории.

В статье «Особенности метафоризации в научно-популярном дискурсе» С. Мишланова и Т. Уткина высказывают мысль о том, что научно-популярный текст, являясь вторичным по отношению к научному, способствует генерализации научного знания, представленного в научных статьях⁷. Авторы полагают, что метафора представляет собой процесс вербализации концептов при переходе их из научного стиля в научно-популярный. При этом они выделяют четыре этапа метафоризации в научно-популярном медицинском тексте: преддеривационный, деривацию сравнения, деривацию вторичной номинации и аллегоризацию, и приходят при этом к выводу об особенностях экспликации номинативной метафоры.

В статье Л. В. Смолиной «Метафоризация как вспомогательное средство репрезентации научной информации в научно-популярном дискурсе (на материале французского языка)» высказывается мысль о том, что метафора в научно-популярном дискурсе синтезирует функции научного и популярного стилей, при этом не только вводя достоверные факты и понятия, но и придавая высказыванию эмоциональность и оценочность, делая тем самым предмет разговора более понятным адресату⁸. Автор различает также речевую и языковую метафору, которые присутствуют в научно-популярном типе дискурса: если первая оригинальна, то вторая об-

ладает фиксированностью и не вызывает особой ассоциативности у читателя.

Т. А. Петрова в статье «Метафора как средство концептуализации эмоции гнева в научно-популярном психологическом дискурсе» также говорит о роли метафоры, которая способствует лучшему взаимодействию психотерапевта и клиента, поскольку метафорические образы и метафорические модели помогают вербализовать проблему и рассматривать ее на более понятных (конкретных) образах⁹.

К сферам-источникам, обладающим высоким метафорическим потенциалом при характеристике биологического научно-популярного англоязычного дискурса, относятся: информационные технологии, строительство, театр, спорт, механизмы, человеческая деятельность и война.

Сфера-источник КРИМИНАЛ – это область, в рамках которой биологический научно-популярный дискурс предстает в виде особой сферы, в которой представлена разнообразная деятельность преступников: преступники грабят и воруют (*rob, steal, plunder*), мародерствуют (*maraud*), занимаются контрабандой (*smuggle*), убивают (*kill*), душат (*smother*), совершают преступления в широком смысле этой лексемы (*offend*), совершают нападения (*assault*). От неправомερных действий преступников появляются жертвы (*victims*), они могут быть убиты (*killed*) или ограблены (*stolen*).

Примеры для описания взяты из научно-популярного англоязычного журнала *The New Scientist*.

Вначале рассмотрим концептуальную область ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Обратимся к тексту, в котором говорится о прожорливом паразите, который совершает преступление по отношению к самому себе.

One parasite that feeds on algae is so voracious that it even stole its own mitochondria's DNA.

Пример описывает криминальное «поведение» паразитического планктона: не получая желаемой сытости от поедания водорослей, он питается своей собственной ДНК, которую «крадет» у своей же митохондрии. Рассмотрим первичное значение ключевой лексемы *steal*: «Take (another person's property) without permission or legal right and without intending to return it», с помощью которой создается основа для следующего концептуального признака переноса, а именно лишения имущества без намерения его возратить владельцу. Планктон не наносит никакого ущерба обитателям моря и не причиняет серьезного вреда себе. Становится ясно, что у описываемых простейших имеются две митохондрии, и, несмотря на то, что на более поздних стадиях развития в них обнаружена ДНК как результат «преступной деятельности» планктона – ДНК переходит в ядро клетки паразита, что является необходимым для митохондрий. Это позволяет им вырабатывать

энергию после потери ДНК. В данном случае мы видим, что планктон, воруя ДНК, не отдает ее кому-то другому, а просто перемещает ее в другую часть своего организма.

Рассмотрим еще один пример с ключевой лексемой *steal*.

Microbe steals neighbour's electricity to make methane.

Микроб *Methanosaeta* «крадет» электроны у бактерий *Geobacter*, при помощи которых он перерабатывает углекислый газ в метан. Первичное значение ключевой лексики *steal* и выделенный концептуальный признак переноса в предыдущем примере позволяют в этом примере говорить о совпадении первичного и вторичного значений: мы видим, что микроб присваивает себе «имущество» бактерий – электроны, которых у микробов нет. Они могут вырабатывать метан путем разделения уксусной кислоты, в результате чего выделяется метан, однако использование «украденных» электронов для этого процесса является наиболее эффективным способом в условиях обитания микроба, т. е. в сточных водах.

В следующем примере онкологические клетки предстают в виде жестоких убийц здоровых клеток.

It was the ultimate emergence of the enemy from within – a marauding cell that crawled out of one's own body and occupied it from the inside, an internal alien.

Таким образом, появление и жизнедеятельность зараженных клеток в организме человека описывается автором сообщения как «мародерство». Рассмотрим первичное значение ключевой лексики *maraud*: «Go about in search of things to steal or people to attack», что создает основу для следующего концептуального признака переноса – поиск с целью ограбления людей, зачастую с применением физической силы. Раковые клетки «атакуют» организм человека, борясь со здоровыми клетками, мутируют здоровые клетки и «крадут» у организма здоровье. Как и в прямом значении, где нападающий применяет физическую силу для совершения преступления, так и онко-клетки напрямую «нападают» на здоровые. Однако они могут действовать косвенно и посылать, например, обманывающие сигналы здоровым клеткам, чтобы не быть уничтоженными.

Следующий текст повествует о том, как взрослые бабочки «совершают преступление» против муравьев.

When the caterpillars have become butterflies, they turn on their protectors, plundering the source of their nectar. Back-stabbing butterflies rob the ants that once protected them.

Взрослые бабочки, не нуждаясь больше в защите муравьев от хищников, сами становятся таковыми и «воруют» у муравьев нектар. Рассмотрим первичное значение ключевой лексики *rob*: «Take property unlawfully from (a person or place)

by force or threat of force», что создает основу для следующего концептуального признака переноса – похищение имущества с использованием насилия и угроз. Однако в тексте никакого насилия не совершается – муравьи сами, чувствуя, что не смогут «сразиться» с врагом за нектар, ожидают в отдалении, пока бабочки не выпьют его. Рассмотрим ключевую лексику *plunder*: «Steal goods from (a place or person), typically using force and in a time of war or civil disorder», которая создает основу для следующего концептуального признака переноса – похищение вещей во время беспорядка. Здесь, наоборот, «бабочки-грабители» совершают свое преступление в мирное время, когда муравьев нет поблизости.

В следующем предложении рассматривается процесс попадания аллергенов в дыхательные пути человека.

Receptors on the surface of their mast cells bind to the offending proteins, prompting the release of histamine, which triggers explosive sneezing and the secretion of fluid to flush the invader out of the body.

В данном примере описывается реакция человека на аллергены: у людей, страдающих аллергией, клетки-лаброциты (клетки, борющиеся с аллергенами) присоединяются к белкам, «обижающим» организм, и вызывают выделение гистамина. Гистамин вызывает защитную реакцию путем чихания, тем самым «посыгатель-аллерген» выходит из дыхательной системы. Рассмотрим первичное значение ключевой лексики *offend*: «If someone offends, they commit a crime», что создает основу для следующего концептуального признака переноса – совершение преступления. «Белки-обидчики», которые выделяются аллергенами в организм человека, «совершают преступление» лишь тем, что нарушают баланс организма, вызывая простудные симптомы. Как и в первичном значении ключевой лексики *offend*, тяжесть преступления не указывается, и переносное значение сохраняет ту же коннотацию. Также и в первичном значении предполагается, что жертва может оказать достойное сопротивление преступнику, а именно так же, как и человеческий организм, «оказывает сопротивление» действием клеток-лаброцитов и гистамина.

В следующем примере указываются способы «внедрения» здоровой ДНК в легкие людей, страдающих муковисцидозом.

But the linings of the lungs are well defended, and finding a way to smuggle a sizeable amount of healthy DNA into these cells had proved difficult.

Так, следующим образом поясняется новый метод терапии, разработанный при лечении муковисцидоза: несмотря на то что к клеткам легких имеется свободный доступ для ингаляционных препаратов, из предложения видно, что слизистые легких хорошо защищены, поэтому представляется достаточно сложным «провозить контрабандой» здоровую ДНК в легкие. Рассмотрим первичное значение ключевой лек-

семы *smuggle*: «Move (goods) illegally into or out of a country», что создает основу для следующего концептуального признака переноса, а именно незаконный ввоз или вывоз товаров в/из страну(ы). В нашем примере метафорически страной представляется организм человека, а более узко – легкие, в которые «ввозят» здоровую ДНК. Однако если в первичном значении присутствует коннотация незаконного совершения действия, то во вторичном значении эта коннотация пропадает – здоровую ДНК «легально» вводят больному, протестировав его перед этим и подтверждая тем самым «законность» данного действия.

В следующем случае рассматривается «преступление» против эпигенома человека.

Tumors smother their epigenome.

В результате гиперметилирования ДНК в мутированных клетках сами опухоли «душат» свой эпигеном. Процесс метилирования влияет на формирование ДНК, так как если эти клетки гиперметилированы, то существует большая вероятность появления сбоя в их «работе», что в свою очередь может привести к образованию раковых опухолей. Высокое содержание метила в клетке приводит к деактивации здоровых генов. Новообразованные раковые клетки «душат» эпигеном, вызывая в нем мутирование генов. Рассмотрим первичное значение ключевой лексемы *smother*: «Kill (someone) by covering their nose and mouth so that they suffocate», что создает основу для следующего концептуального признака переноса – лишение кого-либо жизни с применением насильственных действий. В нашем примере раковые клетки душат здоровые гены не физически, а путем использования специальных сигналов, приводят тем самым к деактивации генов, опухоли.

Рассмотрим пример, касающийся поведения здоровых и зараженных клеток в организме онкологических больных.

When white blood cells bind to this molecule, it stops their assault and the cancer grows unchecked. Checkpoint inhibitors prevent this by blocking the binding.

При обнаружении онкологии начинается «борьба» между здоровыми и зараженными клетками. В результате медикаментозной терапии в организме больных накапливается определенная молекула PD-L1, которая покрывает собой злокачественную опухоль, предотвращая тем самым «нападение» лейкоцитов на онко-клетки, что является одним из способов «подавления» раковых клеток, т. е. их «уничтожения». Рассмотрим первичное значение ключевой лексемы *assault*: «A physical attack», что создает основу для следующего концептуального признака переноса – применение физического насилия. В нашем примере сами лейкоциты не «нападают», они участвуют в «атаке» косвенным путем – вырабатывая антитела, которые борются с вирусами, бактериями,

инфекциями, а также онкологией. Стоит обратить внимание на то, что первичное значение данной ключевой лексемы имеет отрицательную коннотацию: нападение на человека, понимаемое как преступление. Однако метафорическое значение приобретает положительную коннотацию – «нападение» лейкоцитов на онко-клетки не является «противозаконным», а, наоборот, становится спасительным для жизни человека.

В следующем примере описываются методы борьбы с ВИЧ-инфекцией.

Sometimes this did, indeed, happen – the gene alterations “killed” the virus.

Терапия коротких полиндромных повторов позволяет устранить вирус из организма. Однако во многих случаях она является неэффективной, так как ВИЧ-инфекция, проникая в ДНК клетки-хозяина, имеет способность к быстрому размножению. В этих условиях механизмы репарации клетки, призванные к восстановлению нуклеотидной последовательности в ДНК и к последующему созданию рубцовой ткани, которая может «убить» вирус, на самом деле происходят не всегда. Рассмотрим первичное значение ключевой лексемы *kill*: «Cause the death of (a person, animal, or other living thing)», создающей основу для следующего концептуального признака переноса – лишения жизни. В нашем примере генетические изменения в структуре ДНК, а именно образование новой рубцовой ткани в целях предотвращения распространения вируса в другие клетки организма, «лишают вирус жизни». Стоит отметить, что вирус не является живым существом, и эта терапия лишь на время может обезвредить его, так как во многих случаях данная рубцовая ткань помогает вирусу размножаться быстрее.

Таким образом, область-источник ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ является чрезвычайно продуктивной в изучаемом типе дискурса, поскольку реализуется большим количеством контекстов. Сферами цели в этой модели являются определенные взаимоотношения между живыми существами, также живыми существами и процессами, происходящими в организме человека. Данная модель достаточно хорошо структурирована, так как биологический научно-популярный дискурс описывает их жизнедеятельность, где «совершаются преступления». Стоит отметить, что некоторые метафоры концептуальной области ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ несут положительную коннотацию («нелегально ввести в легкие здоровую ДНК», «убивать раковые клетки»).

Примечания

¹ См.: Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры : сб. / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.

- ² См.: *Lakoff G., Johnson M.* Conceptual metaphor in everyday language // *The Journal of Philosophy*. 1980. Vol. 77. URL: <https://escholarship.org/uc/item/3md5c4gw> (дата обращения: 18.07.2014).
- ³ См.: *Арутюнова Н.* Метафора и дискурс // *Теория метафоры* : сб. / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
- ⁴ См.: *Апресян Ю.* О регулярной многозначности // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. 1971. Т. 20, вып. 6. С. 509–523.
- ⁵ См.: *Чудинов А.* Россия в метафорическом зеркале : когнитивные исследования политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : УрГПУ, 2001.
- ⁶ *Склярская Г.* Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. С. 115.
- ⁷ См.: *Мишланова С., Уткина Т.* Особенности метафоризации в научно-популярном дискурсе // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities*. 2008. № 1. С. 114–120.
- ⁸ См.: *Смолина Л.* Метафоризация как вспомогательное средство репрезентации научной информации в научно-популярном дискурсе (на материале французского языка) // *Реализация инновационной системы языковой подготовки в неязыковых вузах : проблемы и перспективы* : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Воронеж : Воронеж. ин-т МВД РФ, 2016. С. 134–138.
- ⁹ См.: *Петрова Т.* Метафора как средство концептуализации эмоции гнева в научно-популярном психологическом дискурсе // *Языки и литература в поликультурном пространстве*. 2017. № 3. С. 53–57.

Поступила в редакцию 29.10.2020, после рецензирования 01.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 29.10.2020, revised 01.02.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 155–160
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 155–160

Научная статья
УДК 811.111*373
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-155-160>

Проявление амбисемии и эврисемии в семантической структуре термина (на материале английской IT-терминологии)

Л. С. Ефремова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ефремова Людмила Сергеевна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и переводоведения, lyudmila.yefremova93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0468-277X>

Аннотация. В статье представлен анализ таких семантических явлений, как амбисемия и эврисемия, и их реализация в дефинициях английских IT-терминов и лексических значений этих же детерминологизированных единиц. Источником материала послужили как английские профессиональные словари, так и электронные словари общеупотребительной лексики.

Ключевые слова: терминология, термин, IT-терминология, IT-термин, детерминологизация, семиотика, семантическая неоднозначность, амбисемия, эврисемия

Для цитирования: Ефремова Л. С. Проявление амбисемии и эврисемии в семантической структуре термина (на материале английской IT-терминологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 155–160. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-155-160>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-155-160>

Ambysemy and eurisemy as phenomena in term semantic structure (Based on English IT-terminology)

L. S. Yefremova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lyudmila S. Yefremova, lyudmila.yefremova93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0468-277X>

Abstract. The article investigates such semantic phenomena as ambysemy and eurisemy, and how they are implemented in definitions of English IT-terms and lexical meanings of those determinologised lexical units. The research data is based on both English professional dictionaries and general English online dictionaries.

Keywords: terminology, term, IT-terminology, IT-term, determinologisation, semiotics, semantic ambiguity, ambysemy, eurisemy

For citation: Yefremova L. S. Ambysemy and eurisemy as phenomena in term semantic structure (Based on English IT-terminology). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 155–160 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-155-160>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Влияние глобализации и цифровизации в XXI в. отражается на разных сторонах человеческой жизнедеятельности, что обуславливает изменения в лексическом составе всех языков мира. Трансформации отмечаются как в общеупотребительной сфере языков, так и в различных языковых подсистемах, в частности в терминосистемах, а также в подязыках профессионального общения. Особенно показательной при этом является терминосистема сферы информационных технологий (здесь и далее будет использована английская аббревиатура IT), которая на протяже-

нии последних десятилетий развивается и расширяется довольно бурными темпами, в связи с чем в данной области стремительно увеличивается объем информации. В свою очередь, эти процессы приводят к определенным дилеммам в рамках науки, изучающей этот пласт профессиональной лексики, – терминоведения.

Так, многие лингвисты (Д. С. Лотте¹, А. М. Терпигорев², Г. В. Лашкова и др.) полагают, что, будучи идеальным лингвистическим знаком, одним из основных свойств термина считается его однозначность или, по крайней

мере, стремление к ней³. Таким образом, согласно теории языкового знака, при появлении в языке нового термина он рассматривается как двусторонняя единица, которая состоит из одного понятия (плана содержания) и одной формы (плана выражения), находящихся при этом в одно-однозначных симметричных отношениях⁴. Однако так как терминосистемы не изолированы от других частей языка, то их единицы представляют собой особые слова, которым присущи те же изменения, что и обычным словам общепринятого языка. Вследствие этого у термина как лингвистического знака развивается асимметрия между означающим и означаемым, в результате чего у него могут развиваться различные виды семантической (полисемия, омонимия⁵, синонимия, амбисемия, эврисемия и др.) и морфологической неоднозначности⁶.

Все большее количество современных терминологов используют в своих научных трудах термин «неоднозначность» по отношению к сематическим процессам, поскольку в его интенционал входят не только понятия «многозначность» и «разнозначность», но и неопределенность семантического объема языковой единицы⁷.

Как уже отмечалось выше, к типам неоднозначности плана содержания относятся амбисемия и эврисемия. Согласно точке зрения В. А. Татарина, благодаря амбисемии термин может функционировать в языке с разным объемом семантики. Данное свойство обуславливается некоторыми экстралингвистическими факторами: использование одного термина разными научными школами, разными учеными, в разные периоды развития науки. Таким образом, амбисемия представляет собой «разнообъемную характеристику интенционала термина-понятия, его семантическую аспектацию, различающуюся квантитативно и квалитативно»⁸. Наряду с этим амбисемия может быть рассмотрена как вариативность дефиниций одного и того же понятия, которая выражается в использовании в этих дефинициях разных слов-идентификаторов конкретного понятия⁹.

На выбор лексических единиц для объяснения терминологического понятия, т. е. на его дефинитивное разнообразие, влияет картина мира, в частности языковая, определенного народа, что приводит к появлению отличий в объеме и системе понятий какой-либо сферы человеческой деятельности. Кроме этого, при формировании дефиниции нового термина имеет значение и индивидуальный набор ценностей каждого специалиста той или иной области. Данный факт также служит обоснованием для выделения тех свойств, которые кажутся специалисту первостепенными и определяющими при описании нового явления или предмета.

Тем не менее внешний фактор в виде окружающей действительности, а также когнитивные закономерности общества в целом требу-

ют от ученых, вводящих в употребление новые термины, учета еще одного не менее важного свойства терминов – их точности. В результате поиска наиболее точной дефиниции амбисемия термина исчезает¹⁰.

Рассмотрим явление амбисемии на примере дефиниций английского IT-термина *device*, зафиксированных в разных профессиональных словарях:

A Dictionary of Computer Science:

in general, any printer, storage, display, input, or output mechanism that may be attached to a computer system;

*on some operating systems, the name 'device' is also associated with a destination. The output from or input to a process may be connected to a device, file, or another process. In most computers, printers, displays, keyboards, and other input mechanisms are regarded as devices*¹¹;

Microsoft Computer Dictionary:

*generic term for a computer subsystem. Printers, serial ports, and disk drives are often referred to as devices; such subsystems frequently require their own controlling software, called device drivers*¹²;

Dictionary of IBM & Computing Terminology:

a mechanical, electrical, or electronic contrivance with a specific purpose;

*in the AIX operating system, a valuator, button, or the keyboard. Buttons have values of 0 or 1 (up or down) 'valuators return values in a range, and the keyboard returns ASCII values*¹³.

О своеобразной амбисемантизации анализируемого IT-термина свидетельствуют различные слова-идентификаторы в представленных дефинициях – *printer; storage; display; input or output mechanism; computer subsystem; mechanical, electrical, or electronic contrivance; valuator; button; keyboard*.

В ряде случаев в качестве идентификаторов выступают слова с более общим значением – *mechanism, subsystem, contrivance*, причем в препозиции к ним находятся либо прилагательные *mechanical, electrical, electronic*, либо существительные *input or output, computer*, которые в данных дефиниционных контекстах выполняют уточняющую функцию слов-идентификаторов. Однако чаще всего ими являются слова с более конкретным значением, вследствие чего их образы легче представить специалистам данной области: *printer, storage, display, valuator, button, keyboard* – что в целом может способствовать более успешному пониманию понятия термина *device*.

В нескольких представленных дефинициях отображается стремление разных составителей лексикографических изданий либо выделить наиболее существенные, по их мнению, свойства понятия *device*, либо использовать денотаты с более конкретным набором сем. На основании анализа данных дефиниций можно отметить следующие характерные для терминов свойства: точность, краткость, лаконичность, системность,

стилистическая нейтральность. Что касается однозначности семантики, то она скорее нарушена, потому что в четвертой дефиниции наблюдается некое отклонение в структуре означаемого, которое представлено словосочетанием *with a specific purpose*, отсутствующим в других дефинициях.

Амбисемия наблюдается и в многовариантности лексического значения единицы *device*, расширившей свой экстенционал, т. е. сферу употребления в процессе детерминологизации и перешедшей в общеупотребительную сферу языка (при этом в рамках своей терминосферы эта единица по-прежнему функционирует как термин). В данном случае уже обычное слово *device* утрачивает терминологическую дефиницию и приобретает лексическое значение, зафиксированное в следующих словарных статьях, которые представлены в онлайн-словарях:

a thing made or adapted for a particular purpose, especially a piece of mechanical or electronic equipment;

*a piece of portable electronic equipment that can connect to the internet, such as a smartphone, tablet, or laptop computer*¹⁴;

an object or a piece of equipment that has been designed to do a particular job;

*a piece of computer equipment, especially a small one such as a smartphone*¹⁵;

a thing made for a particular purpose; an invention or contrivance, especially a mechanical or electrical one;

a mobile device;

*something elaborately or fancifully designed*¹⁶;

*a piece of equipment*¹⁷;

*a machine or piece of equipment that does a particular thing*¹⁸;

something devised or contrived: such as

something fanciful, elaborate, or intricate in design;

*a piece of equipment or a mechanism designed to serve a special purpose or perform a special function*¹⁹;

*a machine or tool that does a special job*²⁰.

В ходе анализа лексических значений слова *device* в английском языке было обнаружено, что его ключевым идентификатором является словосочетание *a piece of equipment*. Так же, как и в случае с дефинициями этой терминологической единицы, в препозиции к слову *equipment* находятся прилагательные *mechanical, electronic, portable electronic, electrical*, которые тоже выполняют уточняющую функцию.

Кроме того, отмечается некоторое варьирование слов-идентификаторов: *thing, object, machine, mechanism, tool, invention, contrivance, something* – часть из которых обладает более широким объемом семантики, например, единицы *thing, object* и *something*, в то время как остальные – *machine, mechanism, tool* – тематически относятся к научно-техническим сферам, что сужает лексическое значение и в какой-то степени приближает его к

терминологической дефиниции. Важно также отметить, что в одной из словарных статей исследуемой лексической единицы используется слово *contrivance*, которое присутствует и в одной из дефиниций термина *device*.

Наряду с этим во многих случаях составителями общеупотребительных словарей подчеркивается такое свойство слова *device*, как выполнение определенной цели, что передается посредством разных слов: *adapted for a particular purpose, designed to do a particular job, made for a particular purpose, that does a particular thing, designed to serve a special purpose or perform a special function, that does a special job*.

Как и при анализе дефиниций термина *device*, в словарных статьях слова *device* употребляются слова с более конкретным значением, которые представляют собой своеобразные «ярлыки», способствующие визуализации объектов, а также упрощению понимания значения исходного слова. К ним относятся такие, как *smartphone, tablet* или *laptop computer*.

В одной словарной статье анализируемой лексической единицы в качестве слова-идентификатора используется само идентифицируемое слово, однако в препозиции к нему располагается прилагательное *mobile*, которое и выполняет конкретизирующую функцию.

Помимо главного свойства слова *device*, а именно выполнения определенной цели, были обнаружены примеры, когда авторы общих словарей считали необходимым отметить и другой критерий, детерминирующий данное слово, – внешние характеристики. Эта категория выражается с помощью следующих словарных статей: *something elaborately or fancifully designed; something fanciful, elaborate, or intricate in design*, – чей семантический объем указывает на некоторую сложность внешнего облика предмета.

Другой исследуемый в рамках этой статьи вид семантической неоднозначности – это эврисемия, т. е. способность термина относиться к неопределенному количеству денотатов. При этом интенционал подобных терминов довольно ограничен, а экстенционал, наоборот, имеет относительно большое количество обозначаемых ими предметов. В результате процесса эврисемантизации единиц языка происходит их десемантизация с сохранением только одной семы, т. е. их семантическая структура становится моносемичной, и эта моносема приобретает абстрактный характер. Подобное явление довольно распространено среди общенаучных и общетехнических терминов, поскольку в их объеме содержания имеется, как правило, одна общая сема, например, модель, тип, класс.

К другим отличительным чертам терминов-эврисемантов относится их способность обозначать предметы, которые принадлежат разным лексико-семантическим полям, между ними отсутствует логико-понятийная связь, и они не яв-

ляются гипонимами (например, корпус корабля и корпус двигателя)²¹.

Проиллюстрируем данное лингвистическое явление на примере дефиниций термина *domain* и лексических значений слова *domain*.

Данный термин относится к группе общенаучных и используется в разных сферах научного знания – политике, юриспруденции, географии, математике, физике, технологии, биологии, химии, лингвистике и др. Однако даже в рамках одной и той же области у этого термина может быть представлено несколько дефиниций, например в области информационных технологий:

A Dictionary of Computer Science:

in general, a sphere of control, influence, or concern;

see CATEGORY, FUNCTION, RELATION. See also RANGE;

(of a network) Part of a larger network. A domain is usually defined in terms of some property, such as that part of the network that is under the jurisdiction of a single management body (a management domain), or where all the network addresses are assigned by a single controlling authority (a naming domain). See also DOMAIN NAME SERVER;

*in the *relational model, a set of possible values from which the actual values in any column of a table (relation) must be drawn;*

*in *denotational semantics, a structured set of mathematical entities in which meanings for programming constructs can be found. The domain theory has many applications in finding semantics for programming and specification languages, and approximating data types. Mathematically the theory is closely linked to topology and algebra;*

see PROTECTION DOMAIN²²;

Microsoft Computer Dictionary:

in database design and management, the set of valid values for a given attribute. For example, the domain for the attribute AREA-CODE might be the list of all valid three-digit numeric telephone area codes in the United States. See also attribute (definition 1);

for Windows NT Advanced Server, a collection of computers that share a common domain database and security policy. Each domain has a unique name;

in the Internet and other networks, the highest subdivision of a domain name in a network address, which identifies the type of entity owning the address (for example, .com for commercial users or .edu for educational institutions) or the geographical location of the address (for example, .fr for France or .sg for Singapore). The domain is the last part of the address (for example, www.acm.org). See also domain name²³;

Dictionary of IBM & Computing Terminology:

in database design and management, the set of valid values for a given attribute. For example, the domain for the attribute AREA-CODE might be the list

of all valid three-digit numeric telephone area codes in the United States. See also attribute (definition 1);

for Windows NT Advanced Server, a collection of computers that share a common domain database and security policy. Each domain has a unique name;

in the Internet and other networks, the highest subdivision of a domain name in a network address, which identifies the type of entity owning the address (for example, .com for commercial users or .edu for educational institutions) or the geographical location of the address (for example, .fr for France or .sg for Singapore). The domain is the last part of the address (for example, www.acm.org). See also domain name²⁴.

Сопоставление дефиниций, предложенных в словарях *Microsoft Computer Dictionary* и *Dictionary of IBM & Computing Terminology*, позволяет утверждать, что одним из них, предположительно *Dictionary of IBM & Computing Terminology*, эти дефиниции были полностью заимствованы.

Исследование показало, что в экстенционал термина *domain* при его употреблении в сфере информационных технологий входит 14 денотатов, а именно: 1) *a sphere of control*, 2) *a sphere of influence*, 3) *a sphere of concern*, 4) *category*, 5) *function*, 6) *relation*, 7) *range*, 8) *part of a larger network*, 9) *a set of possible values*, 10) *a structured set of mathematical entities*, 11) *protection domain*, 12) *the set of valid values*, 13) *a collection of computers*, 14) *highest subdivision of a domain name in a network address*.

Эврисемантом является и детерминологизированная единица *domain*, вошедшая в состав общенародного языка, экстенционал которой тоже довольно широк, что и наблюдается при анализе лексического значения из онлайн-словарей, например:

a set of websites on the internet that end with the same group of letters, for example ‘.com’, ‘.org’²⁵;

a distinct subset of the internet with addresses sharing a common suffix or under the control of a particular organization or individual²⁶;

a group of computers and devices on a network that are administered under the same protocol;

the top level in a domain name, indicating the type of organization, geographical location, or both, and officially designated in the suffix, as .edu for institutions of higher education²⁷;

a set of websites on the internet that end with the same letters, for example .com;

a group of computers or websites that are organized by purpose, for example, to provide education or sell products²⁸;

a domain name²⁹;

a subdivision of the Internet consisting of computers or sites usually with a common purpose (such as providing commercial information) and denoted in Internet addresses by a unique abbreviation (such as com for commercial sites or gov for government sites)³⁰;

a domain name³¹.

Однако количество денотатов, к которым относится данное слово, меньше по сравнению с количеством денотатов, выраженных исследуемым термином, и составляет следующие 5 объектов: 1) *a set of websites on the internet*, 2) *a distinct subset of the internet*, 3) *a group of computers and devices on a network*, 4) *the top level in a domain name*, 5) *a domain name*.

Подобные отличия в объеме экстенционала термина *domain* в рамках определенной области знания и в объеме экстенционала той же детерминологизированной единицы *domain* в общепотребительной сфере объясняются тем, что в той или иной дефиниции, а также конкретной статье из общего словаря на первый план выступают те или иные атрибутивные модификаторы в зависимости от интенции автора словаря³². Тем не менее выделение моносемии в дефинициях анализируемого термина представляется довольно затруднительным, так как данная группа является обширной и содержит относительно большое количество обозначаемых денотатов, которые связаны как с абстрактными, так и с конкретными понятиями. В то же время эта же задача по отношению к детерминологизированной лексической единице *domain* вполне выполнима: моносемией этого эврисемантического слова является *a set of websites or computers*.

Итак, в рамках данного фрагмента исследования были рассмотрены такие типы семантической неоднозначности собственно термина и детерминологизированного термина, как амбисемия и эврисемия. При этом материалом послужили терминологические дефиниции и лексические значения единиц *device* и *domain*.

В ходе анализа было обнаружено, что амбисемантность, связанная с интенционалом, и термина, и детерминологизированного термина выражается, как правило, одним и тем же способом, а именно с помощью словосочетаний, состоящих из прилагательного и существительного, где функция прилагательного заключается в уточнении понятия, например, *a mechanical, electrical, or electronic contrivance*. Наряду с этим и в дефинициях, и в лексических значениях обеих единиц используется своеобразный метод «ярлыков», т. е. употребление слов-идентификаторов, чьи денотаты довольно легко визуализировать: *printer, laptop computer* и др. Это, в свою очередь, упрощает процесс понимания исходного понятия как для специалистов сферы ИТ, так и для широких слоев населения. Также ввиду разных сфер функционирования указанных единиц составителями профессиональных словарей использовались слова-идентификаторы с более узким объемом семантики, например *mechanism*, а авторами общих словарей – с более широким, например *thing*.

Другой вид семантической неоднозначности, эврисемия, имеет непосредственное отношение к объему экстенционала. Анализ дефи-

ний термина *domain* и лексических значений детерминологизированного термина *domain* показал, что количество выражаемых этим понятием денотатов (14 ед.) в подязыке области информационных технологий превосходит количество денотатов, которые выражаются словом в общепотребительном языке (5 ед.). Вследствие этого на основании приведенных дефиниций этого термина оказалось сложным выделить одну общую сему, которая имела бы обобщенный характер.

Таким образом, изучение амбисемии и эврисемии как особых лингвистических феноменов является актуальным, поскольку эта тема недостаточно широко исследована. Кроме этого, более подробной разработки требует проблема установления взаимоотношений этих типов семантической неоднозначности с другими: полисемией, омонимией, синонимией. Поскольку на сегодняшний день терминосистема сферы информационных технологий – одна из самых быстро развивающихся областей знания, то изучение этих явлений языка на примере ИТ-терминов представляется довольно продуктивным.

Примечания

- 1 См.: Лотте Д. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 7–35.
- 2 См.: Терпигорев А. Об упорядочении технической терминологии // Вопросы языкознания. 1953. № 1. С. 71–77.
- 3 См.: Лашкова Г. Основные черты термина и требования, предъявляемые к нему // Васильева Н. С., Лашкова Г. В. Просеминарии по лексикологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 20–23.
- 4 См.: Солнцев В. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. С. 19–21.
- 5 См.: Ефремова Л. О семиотическом характере термина. К проблеме полисемии и омонимии (на материале словарей английской ИТ-терминологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 262–267. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-262-267>
- 6 См.: Lashkova G. V., Vrazhnova I. G. On the Problem of Semiotic Nature of Abbreviations and Phraseological Units [Лашкова Г. В., Вразнова И. Г. К проблеме семиотической природы аббревиатур и фразеологических единиц] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 372–375. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-372-375>
- 7 См.: Алексеева М. Семасиологические аспекты изучения терминологии православия // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2009. № 2. С. 142.
- 8 Татаринов В. Теория термина: история и современное состояние // Татаринов В. Теория терминоведения: в 3 т. Т. 1. М.: Московский лицей, 1996. С. 168.
- 9 См.: Наишванько О. В. Виды семантической неоднозначности терминов медицинской косметологии в со-

- временном русском языке // Вісник Дніпропетровського університету. Серія : Мовознавство. 2013. Т. 21, вип. 19 (2). С. 141.
- ¹⁰ См.: *Татаринов В.* Терминологическая лексика русского языка : эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе : функциональные и статусные характеристики : сб. обзоров. М. : Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2005. С. 134–135.
- ¹¹ *Butterfield A.* A Dictionary of Computer Science. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 434.
- ¹² Microsoft Computer Dictionary. 5th ed. Microsoft Press, 2002. P. 155.
- ¹³ Dictionary of IBM & Computing Terminology. URL: <https://www.ibm.com/ibm/history/documents/pdf/glossary.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).
- ¹⁴ Lexico.com. URL: <https://www.lexico.com/definition/device> (дата обращения: 12.01.2021).
- ¹⁵ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/device?q=device> (дата обращения: 12.01.2021).
- ¹⁶ Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/device?s=t> (дата обращения: 12.01.2021).
- ¹⁷ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-american-english/device> (дата обращения: 12.01.2021).
- ¹⁸ Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/american/device> (дата обращения: 12.01.2021).
- ¹⁹ Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/device> (дата обращения: 12.01.2021).
- ²⁰ Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/device> (дата обращения: 12.01.2021).
- ²¹ См.: *Татаринов В.* Терминологическая лексика русского языка : эволюция проблем и аспектов изучения. С. 136.
- ²² *Butterfield A.* Op. cit. P. 454–455.
- ²³ Microsoft Computer Dictionary. P. 172.
- ²⁴ Dictionary of IBM & Computing Terminology.
- ²⁵ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/domain?q=domain> (дата обращения: 15.01.2021).
- ²⁶ Lexico.com. URL: <https://www.lexico.com/definition/domain> (дата обращения: 15.01.2021).
- ²⁷ Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/domain?s=t> (дата обращения: 15.01.2021).
- ²⁸ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/domain> (дата обращения: 15.01.2021).
- ²⁹ Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/american/domain> (дата обращения: 15.01.2021).
- ³⁰ Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/domain> (дата обращения: 15.01.2021).
- ³¹ Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/domain> (дата обращения: 15.01.2021).
- ³² См.: *Алексеева М.* Указ. соч. С. 146.

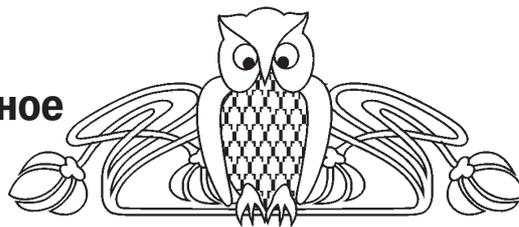
Поступила в редакцию 24.01.2021, после рецензирования 28.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 24.01.2021, revised 28.01.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 161–165
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 161–165

Научная статья
УДК 75.01:82-1
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-161-165>

Поэтический дискурс как производное от живописного изображения

Е. А. Елина

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Елина Евгения Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Sarelina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8743-372X>

Аннотация. Рассматривается направленное взаимодействие разнокодовых семиотических систем – вербальной и изобразительной (иконической), где изобразительная семиотическая система первична и является основой для вторичных вербальных систем – поэтических текстов. Утверждается, что создается феномен поэтического «перевода» и вербальной актуализации живописи при сохранении общего для двух систем культурно-нравственного кода.

Ключевые слова: разнокодовые семиотические системы, иконическая система, вербальная система, визуализация, искусствоведческий текст

Для цитирования: Елина Е. А. Поэтический дискурс как производное от живописного изображения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 161–165. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-161-165>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-161-165>

Poetic discourse as a derivative of pictorial representation

E. A. Yelina

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410028, Russia

Evgeniya A. Yelina, Sarelina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8743-372X>

Abstract. The article considers the directed interaction of different-code semiotic systems – verbal and pictorial (iconic), where the pictorial semiotic system is primary and is the basis for the secondary verbal system – poetic texts. It is argued that the phenomenon of poetic ‘translation’ and verbal actualization of painting is created while preserving a common cultural and moral code for both systems.

Keywords: multi-code semiotic systems, iconic system, verbal system, visualization, art history text, poetic text

For citation: Yelina E. A. Poetic discourse as a derivative of pictorial representation. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 161–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-161-165>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Междисциплинарный подход к научным проблемам успешно зарекомендовал себя как весьма продуктивный и перспективный. Доказательством тому служат различные исследовательские направления, эффективно объединяющие и развивающие условный «культурно-языковой континуум» на основе единства и взаимодействия разных семиотических систем¹.

На этом вполне сложившемся интегративном поле особенно полно и выразительно проявляются взаимовлияние, взаимозависимость и семантическая цельность таких разнокодовых семиотических систем, как изобразительная и вербальная. Язык не меньше нуждается в визуализации, чем изображение в вербальном пере-

воплощении. Семиотическая составляющая работает в обе стороны: усиление воздействия вербального текста изображением – актуальная и закономерная практика², описание изображения с помощью вербального толкования – еще более устойчивая и давняя традиция³.

Картина (живописное произведение) представляет собой знаковую систему со своим изобразительным (иконическим) кодом. Однако в процессе условной коммуникации со зрительской аудиторией живописное изображение, как правило, начинает выходить за пределы своей изначально визуальной формы восприятия. Картина-шедевр, выставленная на века на всеобщее обозрение в музее, не только постоянно тиражи-

руется на множестве бумажных и электронных носителей, но и (в условиях современного мира) может становиться рекламным и даже каким-либо утилитарным объектом (платки, кружки, тарелки и т. д. с нанесенным на них изображением живописного шедевра знакомы всем как образцы «кича», однако и в таком виде они служат популяризации картины, привлечению к ней внимания и дальнейшему интересу и обсуждению).

Иначе говоря, изображение постепенно вовлекается в общекультурный контекст и обретает множество словесных форм-интерпретаций. Картина получает, помимо своего традиционного адресата – зрителя, нового адресата – читателя и слушателя. Таким образом, на основе изображения как первичной семиотической системы возникают вторичные семиотические системы – вербальные, построенные на основе первичных изобразительных. К вторичным вербальным семиотическим системам можно отнести различные тексты – искусствоведческие, литературно-художественные, поэтические, которые (как в письменной, так и в устной форме) описывают, интерпретируют и продолжают собой изображение-основу⁴.

Один из типов вторичной вербальной семиотической системы на основе первичной иконической – это *искусствоведческий текст*. Такой текст непосредственно зависит от картины, которую он описывает, он не самоцелен, так как существует постольку, поскольку существует изображение, которому он посвящен. Искусствоведческий текст важен не сам по себе, хотя это может быть прекрасная искусствоведческая работа, и есть множество замечательных ученых-искусствоведов и критиков. Но такой текст значим как в той или иной степени адекватный «перевод», «перекодирование» изображения в словесную форму. Автор искусствоведческого текста – некий посредник между картиной и зрителем, он профессиональный интерпретатор, «переводчик», он облегчает визуальное восприятие и организует вербальную форму⁵ как промежуточное звено коммуникативной цепочки: «картина – интерпретатор – реципиент».

Другой тип вторичной вербальной семиотической системы – *литературно-художественный прозаический текст*. В отличие от искусствоведческого, *литературно-художественный текст* – самостоятельное авторское произведение, в котором по замыслу автора тем или иным образом отображается живописное полотно (реальное или вымышленное), и, на первый взгляд, автор художественного текста берет на себя искусствоведческие функции, описывая изображение. Но на самом деле это «иллюзорное искусствоведение», так как не ради самой интерпретации создается литературный текст, у этого текста свои задачи, описание живописного изображения – лишь сюжетный поворот, лишь способ воплощения авторских идей. Картина и ее истолкование помогают автору художественного текста воплотить свой замысел.

В этом смысле *поэтический текст*, на котором мы остановимся подробнее, близок прозаическому художественному тексту – он тоже самостоятелен, хотя в основе его всегда лежит реальное живописное изображение. Но вербализация живописного изображения в рамках поэтического текста представляет собой совершенно особый феномен. Стихотворное произведение выполняет свои поэтические задачи, соотнося их с привлеченным живописным зрительным рядом, и вовсе не ставит своей целью описание картины как таковое. Поэтическая сила стихотворного текста оставляет картину на периферии читательского восприятия, а на передний план выдвигаются поэтический образ, метафора, новый поэтический взгляд и новая поэтическая реальность.

Насколько поэтический текст может вобрать в себя и переосмыслить (или домыслить) живописное изображение, насколько актуализировать его, рассмотрим на нескольких поэтических примерах.

Сюжет всем известной картины Рембрандта «Ночной дозор» (1642 г.) особым образом переосмыслен в одноименном стихотворении Евгения Рейна:

У «Ночного дозора» я стоял три минуты,
И сигнал загудел, изгоняя туристов.
Я бежал, я споткнулся о чекан Бенвенуто,
Растолкал итальянок в голландских батистах.

Что-то мне показалось, что-то мне показалось,
Что все это за мною, и мой ордер подписан,
И рука трибунала виска мне касалась,
И мой труп увозили в пакгаузы – крысам.

Этот вот капитан – это Феликс Дзержинский,
Этот в черном камзоле – это Генрих Ягода.
Я безумный? О нет, даже не одержимый,
Я задержанный с тридцать пятого года.

Кто дитя в кринолине? Это дочка Ежова.
А семит на коленях? Это Блюмкин злосчастный.
Подведите меня к этой стенке, и снова
Я увижу ее и кирпичной, и красной. //...//

Вас разбудят приклады «Ночного дозора»,
Эти дьяволы выйдут однажды из рамы.
Это было вчера, и сегодня, и скоро...
И тогда мы откроем углы пентаграммы⁶.

Неожиданные ассоциации вызывает в поэтическом воображении это классическое голландское полотно семнадцатого века⁷. Поэт не восхищается кистью Рембрандта, не вникает в сюжетную основу картины (это уже было сделано другими, и не в этом его задача), он встраивает изображение в новую историческую реальность: картина «перешагивает» через века и, поэтически переосмысленная, получает новую жизнь в недавней исторической ретроспективе. Оказывается, она может сигнализировать об общественных ка-

тастрофах вообще и об ужасах сталинской эпохи в частности. Хотя Рембрандт просто изображает выходящих вооруженных людей, но поэт ощущает сначала безотчетную тревогу («Что-то мне показалось, что-то мне показалось...»), потом эта тревога и страх становятся вполне предметными и даже персонифицированными (Дзержинский, Блюмкин, Ягода, Ежов, ордер, трибунал, кирпичная стена...). И эти образы и ассоциации – вовсе не признак поэтического безумия или большой фантазии, просто поэт – «задержанный с тридцать пятого года». Безрадостный итог авторских ассоциаций заключен в ключевой строке стихотворения: «Это было вчера, и сегодня, и скоро...». Всегда, в любой момент прошлого, настоящего и будущего могут выйти вооруженные люди и прийти за тобой... Конечно, великий голландский художник всего этого не имел в виду. Но, во-первых, величие картины в том и заключается, что она значит больше, чем она есть, что художник интуитивно, гениальным чутьем выводит изображение из его узких временных и территориальных рамок и дает возможность зрителю по-своему его интерпретировать, обобщать, выстраивать свой ассоциативный ряд. Во-вторых, процитируем Г. Г. Гадамера, который справедливо настаивал на правомерности самого широкого спектра истолкований: «Можно, конечно, поинтересоваться, что сверх сказанного... хочет сказать художник... Но язык искусства предполагает прирост смысла, происходящий в самом произведении... именно при распространении герменевтической точки зрения на язык искусства становится ясно, насколько не исчерпывается тут предмет понимания субъективными представлениями автора»⁸.

Другой художественный шедевр, картина голландского художника Винсента Ван Гога «Едоки картофеля» (1885 г.), тоже оказался современным, переосмысленным и тоже оживил в сознании автора стихотворения тяжелые детские воспоминания. Напомним, что на картине изображена знакомая художнику крестьянская семья из пяти человек, ужинающая в своей убогой хижине. Перед людьми на столе блюдо с картофелем и чашки кофе. Этот лаконичный сюжет из голландской жизни бедняков конца девятнадцатого века лег в основу стихотворения современного поэта Марка Шехтмана «Едоки картофеля»:

Встретил эту жуть Ван Гога, где молчанье
так убого,
Где его печально-много, я на зрелом рубеже.
Я взгляделся в эти лица, в комнату, где страх таится,
И как в мозг вонзилась спица: видел, видел их уже!

Да, конечно же... Квартира где-то около Памира,
На краю большого мира: стены, стулья и комод.
Стол овальный, в центре плоска, в плоске
дымная картошка,
Хлеба-соли есть немножко...
Пятьдесят голодный год /.../

Это ничего, что тесно. Это даже интересно!
Хуже то, что ждут ареста папа с мамой по ночам.
Дом – больничный, и из дому ночью взяли
дядю Сёму,
Тётю Сару, тётю Тому... Плохо жить
теперь врачам!

А ещё на той неделе все у нас они сидели.
Мы картошку с хлебом ели, хоть не досыта,
но всё ж...
За окном уже темнело. Громко радио хрипело
Про убийц в халате белом – и сгущались тьма
и ложь.

И во тьме зеленоватой дом сжимался виновато.
Окон тусклые квадраты тихо тлели до утра.
Молча жили, молча ждали. Хлебовозки
разъезжали,
Забирали, забирали, забирали, забира...

Потому-то и поныне на вангоговской картине,
Как в аду или в пустыне, я вырастаю в эту жуть:
Жизнь – разменная монета, а вопросы без ответа,
И всё так же до рассвета папе с мамой не уснуть⁹.

Как и стихотворение «Ночной дозор» («Что-то мне показалось, что-то мне показалось...»), это тоже начинается с безотчетного страха, смутного воспоминания («И как в мозг вонзилась спица: видел, видел их уже! Да, конечно же...»), которое вырастает в образ сталинского государства, когда «молча жили, молча ждали... забирали, забирали». Блюдо с картофелем как центральная часть композиции голландской картины становится центром и в стихотворении: «Стол овальный, в центре плоска, в плоске дымная картошка...». Но сидящие вокруг стола серые молчаливые люди в детских воспоминаниях поэта – это уже не бедные крестьяне из маленького голландского Ньюнена девятнадцатого века, это все мы, со своей общей бедой, страхом, тревожным ожиданием. Конечно, у голландских едоков тоже мог быть свой страх – страх неурожая картофеля, в котором заключалась вся их жизнь. Но это совсем другой страх, и насколько спокойнее, умиротвореннее и достойнее скудная ежевечерняя трапеза голландских крестьян, чем тревожный ужин в коммунальной России «пятьдесят голодного года».

«Едоки картофеля» Винсента ван Гога перешагнули через время и расстояние, как и рембрандтовское полотно, и дали толчок воспоминаниям, вылившимся в одноименное стихотворение. Значит, есть в этой картине, изображающей частную локальную историю, что-то всеобщее и вечное.

Очень впечатляет своим созвучием прошлого, настоящего и будущего стихотворение Павла Антокольского «Иероним Босх», написанное в 1957 г. и посвященное триптиху «Страшный Суд» (1504 г.). Мы приведем здесь фрагменты этого большого стихотворения:

Я завещаю правнукам записки,
Где высказана будет без опаски
Вся правда об Иерониме Босхе. //...//

Художник знал, что Страшный суд напишет,
Пред общим разрушеньем не опешит,
Он чувствовал, что время перепашет
Все кладбища и пепелища все.
Он вглядывался в шабаш беспримерный
На черных рынках пошлости всемирной.
Над Рейном, и над Темзой, и над Марной
Он видел смерть во всей ее красе. //...//

Я замечал в сочельник и на пасху,
Как у картин Иеронима Босха
Толпились люди, подходили близко
И в страхе разбегались кто куда,
Сбегались вновь, искали с ближним сходство,
Кричали: «Прочь! Бесстыдство! Святотатство!»
Во избежанье Страшного суда¹⁰.

Поэт глубоко впечатлен картиной Босха, он представляет себя его современником и даже приятелем («Однажды Босх привел меня в харчевню...») и с интересом наблюдает, как тот изображает на холсте своих «героев». Но затем поэтический взгляд «улетает» из шестнадцатого века, приближается к веку двадцатому с его катаклизмами и катастрофами, и вот уже поэт видит приближение Страшного суда – расплаты – человечеству за его грехи в недалеком будущем, и картина Босха только сигнал, знак приближающегося апокалипсиса. Человечество боится этой картины, в которой оно видит персонификацию вечного наказания, как боится самого Страшного суда, и поэт с тревогой и ожиданием возмездия наблюдает за «нечистью» («на смену людям вылезла нечисть»), которая «вышла» из картины шестнадцатого века и заполонила двадцатый век. Здесь, как и в предыдущих стихотворениях, картина – лишь толчок для высказывания, для выражения экзистенциального страха и ожидания, но еще и поэтический призыв к человечеству и надежда на избавление.

Драматизм вечного давления Власти на Личность воплощает своеобразная поэтическая интерпретация картины «Искушение Святого Антония» в стихотворении Юрия Смирнова, которое семантически отчасти перекликается с предыдущими:

Нидерланды. Шестнадцатый век.
Вернисаж. Пол натерт до блеска.
Все спешат (исключая калек)
Посмотреть на Хенри де Блеса.

Говорят, он пишет чудно,
Что-то есть в нем потустороннее.
Привлекает всех полотно
«Искушенья Святого Антония».

Что ж, загасанный вроде сюжет.
Только вместо пурпурной гаммы
Неожиданный черный цвет,
Как провал за пределы рамы.

Был к суду привлечен де Блес.
Судьи, пряча под мантией панцирь,
Восклицали: «Сидит в нем бес,
А стране угрожают испанцы!»

Лишь спустя четыреста лет
Появилось такое мнение,
Что пугающе черный цвет –
Результат ненормального зренья.

Браво, доктор! Хвала уму!
Спит де Блес под зеленой травкой.
Как могла бы помочь ему
Запоздалая ваша справка.

Государственный спит совет.
Спят доносы и подозренья.
Жив шедевр – ненормальность зренья.
Все нормальны, а толку нет¹¹.

Сама картина «Искушение Святого Антония» (1550 г.) представлена в стихотворении уникальным творением, за которое художник де Блес поплатился жизнью. «Неожиданно черный цвет» фона оказался решающим на инквизиторских весах. Личность и судьба Художника всегда в руках Власти, но... «жив шедевр – ненормальность зренья». В этом стихотворении важен не сюжет картины, в отличие от предыдущих поэтических интерпретаций (он, собственно, и не описывается), а важна жизненная история, связанная с картиной и ее автором. М. Краснова в статье, посвященной творчеству Юрия Смирнова, пишет: «Написанное около 1964 года стихотворение, конечно же, напрямую связано с тем, что происходило вокруг. И справка, разумеется, не есть лишь ученый комментарий. Это еще и справка о реабилитации, выдаваемая тем, кто выжил, а чаще – родственникам погибших»¹². Эту вроде бы индивидуальную историю, рассказанную поэтом, вдумчивый читатель соотносит с более близкой эпохой и отмечает общечеловеческие проблемы отношений Личности и Власти.

Примечательно, что все три стихотворения одноименны названиям картин, хотя, конечно же, не о картинах в них речь. Но авторам поэтических текстов важна эта отсылка, важно подчеркнуть, что поэтическая реальность выстраивается в подчинении определенной логике: автор рассматривает картину, картина вызывает ассоциации, и ответ на эти ассоциации – само стихотворение. И как бы ни были эти ассоциации отдаленны, у них есть изобразительный стержень, от которого они отталкиваются, и этот изобразительный стержень таит в себе еще множество возможных поэтических интенций – че-

рез годы, а может быть, века вдруг происходит ассоциативный взрыв, и давняя и во всех смыслах далекая картина оказывается источником актуального поэтического творчества.

Хотя поэт абсолютно волен в своих поэтических образах, ассоциациях и аллюзиях, но неслучайно эти ассоциации могут принимать (как в наших примерах) такую ярко выраженную конкретную историческую форму. Не картины тому причиной, но изобразительное искусство для того и дано человечеству, чтобы помочь увидеть вечные ценности в разнообразных конкретных формах, в разнообразных способах их интерпретирования. Переосмысление изначального изобразительного «языка» может быть весьма значительным, тем не менее, в основе вербальной и изобразительной систем, безусловно, лежит общий культурно-нравственный код.

Примечания

- ¹ См.: Карасик В. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.
- ² См.: Вашунина И. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при вос-

приятии креолизованного текста : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

- ³ См.: Агапова О. Эстетическая синестезия как элемент специального подязыка искусствоведения (на материале французского языка) // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 152–155.
- ⁴ См.: Елина Е. А. Вербальные интерпретации живописи. Саратов : Наука, 2016.
- ⁵ См.: Кортунова Н. Как читать и понимать живопись : интенсивный курс. М. : АСТ, 2017.
- ⁶ Рейн Е. Б. Ночной дозор // Новый мир. 1990. № 1. С. 95.
- ⁷ См.: Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М. : Лабиринт, 1998. С. 157.
- ⁸ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 187.
- ⁹ Шехтман М. Едоки картофеля // Цикл «Краски памяти». URL: https://4511.net/mark_shekhtman/tsikl_kraski_ramyati.html (дата обращения: 21.01.2021).
- ¹⁰ Антокольский П. Иероним Босх // Антокольский П. Г. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2 : Стихотворения и поэмы 1941–1971 гг. М. : Художественная литература, 1971. С. 234.
- ¹¹ Смирнов Ю. «Нидерланды. Шестнадцатый век...» // Смирнов Ю. В. Знаки. М. : Советский писатель, 1980. С. 175.
- ¹² Краснова М. Кто говорит? Пожарная контора // Новый мир. 2005. № 9. С. 134.

Поступила в редакцию 30.01.2021, после рецензирования 06.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 30.01.2021, revised 06.02.2021, accepted 10.02.2021

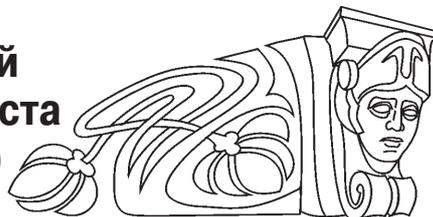
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 166–170
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 166–170

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Ахматова

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-166-170>

Антитеза как структурно-семантический принцип организации поэтического текста (на материале поэзии Анны Ахматовой)

С. А. Станиславская

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Станиславская Сусанна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, stsusanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1471-076X>

Аннотация. В статье исследуется антитеза как ведущий структурно-семантический принцип организации стихотворного контекста. Особое внимание уделяется структурным особенностям и семантическому содержанию антитезы в поэтических произведениях Анны Ахматовой. В статье представлены темпоральные, субъектные, отвлеченные антитезы и их реализация в различных синтаксических конструкциях поэтического текста.

Ключевые слова: антитеза, поэтическая речь, Анна Ахматова, антонимия, контраст, идиостиль

Для цитирования: Станиславская С. А. Антитеза как структурно-семантический принцип организации поэтического текста (на материале поэзии Анны Ахматовой) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 166–170. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-166-170>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-166-170>

Antithesis as a structural and semantic principle of organizing a poetic text (Based on the poetry of Anna Akhmatova)

S. A. Stanislavskaya

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410028, Russia

Susanna A. Stanislavskaya, stsusanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1471-076X>

Abstract. The article explores antithesis as the main structural and semantic principle of organizing the poetic context, focusing on the structural features and semantic content of antithesis in the poetic works of Anna Akhmatova. The article presents temporal, spatial, subjective, abstract antitheses and their implementation in various syntactic constructions of poetic text.

Keywords: antithesis, poetic discourse, Anna Akhmatova, antonymy, contrast, idiostyle

For citation: Stanislavskaya S. A. Antithesis as a structural and semantic principle of organizing a poetic text (Based on the poetry of Anna Akhmatova). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 166–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-166-170>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Антитеза как один из ведущих структурно-семантических и композиционно-стилистических принципов организации художественного текста призвана выражать концептуально значимые для автора смысловые оппозиции, отражающие специфику картины мира художника слова: «...типичной особенностью произведений нередко является их антитетический характер: антитезы выступают композиционными, образными и смыслообразующими доминантами, а остальные художественные средства участвуют в раскрытии главной ментальной оппозиции, заложённой автором в произведении»¹.

По мнению Л. Г. Бабахановой², Л. В. Вертаевой³, Г. М. Беловой⁴, антитеза базируется на противопоставлении речевых элементов разных уровней текстовой организации, реализуясь как в специфическом словоупотреблении, так и в особых синтаксических конструкциях. Таким образом, многоаспектность реализации антитезы в тексте предопределяет разнообразие ее трактовок и классификаций.

Антитеза понимается как стилистическая фигура «сближения двух противоположных образов, понятий, мыслей»⁵, «фигура речи, состоящая в антонимировании сочетаемых слов»⁶, сти-

лирический прием, основанный на антонимах и имеющий разнообразное синтаксическое оформление и разные стилистические функции⁷, и др. Лингвисты придерживаются единого мнения, что антитеза выступает как объективное сравнение двух противопоставленных категорий; ей не свойственно, как оксюмору, объединение двух контрастных понятий в единое целое.

В общетеоретическом плане для исследования противопоставления как частного случая реализации лексико-семантического контраста принципиальное значение имеют структурные и семантические классификации антитезы, предложенные Л. А. Корниловой, Е. Г. Кашицыной, Л. Лее-Йуех, Т. И. Филипповой.

По характеру противопоставления сем компонентов антитезы выделяют явные (узualmente) и размытые (оказиональные) антитезы (Е. Г. Кашицына⁸, Л. А. Корнилова⁹, Л. Лее-Йуех¹⁰, С. А. Станиславская¹¹). Явные противопоставления, базирующиеся на «реальных контрастивах»¹², «сильнее и проще размытых антитез, созданных в результате актуализации эмоционально-ассоциативных сем»¹³.

На основании количественного соотношения оппозиций в структуре антитезы выделяются: простая антитеза, образованная противопоставлением одной или нескольких пар антонимов, «которые не объединяются каким-либо общим смыслом»¹⁴; сложная антитеза, или структурно составная антитеза, созданная «целым рядом относительно противоположных слов, составляющих единое целое и соответствующих единому образу»¹⁵, при этом «одна пара антонимов усиливает и углубляет впечатление от второй»¹⁶; развернутая антитеза, используемая при «развернутой контрастной характеристике объектов»¹⁷.

С точки зрения синтаксического оформления антитезы выделяют различные типы связи в структуре противопоставления: 1) сочинительные и подчинительные союзы, 2) бессоюзная связь, 3) предлоги, 4) знаменательные слова¹⁸.

Особое развитие антитеза получает в поэтических жанрах: «Принцип контраста и антитезы можно считать едва ли не универсальным для поэзии вообще...»¹⁹. Специфика поэтического слова, сложная система ассоциативных связей, структурное своеобразие поэтического текста требуют комплексного подхода к классификации антитезы в поэтической речи. Целесообразно исследовать семантическую и грамматическую структуру антитезы, рассматривая данную разновидность лексико-семантического контраста в системе структурно-семантической организации целостного текста.

Целью статьи является исследование антитезы как ведущего принципа структурно-семантической организации стихотворного контекста и экспликации мировосприятия, системы ценностей, особенностей художественного метода в идиостиле Анны Ахматовой.

Антитезы как частный случай реализации лексико-семантического контраста в творчестве Анны Ахматовой выделялись нами на основании их функциональных особенностей и структурного своеобразия.

Как показало исследование поэтического материала, в стихотворной речи Ахматовой представлены: 1) темпоральные антитезы, выражающие временной контраст («Подражание И. Ф. Анненскому»²⁰, «Теперь никто не станет слушать песен» (131)), «Ангел, три года хранивший меня...» (143) и др.); 2) субъектные антитезы, призванные подчеркнуть противопоставление лирических героев («Над водой» (45), «Твой белый дом и тихий сад оставлю» (77), «Двустешие» (176) и др.); 3) отвлеченные, или соматические антитезы, основная функция которых – изображение чувств и эмоционального состояния героини («Под навесом темной риги жарко...» (36), «Меня покинул в новолуние...» (47) и др.).

Специфика антитезы как противопоставления двух и более понятий обуславливает ее структурное своеобразие. В отличие от оксюморона, представленного в основном словосочетаниями, антитеза Ахматовой объективируется в многочисленных синтаксических конструкциях с противительными союзами *а, но* («Тяжела ты, любовная память!» (79)), в бессоюзных конструкциях («Не будем пить из одного стакана...» (56)), в бессоюзных конструкциях с интонационным противопоставлением («Столько просьб у любимой всегда!» (57)), в конструкциях, осложненных синтаксическим контрастом («Я с тобой не стану пить вино...» (69)). Антитеза может служить организующим принципом всего поэтического контекста («Песня последней встречи» (28)).

В качестве оппозитивов в рамках антитезы могут выступать как языковые антонимы, например *смеюсь / плачу* (*Я смеюсь, а в сердце злобно плачу* (36)), образующие явные антитезы, так и окказиональные антонимы: *мил / далек* (*Мил сегодня, а завтра далек* (46)), на основе которых создаются размытые антитезы. В структуре противопоставления выделяются однокорневые коррелятивные пары: *заснуть / проснуться* (*Заснуть огорченной, Проснуться влюбленной* (203)), и разнокорневые антонимы: *поклонюсь / кивала* (*Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь, А прежде кивала едва* (143)).

Темпоральные антитезы как средство интерпретации хронотопа в лирике Ахматовой базируются на различных временных оппозициях: *настоящее / будущее, будущее / прошедшее, прошедшее / настоящее*. Триада *вчера / сегодня / завтра* традиционно считается универсальной для поэзии, поскольку именно «временные отношения являются одним из типов базовых отношений, воспринимаемых человеком и отражаемых формами языка»²¹.

В поэтическом языке Ахматовой наиболее частотны темпоральные антитезы, реализующи-

еся в пределах синтаксических конструкций с противительными союзами *а, но*. Маркером подобных антитез помимо противительных союзов являются наречия-координативы (*вчера, сегодня, завтра, ныне, прежде* и др.), частицы *еще, так*, усиливающие противопоставление, контраст грамматических времен оппозитивов.

Временное противопоставление реализуется, прежде всего, в «малых» отрезках поэтического текста Ахматовой, а именно в структуре строки, нескольких строк: *Возникают, стираются лица, Мил сегодня, а завтра далек* (46). Подобные «неконтрастные», «неполярные» антитезы²², базирующиеся на контекстуальных противопоставлениях, получили особое развитие в поэзии Ахматовой. Репрезентация контрастного смысла в антитезе происходит благодаря оппозиции наречий *сегодня / завтра, мил / далек* и противительному союзу *а*. Контактные расположенные антонимы *возникают / стираются*, усиливающие данную размытую антитезу, призваны передать динамику жизни.

Антитезы, реализующиеся в рамках синтаксических конструкций с противительными союзами, поддерживаются оппозитивами, используемыми в регистре разных грамматических времен (*будущее / прошедшее; настоящее / прошедшее*): *Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь, А прежде кивала едва* (143); *И я не могу взлететь, А с детства была крылатой* (49).

Широко представлены в лирике Ахматовой темпоральные антитезы, охватывающие всю поэтическую строфу. Контрастность подобных противопоставлений усиливается расположением оппозитивов в анафоре поэтической строки.

В анафоре поэтической строки располагаются, как правило, темпоральные наречия, локализирующие действие в художественном пространстве текста и являющиеся средством связи в поэтическом произведении: *Еще недавно ласточкой свободной Свершила ты свой утренний полет, А ныне станешь нищенкой голодной, Не достучишься у чужих ворот* (131). Противопоставление *нищенки* и *ласточки* реализуется именно в конкретной речевой ситуации: в данном поэтическом контексте контрастируют дополнительные ассоциативные признаки, что вообще характерно для «размытых» поэтических антитез. Потенциальные смысловые признаки *свободы, счастья, легкости*, содержащиеся в значении компонента антитезы *свободная ласточка*, вступают в отношение контраста с семантикой *нищенка, горе, скорбь*, актуализирующимися в семантике оппозитива *нищенка*.

В одном поэтическом контексте Ахматовой могут взаимодействовать две разновидности контраста (оксюморон и антитеза): *Он был со мной еще недавно, Такой влюбленный, ласковый и мой, Но это было белою зимой, Теперь весна, и грусть весны отравна, Он был со мной еще недавно...*

(43). Экспликация контрастного смысла в данной временной антитезе происходит благодаря «размытому» оксюморону *грусть весны отравна*, контактному расположению в тексте компонентов противопоставления *зима / весна*, контрасту грамматических времен *прошедшее / настоящее*, повтору поэтической строки: *Он был со мной еще недавно...*, противительному союзу *но*.

Единичным примером в творчестве Ахматовой представлена темпоральная антитеза только с одним ярко выраженным компонентом: *Странно вспомнить: душа тосковала, Задыхалась в предсмертном бреду. А теперь я игрушкой стала, Как мой розовый друг какаду* (23). Противопоставление в данной «размытой» антитезе становится очевидным благодаря контрасту лексем *задышаться, тосковать*, словосочетания *предсмертный бред*, имеющих отрицательную оценку, и прилагательного *игрушечная*, актуализирующего ассоциативные семы *неестественное спокойствие, безразличие*.

Экспликация контрастности темпоральных антитез может осуществляться за счет противопоставления двух словесных блоков, реализующихся в структуре двух строф. Ярким примером подобных временных противопоставлений послужило стихотворное произведение Анны Ахматовой «Будем вместе, милый, вместе» (сборник «Белая стая»). В первом фрагменте поэтического текста (*Где венчались мы – не помним, Но сверкала эта церковь Тем неистовым сияньем, Что лишь ангелы умеют В белых крыльях приносить* (109)) акцентируется внимание на лексемах *ангелы, неистовое сиянье, сверкала, белые крылья*, содержащих семантические признаки *любовь, радость, счастье*, которые контрастируют с семантикой *безысходность, горе, страдание*, входящих в семантическую структуру компонентов *страшный год, страшный горюх* из второго словесного блока (*А теперь пора такая, Страшный год и страшный горюх*). Противопоставление двух фрагментов обостряется благодаря противительному союзу *а*, наречию *теперь*, которые часто встречаются в структуре антитезы Ахматовой.

Противопоставление, реализующееся в рамках временных антитез Ахматовой, может сопровождаться так называемым синтаксическим контрастом: *Вчера еще, влюбленный, Молил: «Не позабудь». А нынче только ветры Да крики пастухов, Взволнованные кедры У чистых родников* (89). Экспрессивное предложение разговорного типа «*Не позабудь*» контрастирует по своей синтаксической структуре с номинативными предложениями.

Субъектные антитезы, базирующиеся на местоименных оппозициях *я / он, ты / я, одни / другие / я*, призваны противопоставить лирических субъектов, намеренно подчеркнуть несхожесть их чувств и эмоций: *И ты подругу помнишь дорогу В тобою созданном для глаз ее раю, А я товаром*

редкостным торгую – Твою любовь и нежность продаю (77) (ср. *Мы прощались как во сне, Я сказала: «Жду». Он, смеясь, ответил мне: «Встретимся в аду»* (45); *Тяжела ты, любовная память! Мне в дыму твоём петь и гореть, А другим – это только пламя, Чтоб остывиую душу греть* (79); *От других мне хвала – что зола, От тебя и хула – похвала* (176); *Одни глядятся в ласковые взоры, Другие пьют до солнечных лучей, А я всю ночь веду переговоры С неукротимой совестью своей* (177)). Местоименные коррелятивные пары в подобных «персоналогических» антитезах, реализующихся в союзных и бессоюзных конструкциях, актуализируются, как правило, в анафоре, симметрично друг другу, тем самым делая контраст более ощутимым.

Антитеза в поэтическом контексте может создаваться не только при помощи антонимов (словарных и окказиональных); в качестве «потенциальных контрастивов» могут выступать, например, синонимы, наделенные контекстным значением противопоставления: *Ты говоришь – моя страна грешна, А я скажу – твоя страна безбожна* (107). Данная антитеза, реализующаяся в структуре союзной конструкции, эксплицируется благодаря местоимениям *ты / я*, являющимся контрастным центром, противительному союзу *а*; усиливается при помощи размещения контрастивов-синонимов в конце строки и параллельного построения конструкций, которое традиционно считается ключевым свойством антитезы.

В лирике Ахматовой встречаются антитезы в структуре бессоюзных конструкций: *Ты дышишь солнцем, я дышу луною...* (56). Противопоставление *солнца* и *луны* символизирует антагонизм мужского и женского начала и восходит к традициям устного народного творчества. В «малых» отрезках текста могут концентрироваться несколько коррелятивных пар, образующих явную многокомпонентную антитезу: *От других мне хвала – что зола, От тебя и хула – похвала* (176) (в пределах двух поэтических строк представлены антонимичные противопоставления *от других – от тебя, хвала – хула, зола – похвала*).

Ярко выраженной контрастностью характеризуются «антитетические» бессоюзные конструкции с однокоренными коррелятами и интонационным противопоставлением: *Столько просьбу любимой всегда! У разлюбленной просьба не бывает* (57). Данная субъектная антитеза усиливается благодаря нарушению интонационной организации текста: первое предложение в рамках противопоставления произносится как восклицательное, с логическим ударением на оппозиции *любимая*, последующая часть антитезы характеризуется уже понижением тона. Повтор лексемы *просьба*, отсутствие параллелизма, ритмический контраст, нарушение привычной структуры поэтической антитезы придают тексту особую экспрессию грусти, достигают несомненного стилистического эффекта.

Ритмический контраст компонентов может сопровождать смысловое противопоставление в субъектных многокомпонентных антитезах, реализующихся в структуре целостного текста: *Я с тобой не стану пить вино, Оттого что ты мальчишка озорной. Знаю я – у вас заведено С кем попало целоваться под луной. А у нас – тишь да гладь, Божья благодать. А у нас – светлых глаз Нет приказу подымать* (69). Сознательная простота художественной формы, использование в поэтическом контексте разговорных элементов придают стихотворному произведению Ахматовой форму доверительного разговора.

Субъектная антитеза в поэтической речи Ахматовой как принцип структурно-смысловой организации всей образной системы, композиционного построения художественного произведения поэтического произведения может создаваться противопоставлением не только отдельных лексем, образующих коррелятивную пару, но и целого блока соотносительно противоположных слов. Многокомпонентное противопоставление грамматически разнородных антонимов (узуальных и окказиональных) легло в основу поэтического произведения Анны Ахматовой «Сжала руки под темной вуалью» (сборник «Вечер» (25)): *Сжала руки под темной вуалью / «Отчего ты сегодня бледна?»; Я сбежала, перил не касаясь / Он вышел, шатаясь; Задыхаясь, я крикнула / Улыбнулся спокойно и жутко И сказал мне и т. д.* Предельный драматизм ситуации поддерживается диссонирующими по тону и содержанию диалогическими репликами лирических героев: *«Шутка Все, что было. Уйдешь, я умру» / «Не стой на ветру».*

Прагматический потенциал многокомпонентной антитезы усиливается посредством конвергенции с другими образными средствами, например с повтором. В стихотворном произведении «Мне больше ног моих не надо» (сборник «Вечер» (29)) местоименный оппозит *мне*, повторяющийся на протяжении всего поэтического текста в разных формах (*Мне больше ног моих не надо, Пусть превратятся в рыбий хвост! ... Не надо мне души покорной, Пусть станет дымом, легок дым ... Ничьих я слов не повторяю И не пленюсь ничьей тоской*), предопределяет появление второго компонента антитезы – личного местоимения *ты* (*А ты, мой дальний, неужели Стал бледен и печально-нем? Что слышу? Целых три недели Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»*), в результате чего формируется коррелятивная пара, организующая весь поэтический текст. Несмотря на дистантное расположение оппозитов, контрастность размытой антитезы очевидна благодаря противопоставлению нескольких словесных рядов.

В отличие от темпоральных и соматических антитез, противопоставления, условно называемые отвлеченными, или соматическими, представлены в меньшей степени в поэтическом языке Ахматовой. Они могут функционировать как в конструкциях с противительными союзами («Под

навесом темной риги жарко...» (36), «Меня покинул в новолунье...» (47)), так и в целостном тексте («Так беспомощно грудь холодела...» (28)).

Единичным примером представлены явные соматические антитезы, в основу которых легли языковые антонимы: *Я смеюсь, а в сердце злобно плачу* (36). Предельная контрастность коррелятивной пары, противительный союз, «малая» форма реализации антитезы позволяют подчеркнуть несоответствие внешнего поведения лирической героини и ее настоящих эмоций. Душевное состояние героини, ее тревогу и волнение передают соматические антитезы, построенные на цветовой оппозиции, приобретающей в поэтическом тексте символическое наполнение: *Мой рот, тревожно заалел, И щеки стали снеговыми* (44).

Таким образом, в поэтическом творчестве Анны Ахматовой можно проследить разные типы антитез: от темпоральных, выражающих временные противопоставления, до соматических, репрезентирующих динамику эмоционального состояния лирической героини. Наибольшее распространение получили «размытые» антитезы, базирующиеся на контекстуальных антонимах и реализующиеся в союзных конструкциях; явные антитезы с бессоюзной связью представлены единичными примерами. Стоит отметить, что в лирике Ахматовой прослеживается тенденция к многокомпонентным антитезам, функционирующим в художественном пространстве целостного текста. Противопоставление в подобных антитезах достигается благодаря контрасту многочисленных словесных рядов.

Примечания

- ¹ *Сундырцева Н.* Антитеза как способ моделирования авторской картины мира во французском художественном тексте (диахронический аспект) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 191.
- ² См.: *Бабаханова Л.* Структурно-семантические особенности антитезы как стилистического приема (на материале англ. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- ³ См.: *Вертаева Л.* Антитеза как принцип организации художественного текста : на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984.
- ⁴ См.: *Белова Г.* Лингвистические средства выражения антитезы (на материале фр. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- ⁵ *Иванюк Б.* Поэтическая речь : словарь терминов. М. : Флинта ; Наука, 2007. С. 35.
- ⁶ *Ахманова О.* Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 49.
- ⁷ См.: *Филиппова Т.* Семантико-синтаксическая структура антитезы и ее стилистические функции (на материале французской художественной литературы XIX–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 4.
- ⁸ См.: *Кашицына Е.* Фигуры, построенные на основе контраста, в прозе М. И. Цветаевой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2 (26). С. 52–62.
- ⁹ См.: *Корнилова Л.* Структурно-функциональная характеристика антитезы (на материале английского и русского языков) // Вестник Тамбовского университета. 2011. Вып. 5 (97). С. 241–244.
- ¹⁰ См.: *Лее-Йуех Л.* Стилистика контраста в автобиографической прозе М. Горького и И. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
- ¹¹ См.: *Станиславская С.* Контраст как принцип организации художественного текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- ¹² См.: *Андреева Г.* Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- ¹³ *Станиславская С.* Указ. соч. С. 6.
- ¹⁴ *Корнилова Л.* Указ. соч. С. 242.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Кашицына Е.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁷ *Москвин В.* Стилистика русского языка. Теоретический курс : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2006. С. 332.
- ¹⁸ См.: *Филиппова Т.* Указ. соч.
- ¹⁹ *Щемелева Л.* Значение антитезы в поэзии Тютчева // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М. : Наука, 1977. Т. 36, № 2. С. 113.
- ²⁰ *Ахматова А.* Сочинения : в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М. : Художественная литература, 1986. С. 46. В дальнейшем все цитаты на произведения А. Ахматовой приводятся в тексте по данному изданию с указанием страниц в скобках.
- ²¹ *Гак В.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1996. С. 6.
- ²² См.: *Щемелева Л.* Указ. соч. С. 112–122.

Поступила в редакцию 28.01.2021, после рецензирования 03.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 28.01.2021, revised 03.02.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 171–175
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 171–175

Научная статья
УДК 821.161.1.09-3+821.512.122.09-32+929[Булгаков+Бокеев]
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-171-175>

Цвет как религиозный семиотический код и языковые средства его выражения в произведениях М. А. Булгакова и О. Бокеева

А. С. Криуля

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11

Криуля Анна Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, neta.94@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6382-3747>

Анотация. В рамках данной статьи посредством интертекстуального анализа рассматривается цвет как семиотический код и его восприятие тюркскими и славянскими народами. Предметами исследования являются роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и рассказ О. Бокеева «След молнии» и его оригинальный текст на казахском языке.

Ключевые слова: филология, культурология, религиоведение, семиотика, цвет, языковые средства выразительности

Для цитирования: Криуля А. С. Цвет как религиозный семиотический код и языковые средства его выражения в произведениях М. А. Булгакова и О. Бокеева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 171–175. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-171-175>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-171-175>

Color as a religious semiotic code and the language means of its expression in the works of M. A. Bulgakov and O. Bokeev

A. S. Kriulya

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovokov, 11 Pushkin St., Elista 358000, Russia

Anna S. Kriulya, neta.94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6382-3747>

Abstract. By means of an intertextual analysis the article considers color as a semiotic code along with its perception by Turkic and Slavic peoples. The subjects of the study are M. Bulgakov's novel *The Master and Margarita* and O. Bokeev's story *The Trace of Lightning* and its original text in Kazakh.

Key words: philology, cultural studies, religious studies, semiotics, color, linguistic means of expressiveness

For citation: Kriulya A. S. Color as a religious semiotic code and the language means of its expression in the works of M. A. Bulgakov and O. Bokeev. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 171–175 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-171-175>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Изобразительно-выразительные средства языка обогащают речь, моделируют читательское сознание, помогают автору наиболее успешно произвести эмоциональное воздействие на читателя, а читателю лучше понять проблематику, идею, принять образ, созданный автором. Средства выразительности не только обогащают речь тем, что дополняют основные единицы языка на разных уровнях (фонетические средства выразительности, лексические, синтаксические, фразеологические) определенными конструкциями и приемами, способствующими привлечению внимания читателя или слушателя, придаче

речи яркости и наибольшей выразительности, но становятся помощниками в осознанном понимании языка как культурной ценности.

В произведениях русскоязычных и казахоязычных авторов особое внимание уделяется цвету как важной семантической категории религиозного и культурологического факторов. С помощью анализа цветовой гаммы в конкретных произведениях можно проследить сходства и различия славянской и тюркской культур.

В любом виде искусства цвет – один из основных символов, особенно такие базовые цвета, как чёрный и белый. Эти цвета являются проти-

воположными, но их семантику следует рассматривать бинарно, что поможет глубже понять их значение не только в декодировании конкретных образов и персонажей, но и в понимании скрытых замыслов автора. В данном аспекте ниже будут рассмотрены роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также рассказ О. Бокеева «След молнии» как в казахском оригинальном тексте, так и в русскоязычном переводе.

В последнее время авторы активно изучают сходства различных культур, сформировавшиеся под воздействием политических, религиозных, социальных и иных факторов. В качестве объекта исследования также используют художественные тексты и способы изображения в них отдельных семиотических кодов как маркеров национальной картины мира. Особого внимания заслуживает цвет и его восприятие как персонажами произведений, так и читателями. В частности, авторы указывают на конкретные цвета, имеющие немаловажное значение в той или иной культуре.

Поставленная задача была выполнена посредством применения интерпретационного и интертекстуального видов анализа. Особое внимание уделялось художественным текстам и статьям по культурным кодам славян, тюрков и монголов.

Методологический потенциал включает сравнительно-сопоставительный подход, применение которого позволяет рассмотреть отдельные тексты с точки зрения их семантического сходства и различий. Также применены методы структурно-семиотического анализа, позволяющего вникнуть в суть специфической этнической модели миропонимания, изучить ту социокультурную реальность, на почве которой возник конкретный художественный текст.

Наибольший интерес представляет собой роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором цветовая гамма и её символика представлены весьма разнообразно. В отличие от большинства цветов, упомянутых в романе и имеющих зачастую биполярный смысл, а следовательно, неоднозначную трактовку, чёрный цвет используется автором значительно чаще, чем остальные, что не случайно. Чёрный цвет в большинстве культур является символом тьмы, хаоса, греха и разрушения.

Особенно ярко данное значение проявляется при создании автором образов «тёмных» героев, в частности Воланда. Стоит обратить внимание на следующие детали: кот Бегемот был весь чёрный, Воланд был брюнетом, Маргарита также имела чёрные волосы. Причём автор подчёркивает цвет её волос и бровей именно в тот момент, когда она использовала волшебный крем, который ей дал Азazelло, т. е. после вступления героини в контакт с тёмными силами. Говоря о Воланде, следует отметить, что чёрными были его брови и «правый глаз был чёрный», «под

мышкой нёс трость с чёрным набалдашником в виде головы пуделя»¹. Таким перед читателем предстаёт истинное зло, сконцентрированное в одном персонаже.

Остановимся на данном цвете подробнее. В практической магии имеется раздел, посвящённый составлению талисманов и пентаклей. В соответствии с каббалистической астрологией можно составить тот или иной талисман, предназначенный как для защиты от демонических сил, так и для их привлечения с целью совершения «дурных операций». Чёрный цвет является образом предстоящей беды, чаще – смерти². Так, когда Берлиоз и Воланд беседовали о планах Михаила Александровича на вечер и спорили о том, состоится ли заседание в МАССОЛИТе, в небе «бесшумно чертили чёрные птицы». Как известно, упомянутое заседание не состоялось по причине смерти председателя правления (Берлиоза)³.

Таким образом, чёрные птицы, являясь классическим славянским образом мудрости и смерти, символизировали не что иное, как скорую гибель Михаила Александровича, и автор вводит их в повествование, чтобы подготовить читателя к развязке этого эпизода и показать Воланда в качестве некой могущественной персоны, знающей о прошлом, настоящем и будущем. При этом автор использует такую стилистическую фигуру, как аллитерация – частое повторение согласного «ч» – для создания у читателя негативных ассоциаций не только на психологическом, но и на физическом уровне.

Другой пример, в котором чёрный является знаком приближающейся смерти, – чёрная вода в Москве-реке (опять же – в день трагедии)⁴. Покойный был закрыт «наглухо до подбородка чёрным платком», что также предвещало ему неприятности: голову в итоге украли. Здесь автор вводит ассонанс, повторяя звук «о». Данный приём указывает на молитвенный характер, монотонность и отчасти скуку от происходящего события (похороны).

Чёрный цвет присутствует и во внешнем облике персонажей как фон для более ярких цветов: чёрное пальто, на фоне которого ярко выделяются жёлтые цветы в руках Маргариты. Жёлтый цвет в данном романе указывает на тревожность, печаль и застой, о чём подробно будет сказано далее.

Несмотря на положительные значения жёлтого цвета как у славян, так и у представителей Востока, в данном произведении его семантическая наполненность – интеллектуальное развитие, богатство, духовное просветление – практически обнуляются за счёт обилия чёрного, подавляющего минималистичные жёлтые и золотые детали. Тюркское значение жёлтого – любовь и милосердие – поглощается окружающим его тревожным чёрным, создавая картину редкой, истинной любви, но любви токсичной, приводящей к трагедии.

Мастер встречает Маргариту, одетую в чёрное. Впоследствии Маргарита шьёт Мастеру чёрную шапочку и на ней вышивает букву «М» золотыми нитками, отсылая читателя к ассоциациям «чёрное пальто – жёлтые цветы», «любовь и просветление – мрак и безысходность». Данный образ можно рассматривать как предпосылку к дальнейшей трагедии и помешательству Мастера. Таким образом, сочетание жёлтого и чёрного в романе является предзнаменованием коренных изменений в судьбах героев без возможности благополучного финала.

В главе «Казнь» гроза описывается посредством сочетания чёрного и белого цветов следующим образом: «Дунуло ещё раз, / Солнце исчезло, не дойдя до моря, в котором тонуло ежевечерне. Поглотив его, по небу с запада поднималась грозно и неуклонно грозная туча. Края её уже вскипали белой пеной, чёрное дымное облако отсвечивало»⁵. В данном отрывке показано заходящее солнце, поглощённое грозой на западе, опуская тьму на землю раньше положенного времени (заката).

Помимо прочего, автор буквально в том же абзаце пишет: «Левый умолк, стараясь сообразить, принесёт ли гроза, которая сейчас накроет Ершалаим, какое-либо изменение в судьбе несчастного Иешуа»⁶. Налицо мотив неопределённости, страха и непонимания происходящего. Намёк на это Булгаков дал предложением ранее, употребив при описании безличную синтаксическую конструкцию: «Дунуло ещё раз»⁷.

В языке безличные формы преимущественно обозначали явления природы, не известные человеку и пугающие его, а также употреблялись во время заклятий и гаданий, т. е. тогда, когда лицо, совершающее действие, либо не нужно, либо не имеет власти, либо действие изначально не подразумевает какого-либо субъекта. По мнению А. А. Потебни, устранение субъекта происходило потому, что «при веровании в силу слова известных враждебных человеку демонических существ не следует называть», и ещё потому, что «действующее лицо при таинственных действиях представляется неизвестным»⁸.

Гроза, описанная с употреблением безличной конструкции, также упоминается и в главе «Судьба Мастера и Маргариты определена»: «Чёрная туча поднялась на западе и до половины отрезала солнце. Потом она накрыла его целиком. На террасе посвежело. Ещё через некоторое время стало темно»⁹. Здесь автор показывает, как и без того уходящее солнце было «отрезано» грозой на западе (как в Ершалаиме), и тьма накрыла Москву, как во время казни Иешуа она накрыла город, ненавидимый Пилатом.

И снова автор использует тот же приём: «посвежело», «стало темно». Происходящие события являют собой полную неизвестность, чёрную пустоту, в которой вот-вот окажутся главные герои. А основное событие главы происходит

именно после того, как гроза «отрезала солнце», наступила чернота, а за ней – ночь. И именно в эту ночь решилась судьба Мастера и Маргариты, которая ранее была такой же неопределённой, как судьба Иешуа.

Сочетания цветов в данном художественном тексте не менее важны. Рассмотрим классическое объединение и противопоставление чёрного и белого цветов.

В казахской литературе большое значение имеет колористическая символика. Многообразие цвета мы наблюдаем в фантастическом рассказе Оралхана Бокеева «След молнии». По сюжету главный герой, Киялхан, прибыл в аул, чтобы преподавать в школе. Будучи сиротой, он жил у своего дяди и сильно отличался от остальных аулчан своей мечтательностью и задумчивостью, что не было удивительным, так как Киялхан по образованию был философ. Жизнь его проходит размеренно, но втайне Киялхан мечтает о подвигах и думает о том, как сделать всех на земле счастливыми.

Далее в сюжет вступает фантастический, с религиозными оттенками, элемент – в реальности начинают появляться предметы из снов главного героя. Бокеев описывает его видение следующим образом: «Сначала был дождь красных и зелёных полос. Пролетев, они, словно цветная ширма, открыли за собою разноцветные пегие горы <...> и ещё отсутствие во всем чёрного цвета, и, главное, высокая сосна на речном берегу с разноцветными, красными и синими, раскидистыми ветвями <...> были привязаны качели из белоснежной пряжи, на качелях сидела девушка в красном платье»¹⁰.

В данном эпизоде используются разные цвета: красный, зелёный, синий, белый, и всё это – при полном отсутствии чёрного цвета. В связи с этим следует рассмотреть символику чёрного цвета в тюркской картине мира. В казахском языке чёрный – кара. У тюркских народов чёрный цвет не имеет негативной семантики: кара шаңырақ – «отчий дом», и отдельно как цвет его воспринимали не часто, в основном при обозначении стада или большого количества людей, народа. Кара казан – «чёрный казан, т.е. котёл, бывший в домашнем использовании», знак зажиточной жизни и одно из семи богатств человека, согласно традиционному сознанию тюркских народов, в частности казахов¹¹.

В рассказе чёрный цвет упоминается всего один раз: «Қара түс жоқ, жамандық, зұлымдық пен қызғаншақтық, күншілдік пен өсек-аяңсыз бейкүнә жұмақ тірлік, пейіш өмір, таңғажайып құбылыстың сүйек балқытар әсем әні толастама-са екен деп тілейсің»¹². Дословный перевод: «Да не будет ни черноты (чёрного цвета, которого вообще не было во сне героя), ни зла, ни ревности, ни зависти, будет невинный рай без сплетен, будет райская жизнь, и пусть эта прекрасная, удивительная песня не заканчивается». Преобладающее число гласных «е» и «і», оформляясь

в ассонанс, придают оригинальному тексту мягкое, мечтательное, возвышенное звучание.

Ключевое содержание чёрного цвета у тюрков выражало множественные смыслы. Так, например, выражение «кара бұқара» (чёрный народ) у казахов употреблялось не в уничижительном аспекте, а в контексте «сильного», «многочисленного» народа. В некоторых устойчивых словосочетаниях «кара» имеет ряд дополнительных значений: 1. «большой», «крупный», «обильный», 2. «Главный», «великий», «могучий», «сильный», 3. «суша, земля, материк». Такой широкий диапазон значений слова «кара» объясняется результатом контаминации разных по значению слов, получивших в ходе исторического развития одинаковую форму, чему могла способствовать и известная общность семантики¹³.

Но у Бокеева в рассказе «След молнии» нет положительной коннотации чёрного. Напротив, ему свойственно негативное окрашивание чёрного цвета как явления природы. Подобное расхождение в сознании автора объясняется тем, что он, хотя и являлся представителем казахской литературы, но рождён и вырос на Алтае, религиозные и культурные особенности которого были не только не чужды автору, но даже зачастую более близкими, чем культура казахского народа.

Так, чёрный цвет в восприятии Бокеева тесно связан с негативной окраской, близкой алтайским народам: «Душа уже плыла на плоту в одиночестве по чёрной дороге смерти кара-чол в загробный мир»¹⁴. Таким образом, отслеживается связь в негативном восприятии чёрного цвета между произведениями Бокеева и Булгакова – писателей, являющихся представителями разных культур.

Помимо прочего, антиподом чёрного является красный цвет: «дождь красных и зелёных полос»¹⁵. У тюрков и монголов красный цвет означает радость. В тюркских языках красный (кызыл) имеет множество значений, среди которых: 1) красный (буквально); 2) румяный (о человеке); 3) кызыл от «рыжая, русая» (окрас лошади) и проч. В цветовой геосимволике красный цвет как указатель юга выступает туманно и иносказательно. Другая, близкая к красному лексема «ал» известна в тюркских языках как: 1) алый; 2) красный; 3) ярко-красный; 4) розовый; 5) оранжевый – монгольское «а», которое А. Щербак считает заимствованием из тюркских языков¹⁶.

В казахской культуре красный цвет относят к Свету. Это положительный символ – солнце, огонь и кровь как признак жизни, красоты и сильных эмоций.

В данном ранее отрывке Бокеев использует сравнение («как падающие стрелы») для более яркого описания. Дождь состоит не только из красных полос, но и из зелёных: он не предвещает ничего негативного, наоборот, это дождь радости и весны. Разноцветные горы позволяют

дать позитивную трактовку видения. Красный цвет присутствует в описании ветвей сосны, растущей на берегу реки. Отметим, что в казахском языке не различаются зелёный, синий и голубой – все три цвета обозначаются словом көк: «Сәуір болса, күн күркірер, күн күркіресе, көк дүркірер» («Придет апрель, и гром загромыхает, гром загромыхает – зелень вырастает» – казахская пословица). В сочетании с красным синий цвет приобретает положительную семантику.

В дополнение к светлым образам синего и зелёного цветов автор добавляет ещё красный – девушка в красном платье (и снова – образ солнца). Во втором видении акцентируется внимание на девушке в платье: «И перед ним вспыхнуло красное, как пламя, платье той девушки из сна...»¹⁷, «И во сне снова привиделась ему девушка в красном платье»¹⁸. Отметим, что основным тропом, используемым Бокеевым при описании снов и видений Киялхана, является сравнение.

Киялхан предполагает, что эта девушка живёт в стране Мамырстан. Мамыр в переводе с казахского означает «май» – весенний месяц, богатый на краски, самый расцвет весны, а также «нежность». Соответственно, герой видит во сне добрые знаки, которые ведут его к предполагаемой священной сосне, под которой на белых скачелях сидит девушка-солнце, прибывшая из страны весны и нежности, где смерти нет, а есть свет, правда и истинная вера.

В цветовой семантике тюркских и монгольских народов, населяющих Алтай, белый цвет ассоциируется с правдой, чистотой и истиной: «На вопрос миссионера о “цвете” веры алтаец Самаш ответил: “солнце белое, месяц белый, царь белый и вера должна быть белой”»¹⁹.

Однако в финале рассказа, после попыток Киялхана отыскать след молнии, сказочный жасын (в реальной жизни всё не так, как в его видениях), перед ним предстаёт иная картина: «Бетін әлдене жыбырлатқандай болды, көзін ашып еді, көкпенбек аспанды, көгілдір көйлекті қызды көрді. Көгілдір көйлекті қыз мұның бетіндегі жабысқан топырақты жұп-жұмсақ саусақтарымен тазалап, күлімсірей қарап отыр»²⁰ – «Он проснулся, увидел высоко над собою синее-синее, прекрасное небо, а рядом с собою девушку в голубом платье. Она сидела на корточках и, лукаво улыбаясь, сковыривала у него со щеки ошметки засохшей глины»²¹. Аллитерация, созданная путём повторения согласных «б», «д», «к», «қ», придаёт тексту более приземленную окраску, возвращая читателя из мира грёз в реальность.

Между тем следует заметить частое упоминание синего цвета. Синий у тюркских народов – көк – символ верности и постоянства, интеллекта и духовной целостности. Тюркский көк – цвет неба и травы – ассоциировался с божественной субстанцией, как прародитель рода.

«Көк» имеет также несколько значений: 1) небо; 2) зелёный, синий или голубой; 3) трава, зелень; 4) серый (о масти лошади); 5) бог; 6) свободный, вольный²². Көк является постоянным эпитетом древнетюркского божества Тенгри – Көк Тенгри, т.е. Небесный Тенгри, который даровал жизнь и содействовал созданию государства тюрков и его могуществу. Он благословлял и карал. Этот могущественный бог Тенгри дожил до наших дней, и его имя стало синонимом Аллаха у тюрков-мусульман²³.

После встречи с девушкой в видениях главный герой, возвратившись в реальный мир и проведя внутреннюю черту между сном и реальностью, не отказавшись от своей цели, нашёл себе верную помощницу в лице Гулгул. Если во снах девушка была в ярко-красном платье, олицетворяя огонь, молодость и бодрость духа, то голубое платье Гулгул указывает на её принадлежность к небу, постоянству и надёжности.

В дополнение к этой идее автор указывает, что Киялхан сначала увидел синее небо, а затем – девушку в голубом, подтверждая её небесное происхождение. В итоге Гулгул стала олицетворением веры, поддержки со стороны бога Тенгри. Киялхан с радостью принимает помощь, так как для любого народа, в том числе и казахского, отказываться от помощи и дара богов – невежливо.

Таким образом, цвет как визуальный религиозно-семиотический код в рассказе «След молнии» О. Бокеева и в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» имеет двойное значение. Он трактуется как символ жизни и смерти, добра и зла, прошлого и будущего, молодости и уходящей жизни.

Особое значение приобретает сочетание цветов, усиливающее описание либо противоречащее друг другу, создавая смысловую антитезу. В рассматриваемых произведениях велика нагрузка белого цвета, на фоне которого усиливается значение остальных цветов. Наиболее ярко выделяется цветовая гамма рассказа «След молнии», где цвета необходимо рассматривать не по отдельности, а в общей картине.

В произведении М. Булгакова, написанном в 1937 г., семантика основных цветов совпадает с их значением в славянской, западноевропейской и частично восточной культурах. Такие же значения цветов отмечаются в произведениях О. Бо-

кеева, создававшего свои тексты в 1971–1987 гг. Отмечены незначительные расхождения в трактовке красного цвета. Причиной их является, прежде всего, этнокультурное различие между писателями и их произведениями. Однако нельзя не заметить, что между славянской и тюркской картинами мира в аспекте цветовосприятия тождественных элементов значительно больше.

Примечание

- 1 Булгаков М. Мастер и Маргарита. Роман. Рассказы. М.: Эксмо, 2010. С. 12.
- 2 См.: Папюс. Чёрная и белая магия : в 2 кн. Кн. 1. М.: Комаров и К, 1993. С. 107.
- 3 Булгаков М. Указ. соч. С. 21.
- 4 Там же. С. 22.
- 5 Там же. С. 191.
- 6 Там же. С. 192.
- 7 Там же. С. 191.
- 8 Потёбня А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 410.
- 9 Булгаков М. Указ. соч. С. 386.
- 10 Бокеев О. След молнии : Повести и рассказы : пер. с казах. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 242.
- 11 См.: Тохтабаева Ш. Этикетные нормы казахов. Будни и праздники : в 2 ч. Ч. 1. Алматы : iPUB, 2017. С. 22.
- 12 Бөкей О. Шығармалары : в 4 т. Т. 4. Алматы : Ел-шежіре, 2013. С. 271.
- 13 См.: Кононов А. Семантика цветообозначения в тюркских языках. М.: Наука, 1978. С. 162.
- 14 Хлопина И. Из мифологии и традиционных верований шорцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск : Наука, 1978. С. 76.
- 15 См.: Бокеев О. Указ. соч. С. 242.
- 16 См.: Таниева Ж. Символика цвета как носитель культурных кодов // Простор. 2010. № 5. С. 163.
- 17 Бокеев О. Указ. соч. С. 249.
- 18 Там же. С. 254.
- 19 См.: Государственный Архив Алтайского Края (ГААК). Ф. 164. Оп. 1. Д. 97. Л. 5.
- 20 Бөкей О. Указ. соч. С. 296.
- 21 Бокеев О. Указ. соч. С. 254.
- 22 См.: Утешева Б. Цветовая символика тюркских народов // Айт. 2001. № 2. С. 34.
- 23 См.: Таниева Ж. Указ. соч. С. 164.

Поступила в редакцию 22.01.2021, после рецензирования 28.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 22.01.2021, revised 28.01.2021, accepted 10.02.2021

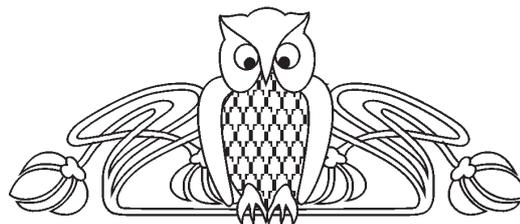
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 176–179
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 176–179

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-176-179>

Communicative risks in the dyad ‘doctor – patient’

M. I. Barsukova, T. V. Rodionova[✉]

V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Marina I. Barsukova, bars.mi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5277-8090>

Tatyana V. Rodionova, rodionova.tvsar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-2950>

Abstract. The article deals with the doctor’s communicative behavior and professional risks arising in the process of doctor – patient verbal communication. Obedience of linguistic and communicative norms proves to be the most essential factor in preventing a professionally ‘risky’ doctor – patient communication. In the process of investigation, speech tactics of doctor – patient communication, which can prevent possible professional risks, have been established.

Keywords: doctor – patient professional communication, communicative risks, speech behavior, communicative competence.

For citation: Barsukova M. I., Rodionova T. V. Communicative risks in the dyad ‘doctor – patient’. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 176–179. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-176-179>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 811.161.1’271:61

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-176-179>

Коммуникативные риски в диаде «врач – пациент»

M. I. Барсукова, Т. В. Родионова[✉]

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Барсукова Марина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, образовательных технологий и профессиональной коммуникации, bars.mi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5277-8090>

Родионова Татьяна Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, rodionova.tvsar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-2950>

Аннотация. Статья посвящена коммуникативному поведению врача и профессиональным рискам, возникающим в процессе общения врача и пациента. Доказывается, что следование языковым и коммуникативным нормам является важнейшим фактором предупреждения профессионально «рискованного» общения между врачом и пациентом. В процессе исследования были выявлены речевые тактики общения врача и пациента, способные предупредить возможные профессиональные риски.

Ключевые слова: профессиональное общение врача и пациента, коммуникативные риски, речевое поведение, коммуникативная компетентность

Для цитирования: Barsukova M. I., Rodionova T. V. Communicative risks in the dyad ‘doctor – patient’ [Барсукова М. И., Родионова Т. В. Коммуникативные риски в диаде «врач – пациент»] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 176–179. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-176-179>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Institutional interaction between participants of the medical discourse is a necessary condition for proving an efficient medical aid [1]. The level of contemporary higher professional medical education, provision of the population with remedies and medical goods, technical equipment and facilities of in- and out-patient medical institutions, installation and application of new methods and technical devices for diagnosing and treatment of diseases are com-

pulsory conditions for rendering a qualitative medical aid [2]. However, it is absolutely obvious that communicative competence of a doctor and his/her adequate speech behavior are also quite significant factors for achievement of professional success [3, 4]. The existing health care system is characterized by quite a high degree of professional risks which are caused not only by peculiarities of the sphere of medical service and growth of commercial medi-

cine, but also by specific features of doctor – patient verbal communication [5].

The investigation has been aimed to study speech behavior of doctors from the viewpoint of obedience or disobedience of the generally accepted linguistic norms. The conducted research has been based on materials obtained from dictaphonic and hand-written records of speech of doctors of different specialties with patients of out-patient hospital departments of the city of Saratov. The total volume of the decoded records is 32 hours.

It is known that a high linguistic level of a doctor's personality greatly contributes to the patient's recovery because well-developed communicative skills of a medical specialist form life-affirmative precepts in the patient [6]. Addressing the doctor for medical consultation is often accompanied by the patient's upreadiness to speak about his sensations and to demonstrate his feelings, as well as by fear of uncertainty, anxiety and pain. The correctly initiated dialogue with the patient, an optimally chosen combination of tactics of acquaintance, contact establishment and maintenance of good-natured relations greatly contribute to doctor – patient successful communication [7]. Quite often, from the first seconds of communication, the doctor clearly understands that it is, in fact, impossible to initiate a productive conversation with the patient, and that it is necessary to direct his personal speech efforts onto formation of the patient's readiness to carry on a constructive (and sometimes rather uneasy) dialogue. That is why it is of utmost importance for the doctor to convince the patient that the planned medical procedure is painless and effective.

In such situations the doctor is obliged to undertake additional communicative efforts in order to establish a contact with the patient and to create in him a positive attitude to the curative process: *давайте помогу, не переживайте/ мы обязательно сможем Вам помочь, больно не будет/ не бойтесь, аккуратно сейчас всё сделаем/ не волнуйтесь/ садитесь поудобнее// Салфеточку держите*. The "you"-form of addressing to the patient accompanied by non-verbal speech tactics, and essential and appropriate gesticulation serve the purpose of a correct initiation of the doctor-patient dialogue.

The materials of the study have demonstrated that doctors of different specialties regularly [8] use the tactics of the patient's thought formation: *нужно обязательно лечиться/ лечиться нужно постоянно/ желательно лечиться только у специалиста/ которому Вы доверяете/ который знает о Ваших проблемах*. Rendering the maximally required medical aid to the patient for his maintaining a full-fledged life quality (and this is a manifestation of communicative success) may, in fact, be achieved by applying this speech behavior tactics in both diagnosing and recommending strategies. Doctors may be supposed to choose this tactics for applying it in this or that strategy, depending on their specialty. For example, it has been registered that doctors-traumatologists use

this communicative tactics only for realization of diagnosing strategy, and doctors-stomatologists – only for realization of treating strategy. Physicians of other specialties (general practitioners, gynecologists, manual therapists, otorhinolaryngologists) have been noted to use the tactics of the patient's thought formation for realization of both diagnosing and recommending strategies. Application of this tactics for realization of treating strategy in speech of doctors of different specialties has not been registered in the materials of our research.

The use of the tactics of explanation in the process of communication between a doctor and a patient has proved to be quite effective. The patient wants to know (and it is really important for him) what the doctor is planning to do, and how he is going to do it. The awareness of the procedure to be performed helps the patient to get rid of his fear of uncertainty. It should be pointed out that a similar tactics is also used by professionals engaged in the sphere of service (masters of manicure and pedicure, hairdressers, visagists and massagists), where interactions in the regimen "man – man" are aimed at "moving to the best result" with the maximum comfort. This tactics may be realized in different ways. The materials of our study demonstrate that application of the explaining tactics and its realization in the "we-joint" form prove to be efficient not only in creation of a good-natured atmosphere of a doctor – patient cooperation, but also in minimizing and prevention of possible risks in professional communication (Doctor: *Сюда поближе// Не бойтесь/ мы только немножко пройдемся зеркальцем/ и посмотрим на общее состояние// Вот такой щёткой почистим// Если не очистится/ то более абразивной//*).

It should be noted that application of explaining tactics in certain situations is characterized by combination with convincing tactics which, as a rule, is realized by means of phrases wit modality of obligation: *к своему здоровью надо относиться серьёзно, но прежде всего вы должны помочь сами себе*. The doctor's desire that the patient should strictly follow the prescribed recommendations, and formation of the patient's awareness of the fact that the administered medication is really of great importance, are realized in the tactics of convincing and, more rarely, in the tactics of threatening. Although the doctor uses "we-communication" form in the meaning of "we-joint" form, he lays the responsibility on the patient and in such a manner obtains the patient's approval for mutual cooperation and provides the patient's guaranteed obedience to follow the required administrations: *мы сделаем для Вас всё/ что в наших силах/ но без вас нам не справиться//*. Since only the entire complex of tactic steps will make it possible for the doctor to count on full and exact patient's obedience to accomplish the prescribed medical procedures for achievement of good therapeutic results, the doctor may disapprove half-measures and insist on complete fulfillment of his recommendations by the patient.

These communicative tactics may not be realized in a strictly pronounced manner: *Можно покапать трехпроцентную перекись// а то пойдёте купаться/ можно глухой из душа выйти//*. To our opinion, the ways of realization of these tactics greatly depend not only upon peculiarities of the doctor's speech manner and his linguistic preferences, but also upon the patient's physiological, psychological, emotional and social characteristics which should by all means be regarded by the doctor with the purpose of excluding probable risks of his communicative behavior. A friendly tone and a particularly delicate character of conversation, an appropriate use of the spectrum of euphemistic means – are the key to successful communication [9]. A timely spoken joke, which is capable not only to reduce tension but also to create long-term good-natured relations, serves the same purpose. Such forms of speech behavior, when after completing diagnosing and recommending strategies the doctor finishes the conversation with a phrase which evokes a smile on the patient's face, have been registered in the materials of our investigation:

Doctor: *А на работе высота есть?//*

Patient: *Да нет// Второй этаж/ не высота/ я думаю//*

Doctor: *Ну вот// А говорите высоты боитесь//* (the doctor and the patient are both smiling; the doctor fills in the medical card and gives it to the patient).

Finishing the earlier started dialogue in such a way leaves the patient assured in a positive result of his visit to the doctor and makes it possible for the patient to experience a psychological comfort. An appropriately spoken compliment serves the same purpose:

Doctor: *здесь/* (he carefully examines the oral cavity supporting the cheek with his hand and the instrument) *так/ угу/ так/ очень красивый зубик получился/ красавчик просто//*.

It is worth mentioning that a compliment in combination with the “we-joint” form (*Давайте посмотрим/ что у нас*), discursives (*угу, так*) and a number of extralinguistic and non-verbal means significantly contribute to minimizing of tension in the process of doctor – patient communication, and to creation of the patient's assurance in the properly carried out treatment.

And on the contrary, the doctor's unpreparedness to create a favourable atmosphere of the conversation and his unwillingness to assure the patient in the appropriately chosen therapeutic tactics result not only in the occurrence of professional communicative risks but may even lead to a conflict situation.

Let us analyze a fragment of the dialogue between a doctor-stomatologist and a patient, which has been carried on during the primary dental examination. The doctor is a woman of 35 years old; the patient, a girl aged 22, has come to consult the dentist with the complaint of a broken tooth.

Doctor: (after examination of the oral cavity, she is silently choosing instruments)

Patient: *Что с зубом?// Что Вы собираетесь делать?//*

Doctor: *Я не знаю/ что я буду делать// Сейчас вскроем/ посмотрим//*

Patient: *Сколько времени это займет?// Я работаю и учусь ещё//*

Doctor: *Будешь ходить ко мне столько/ сколько потребуется// За один день мы здесь не управимся//* (she is silently working with the broken tooth for some period of time, then she moves away from the patient) *Я не могу попасть в канал/ вставай/ пойдём на консультацию к хирургу//*

Patient: *Отдайте мне мои снимки/ я пойду к другому врачу//* (she tries to stand up from the dental chair).

Doctor: *Сядьте/ я вам хоть временную пломбу поставлю//*

Patient: *Я к Вам в кресло больше не сяду//* (she stands up).

This dialogue clearly demonstrates the doctor's authoritarian manner of conversing with the patient, her obvious unwillingness (or, perhaps, incapability?) of creating an atmosphere of trust and productive communication. The lack of explaining tactics (the doctor explained neither the clinical picture of the case nor the necessary manipulations to be performed) and mixture of “you-singular” and “you-plural or polite” forms (*будешь ходить* – singular, *сядьте* – plural or polite) intensify the patient's negative reaction and, as a consequence, lead to a conflict situation. The outcome of the conflict has been left “outside the scene” but it is not difficult to prognose its possible variants. The patient's impression of her visit to the dentist is as follows: “She [the doctor] explained nothing to me at all! She did not tell me what she was planning to do. In the [medical] college we were taught to talk with the patient and to explain to him all required medical procedures and their purposes!” The doctor's instruction given in a categorical form, and the rude order expressed in a sentence, which is imperative by purpose and exclamatory by intonation (the semantic core of which is an imperative form of the verb) greatly contribute to creation of an additional communicative risk.

Many physicians, in accordance to their speech habits, rather actively use the words with a diminutive meaning and neglect the timeliness of their usage. Such stylistic “preference” may not, probably, create serious communicative risks, but it may, in fact, cause the doctor's failure to achieve the desired purpose. For instance, the use of the suffix *-очк-* in the words *щёточка, салфеточка* (see the above given examples) is justified; the semantic load of these words is correlated with the general intention of the doctor's rejoinder. But if the doctor addressing an adult well-built man, says: «*Спиночкой ко мне*», the patient will rather think that the doctor (although he tries to be polite and nice in the process of communication), in fact, appears to be polite just formally and incapable to find an individual and most appropriate style of carrying on a conversation with the patient [10].

Following the ethical rules and normatives of communication represents the index of a high level of communicative competence. Any disobedience or violation of these norms inevitably results in the occurrence of professional communicative risks [11], and surmounting of their consequences will make the doctor to spend additionally much more of his speech efforts. The use of tactics of explanation, convincing and the patient's thought formation will help the doctor to minimize the risks of professional doctor – patient communication. Euphemisms (*сейчас мы об этом пока говорить не будем, и потом/ когда мы увидим все в динамике/ мы вернемся к этому вопросу, Вы напрасно переживаете за эти показатели*), periphrases (*я не думаю/ что вы на ночь много всего съедаете, в темное время суток*), litotes (*не в полном порядке, не много раз*), existing in the speech arsenal of a doctor of high communicative culture, are good means of realization of these tactics.

Communicative risks may also occur due to objective extralinguistic factors, such as an indistinct pronunciation of the doctor, the tempo or volume of his speech which may not correspond to the situation or to the patient's peculiar features. And on the contrary, the careful consideration of the patient's physiological, psychological and emotional condition from the extralinguistic viewpoint, as well as slow and distinct pronunciation and uttering of the words especially important or difficult for the patient's understanding (*Ту-ре-о-и-дум/ Вам ставили такой диагноз?*) demonstrate the doctor's respect to the patient and serve as a means of maintaining harmonic doctor – patient communication.

So, it may be concluded that professional communicative risks appear to be associated with and conditioned by specificity of doctor – patient verbal communication, and that they may occur due to various factors. These risks may be surmounted and prevented by means of mastering communicative competence and culture of medical specialists, and their capability to solve current communicative tasks with the help of linguistic means.

References

- 1 Rodionova T. V., Privalova I. V. Associative experiment as one of the methods of investigation of linguistic consciousness of medical workers. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2015, vol. 15, iss. 2, pp. 13–17 (in Russian).
- 2 Rodionova T. V., Privalova I. V. Peculiarities of medical discourse in professional and non-professional settings. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 39–43. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-39-43>
- 3 Kochetkova T. V., Barsukova M. I., Rempel E. A., Ramazanova A. Ya. Medical discourse: Specifics of professional communication of a doctor. *Mir kultury, nauki i obrazovaniya* [The World of Culture, Science, and Education], 2018, no. 3, pp. 466–468 (in Russian).
- 4 Barsukova M. I., Rodionova T. V., Sheshneva I. V. Contemporary medical and pedagogical discourse. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 228–233. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-228-233>
- 5 Sirotinina O. B. *Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [The Russian Language: The System, Usus and the Risks Caused by Them]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2013. 116 p. (in Russian).
- 6 Kormilitsyna M. A. Types of communicative risks. In: *Riskogennost' sovremennoy kommunikatsii i rol' kommunikativnoy kompetentnosti v yeyo preodolenii*. Pod red. O. B. Sirotininoy, M. A. Kormilitsynoy [O. B. Sirotinina, M. A. Kormilitsyna, eds. Riskogenity of Modern Communication and the Role of Communicative Competence in Its Surmounting]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2016, pp. 9–12 (in Russian).
- 7 Vinogradova E. V. Empathy as communicative competence of a doctor. *Meditinskiiy diskurs. Voprosy teorii i praktiki* [Medical Discourse. Questions of Theory and Practice. Materials of the 6th All-Russian Scientific, Practical and Educational Conference with International Participation]. Tver, Izdatel'stvo Tverskoi gosudarstvennoi meditsinskoi akademii, 2018, pp. 13–20 (in Russian).
- 8 Barsukova M. I., Kloktunova N. A., Romanovskaya A. V., Slesarev S. V., Sheveleva D. I. Communicative training of future physicians (Based on the material of speech behavior of obstetricians and gynecologists). *Mir kultury, nauki i obrazovaniya* [The World of Culture, Science, and Education], 2020, no. 4, pp. 113–115 (in Russian).
- 9 Rodionova T. V., Privalova I. V. Professional determinance of linguistic consciousness of medical workers. *Zhizn' yazyka v kulture i sotsiume-5* [Life of the language in culture and socium-5. Materials of the international scientific conference]. Moscow, Kantsler Publ., 2015, pp. 76–77 (in Russian).
- 10 Kloktunova N. A., Barsukova M. I., Ramazanova A. Ya., Grigina E. R., Maksakova M. A., Kuz'min A. N. A set of speech-behavioral tactics' of a doctor-pediatrician (Based on the material of diagnostic strategy). *Vysshee obrazovaniye segodnya* [Higher Education Today], 2020, no. 4, pp. 42–47 (in Russian).
- 11 Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. Causes of communicative risks. In: *Riskogennost' sovremennoy kommunikatsii i rol' kommunikativnoy kompetentnosti v yeyo preodolenii*. Pod red. O. B. Sirotininoy, M. A. Kormilitsynoy [O. B. Sirotinina, M. A. Kormilitsyna, eds. Riskogenity of Modern Communication and the Role of Communicative Competence in its Surmounting]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2016, pp. 12–18 (in Russian).

Поступила в редакцию 18.12.2020, после рецензирования 19.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 18.12.2020, revised 19.01.2021, accepted 10.02.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 180–185
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 180–185

Научная статья
УДК 82.0
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-180-185>

Об авторских стратегиях в литературе

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. Словосочетание «авторские стратегии в литературе» при относительно частом его употреблении не получило пока развёрнутого определения в специальных литературоведческих энциклопедиях и справочниках. Частично восполняя этот пробел, я пробую ответить на вопросы: каков смысл понятия «авторские стратегии» в литературной науке, как обнаруживаются авторские стратегии в литературном деле, каковы роль и место читателя в авторских стратегиях и как обнаруживаются авторские стратегии в текстовой реальности.
Ключевые слова: автор, стратегия, авторская стратегия в литературе, читатель-адресат

Для цитирования: Прозоров В. В. Об авторских стратегиях в литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 180–185. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-180-185>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-180-185>

On author's strategies in literature

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valeriy V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

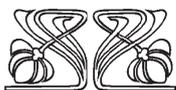
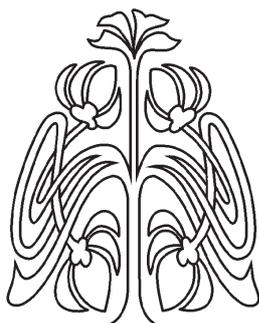
Abstract. Though the term 'author's strategies in literature' is being widely used, its extended definition has not been coined in literary theory encyclopedias and reference books yet. In an effort to partially fill in this gap, I would like to make an attempt to answer the following questions: What is the meaning of the notion 'author's strategies' in literary studies? How do author's strategies manifest themselves in the literary process? What is the role of the reader in author's strategies? How do author's strategies function in the text?

Keywords: author, strategy, author's strategy in literature, reader-addressee

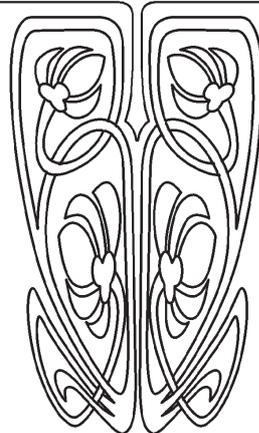
For citation: Prozorov V. V. On author's strategies in literature. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 180–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-180-185>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Тема настоящей статьи родилась из практических забот. Осмысление феномена авторских стратегий в литературе – масштабно раз-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

рабатываемая гуманитарная проблема, которая не нашла пока развёрнутого аналитического освещения в специальных литературоведческих энциклопедиях и справочниках. Этой общей проблемой заботой объединён и один из традиционных многочисленных по своему составу семинаров Института филологии и журналистики СГУ¹.

Учась, мы постоянно пользуемся плодами чужих трудов, обращаемся к авторитетным учебным и учёным текстам. Семинары дают студентам уникальную и вольную возможность приобщиться к самостоятельной научно-творческой работе. Здесь каждый проверяет себя на готовность не только усваивать уже сформировавшиеся знания и представления, но и в непрерывном диалоге с педагогами развивать в себе исследовательские умения и соответствующие практические навыки.

Участников нашего семинара живо интересуют многие аспекты обозначенной выше общей темы. Мне не раз доводилось писать о проблеме автора в литературоведении, но понятия «авторские стратегии» применительно к словесности я не касался. Эта публикация частично восполнит этот пробел.

Каков смысл понятия «авторские стратегии» в литературной науке

Начнем с составляющих этого словосочетания. **Автор** – одна из наиболее ключевых литературоведческих категорий. Начинающих филологов, по моим наблюдениям, смущает многоплановость вполне очевидного для них понятия. Литературная наука традиционно рассматривает автора, **во-первых**, как реально-биографическое лицо (Поэт России А. С. Пушкин: 1799–1837), **во-вторых**, как субъекта творческого процесса, литературного дела (А. С. Пушкин в работе над «Евгением Онегиным»; А. С. Пушкин – создатель романа в стихах) и, **в-третьих**, в его внутритекстовом воплощении (Автор в тексте романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Кто б ни был ты, о мой читатель, // Друг, недруг, я хочу с тобой // Расстаться нынче как приятель. // Прости»). Внутренняя неслиянность и вместе нераздельность смысловых различий понятия «автор» в литературной науке очевидны².

Конечно же, автор (от лат. *au(c)tor*) прежде всего – сочинитель, создатель литературно-художественного произведения, субъект поэтического высказывания. Таково центральное значение этого понятия. Именно это значение предопределяет и объединяет два других, выше отмеченных, – первое и третье, даёт им право на существование. Синонимический ряд к слову «автор» включает такие широко употребляемые понятия, как «писатель», «литератор», «поэт», «стихотворец», «прозаик», «драматург», «беллетрист», «мастер слова», «художник слова», «правообладатель литературного (любого художественного

или научного) текста» и др. В университетском спецсеминаре мы учимся быть (становиться) авторами самостоятельных литературоведческих текстов.

Самым впечатляющим антонимом к слову «автор» выступает «плагиатор» – ложный или мнимый автор, тот, кто умышленно выдаёт чужое сочинение за своё собственное. Плагиатор – литературный мошенник, присваивающий не принадлежащие ему тексты или фрагменты из них. Попутно заметим, что включение в свой текст заимствованного из бесконечного пространства Интернета чужого текста или отрывков из него без кавычек и без прямого указания на подлинное авторство или источник заимствования, вне сомнений, относится к разряду литературного воровства. Это к слову.

Стратегия (от др.-гр. *στρατηγία*) в первоначальном смысле – искусство полководца, искусство ведения сражений, военных действий, искусство сокрушения неприятеля. В широко распространенном значении – это искусство руководства какой-либо сферой жизни в целях преодоления нежелательных в этой сфере явлений и поэтапного достижения в ней искомым, чаемых результатов. Стратегия имеет в виду продуманный, гибкий план массированных действий. Стратегия предполагает долгосрочную мотивацию труда, общую схему-навигацию («дорожную карту») продвижения к намеченной цели, последовательную и успешную реализацию своего предназначения в определенной сфере жизнедеятельности.

Смысловой диапазон этого понятия велик. Оно охотно используется не только в военном деле, но и в бизнесе, политике, образовании, культуре, науке. Стратегия – частотное понятие в устах топ-менеджеров, финансистов, политиков, политологов, психологов, социологов, историков, педагогов, лингвистов.

Применительно к художественной словесности словосочетание «авторские стратегии» не столь частотно, хотя и весьма существенно³. Это «идеальный план», понятие о «программе для себя», о «сознательной жизненной установке» автора, о его отношении к собственному созданию как к «борьбе замысла и исполнения, логического и нелогического»⁴. Авторская стратегия включает в себя представления о **субъекте** литературной деятельности и о **процессе** литературной работы в широком общественно-культурном смысле и в конкретном индивидуально-авторском осуществлении⁵. Искусство слова, как и всякое искусство, – хрупкий, иллюзорный мир недоказуемого, но в высшей степени убедительно предьявляемого автором, и использование здесь терминов, невозмутимо перекочевавших из иных отраслей знания, требует повышенной осторожности и гибкости применения. Сразу же уговоримся: авторская стратегия в настоящей, большой и честной литературе трудно вырази-

Но сложность задачи не отменяет необходимости её решений.

Авторская стратегия как литературоведческое понятие имеет в виду непосредственную погруженность литератора в социально-художественную жизнь своего времени, практическую реализацию намечаемых мастером литературных замыслов и планов⁶. В более конкретном воплощении авторская стратегия способна проявляться в нечаянном и вольном преодолении естественного сопротивления словесного материала в самом процессе работы. Она ощутима в неожиданном и покоряющем художника своей целесообразностью преломлении мыслеобраза в словесной ткани. Иначе говоря, исследуя авторскую стратегию, мы приближаемся к пониманию природы писательского целеполагания и словесно-образного осуществления художественного замысла⁷.

Как обнаруживают себя авторские стратегии в литературе

Сразу же заметим, что авторские стратегии способны арочным способом, вольно образованной радугой-дугой объединить столь желанные для литературоведа **общий** (социально-культурный) и **крупный** (структура текста) **планы исследования** своего предмета. В этом едва ли не самое главное назначение интересующего нас понятия. «Авторская стратегия» вполне корректно позволяет соотносить один-единственный, обстоятельно рассматриваемый под филологическим микроскопом текст (или текстовой цикл, пласт) и большой историко-биографический контекст, аккуратно соизмерять теоретическую поэтику и литературоведческую социологию, отдельно взятые литературные факты в живом течении общественно-литературных будней. Понятие это воссоединяет реальность художественную, создаваемую автором, и бытийную в их одновременной отчётливой сближенности и принципиальной дистанцированности. Как писал в книге о Пушкине Ю. М. Лотман, «бытие превращается в творчество, а человек получает от жизни радость художника»⁸.

В общем плане понятие «авторские стратегии» касается знаковых самопроявлений (позиции, статуса, поведения, производной от них репутации) писателя, сосредоточения в том числе и на проблеме «личной ответственности за то, чтобы писать так, как автор считает нужным, а не так, как от него ждуть»⁹. Источником при этом служат разного рода эгодокументы литератора (его письма, записные книжки, дневники, заметки на полях прочитанных книг, мемуары), его публицистические и литературно-критические высказывания. Сегодня – и его персональные блоги. Автора влечёт к себе теоретико-литературная рефлексия, размышления о природе и на-

значении словесно-художественного искусства, о тайнах писательского ремесла. Большую роль в составе источников играют оценки, принадлежащие современникам автора, и заслуживающие доверия воспоминания о нём. Понятие «авторские стратегии» особенно уместно, когда мы обращаемся к дошедшим до нас фактам биографии писателя в контексте конкретно-исторической эпохи. По-разному складывается напряжённый диалог писателя с собратьями по перу, с литературными критиками, с редакциями журналов и газет, с книгоиздателями и книготорговцами, с властью и цензурой, с читающей публикой, включая в наше время и бескрайний море-океан пользователей Сети.

Понятие «авторские стратегии» одновременно позволяет литературоведу сфокусировать внимание **и на крупном плане** исследования, на произведении словесного искусства, прежде всего, с точки зрения его концепции, структуры, «внутреннего мира», «внутреннего состава», интенциональной (от лат. *intentio* – намерение) предрасположенности к вероятному читательскому восприятию.

На авторские стратегии заметное влияние оказывает индивидуальная читательская память автора. Писатель творит как бы в живом присутствии тех, кто был задолго до него и сочинял свои тексты на самых разных языках народов мира. Многочисленные литературные аллюзии, реминисценции, цитаты, разнообразие межтекстовые взаимодействия, объединяемые в науке понятием «интертекстуальность», чаще всего имеют непосредственное отношение к авторским стратегиям художника слова.

Самое тонкое различие (сопряжение), которое помогает нам в уяснении проблемы авторской интенции (а стало быть, и всеобъемлющей авторской стратегии), проходит на границе преднамеренного (рассудочного, рационального) и непреднамеренного (бессознательного, интуитивного) начала в творческом процессе и определяется авторским ощущением внутренней необходимости в данном словесно-художественном высказывании. В самом тексте непроизвольно осуществляется и предьявляется до востребования авторский творческий порыв, «голос таинственной лиры» (А. А. Ахматова). Голос этот звучит в вольном и многоголосом социально-культурном контексте. Контекст этот В. Е. Хализев предлагал именовать «стимулирующим» и, подытоживая размышления на эту тему, заключал: «Преднамеренное и непреднамеренное – это, на наш взгляд, в равной мере необходимые стороны художнической субъективности. И они в большей мере взаимодополняющи и дружелюбны, нежели полярны и враждебны одно другому»¹⁰.

Сразу же отметим, что в семантический арал авторских стратегий входит наше понимание того, что мы называем интерактивной, диало-

гической природой литературного труда. Здесь уместно подробнее остановиться на собирательной фигуре ещё одного участника представлений об авторских стратегиях в литературе. Речь идёт о читателе.

Каковы роль и место читателя в авторских стратегиях

Ответ может оказаться подозрительно простым: роль ведущая, место едва ли не центральное. Но сомнения возможны лишь на первый взгляд. Читатель – ключ к пониманию самой природы литературного дела, его назначения и функционирования. К примеру, авторские стратегии литературного авангарда начала XX в. предполагают «выбор читательского поля, наиболее подходящего для их функционирования, способа артикуляции своего имиджа, манеры поведения»¹¹. Литературоведение XX–XXI вв. пристально вглядывается в фигуру читателя с точки зрения его конкретно-исторических проявлений в социально-культурной жизни, разнообразия исповедуемых им этических и эстетических ценностей, несомненного и по-своему властного влияния на писательское творчество¹².

Литературную науку живо интересуют авторские размышления о вероятном адресате писательского труда. Эти размышления-признания во многом помогают понять своеобразие авторских стратегий в литературе. Мы пробуем системно осмыслить прямые и косвенные, заключенные как в эгодокументах, так и в самом художественном тексте обращения к читателю благосклонному, готовому чутко внимать автору, одной, как говорится, с ним крови, или, напротив, к читателю слабо подготовленному, надменному, безразличному, самодовольному.

В. Г. Белинский в цикле статей о Пушкине предлагает интересный и перспективный взгляд на соотношение читательских «разновидностей» с точки зрения их несомненного влияния на процесс развития искусства слова, на самочувствие и самообладание волей-неволей внимающих им авторов. Критик различает два постоянно действующих полюса заинтересованных читателей, вполне осознанно склоняющихся к архаике («дети известной доктрины») и, напротив, жаждущих новизны («люди движения»). Им во все времена сопутствуют обширные по численности и, как правило, лишённые какой бы то ни было самостоятельности суждений читатели-«староверы» и читатели-«верхогляды»¹³. Особенно поучительны размышления Белинского о читателях применительно к нынешним пользователям Сети. Читательская всеядность вызывает в писателе грустные переживания и предчувствия. А. П. Чехов в 1886 г. усмехается: «Мне делается неловко за публику, которая ухаживает за литературными болонками только потому, что

не умеет замечать слонов, и я глубоко верую, что меня ни одна собака знать не будет, когда я стану работать серьёзно...»¹⁴.

В цикле очерков «Мелочи жизни» М. Е. Салтыков-Щедрин разворачивает перед нами целую панораму читательских типов, сопутствующих жизни и труду писателя. Здесь и читатели-ненавистники, злобно брюзжащие по поводу честных и высоких идеалов писателя, рядом с ними солидные читатели, надменные и нравственно не развитые. Огромную массу во все времена составляют читатели-простецы, наивные, падкие на «передержки, подтасовки», скандалы, на бесцветное шутовство. Читатели-простецы легко становятся жертвами лихих литературных проходимцев. Слабо слышен лишь голос читателя-друга, способного чутко «прислушиваться к трепетаниям человеческой мысли» и «свободно выражать свою восприимчивость»¹⁵. Тем не менее, самое тяжкое для писателя состояние – ощущение одиночества, отсутствие обратной связи с читателем. Как писал А. П. Чехов своему брату Александру: «Одиночество в творчестве тяжёлая штука. Лучше плохая критика, чем ничего...»¹⁶.

Большой материал для доказательных суждений об авторских стратегиях заключают описываемые в художественных произведениях читательские (книжные) интересы и пристрастия литературных героев. Степень близости героев к автору или отдалённости от него нередко характеризует их кругом чтения, их отношением к прочитанному, их эстетическими (разного достоинства) приговорами и откровениями. Специальное внимание в филологии обращается и на так называемую читательскую направленность словесно-художественного текста.

По большому счету авторская стратегия прямо или косвенно предполагает взаимозависимость писателя и читателя. В масштабах авторской стратегии вероятный читатель, «поэта неведомый друг» (А. А. Ахматова), внутренний «собеседник» (О. Э. Мандельштам), выступает в роли адресата творчества и чуть ли не соучастника словесно-творческого созидания. Как пронизательно заметил Гоголь, «слог у писателя образуется тогда, когда он знает хорошо того, кому пишет»¹⁷. Сам Гоголь, горестно скорбя по поводу известия о кончине Пушкина, признавался в 1837 г.: «Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеётся, чему изречёт неразрушимое и вечное одобрение своё, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы»¹⁸. По-своему той же тонкой материи влияния адресата на писательский труд касался А. Н. Толстой: «Из своего писательского опыта я знаю, что напряжение и качество той вещи, какую пишу, зависит от моего первоначально заданного представления о читателе. Читатель, как некое общее существо, постигаемое моим воображением, опытом и зна-

нием, возникает одновременно с темой моего произведения»¹⁹. Самонаблюдений такого рода много.

Всякое высказывание кому-то адресовано. И роль адресата в самой структуре (фактуре, текстуре) высказывания трудно преувеличить. Мы по собственному опыту знаем, что на любое письмо (все равно – на бумажных или на электронных носителях) существенным образом влияет наше представление об адресате, о вероятном или вполне конкретном получателе этого письма. До некоторой степени он водит моей рукой, предопределяя содержание и слог моего письма.

Как авторские стратегии проявляются в текстовой реальности

В любом тексте запечатлены следы его намеренного или невольного авторского **предъявления** миру. Первосоздатель интерактивного потенциала текста, его предъявления миру – сам автор. Но круг предъявителей на самом деле может оказаться необычайно широким в пространстве и во времени (С. Я. Маршак: «Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром // Не сразу он из ряда вышел вон. // Прошли века, пока он целым миром // Был в звание Шекспира возведён»). В этот круг входят и все авторитетные истолкователи текста, его яркие сценические интерпретаторы, умелые переводчики на языки других искусств, на другие национальные языки и т.д. Но нельзя забывать, что виновник всех последующих толкований – исходный авторский текст. Он носит в себе эмоционально-интеллектуальные **предрасположенности** к широчайшему вееру пониманий. Говоря об авторской стратегии в её внутритекстовом воплощении, мы имеем в виду изначально загаданный внутренний читательский потенциал текста, его автором определённую обращённость к предполагаемой аудитории.

В текстовой реальности авторские стратегии обретают зримые контуры при нашем пристальном внимании к универсальной психолого-филологической триаде внимания – соучастия – открытия, вполне осознанно и/или невольно запечатлеваемой сочинителем в самом тексте. Первую ступень постижения художественного текста мы с полным правом определяем как **внимание**. Внимание обусловлено органичным (часто подсознательным) стремлением автора вписать данный, в счастливых душевных муках рождающийся текст в естественное течение жизни идеального читателя. Внутренние возможности и «правила» художественного текста сложно соотносятся с вероятными эстетическими притязаниями читателя. Факторы, способствующие сосредоточению ситуативного читательского внимания в самой структуре текста, разнообразны. Это и весь заголовочный комплекс, пред-

словия, прологи, предуведомления, находящиеся почти всегда в сильной позиции первые строфы и строки, система слов и словосочетаний – сигналов к повышенной читательской зоркости («но однажды», «вдруг», «внезапно», «но тут как раз», «однако» и многие другие). Дело не в перечислении всех примет непринуждённой авторской установки на внимание адресата, а в принципиальном согласии с тем, что в самом тексте заключены свои невольные или вольные способы (приёмы) организации читательского внимания, свои правила «включения в игру» с предполагаемым адресатом.

Овладевая вниманием адресата, текст возбуждает активное читательское **соучастие**, исподволь вызывая прямые и косвенные сближения, сопоставления, ассоциации с собственным жизненным опытом воспринимающего. Сфера соучастия проявляется на всём поле сюжета со всем богатством его переплетающихся и образующих сюжетное целое **мотивов**. Речь идёт о многофункциональном и бесконечно вариативном разнообразии ключевых, метафорически явленных внутритекстовых композиционно-речевых форм, освещённых авторской волей (замыслом, интенцией). Именно уровень соучастия даёт нам неоглядный простор для благодарных и своеобразных субъективных переживаний, осмыслений, интерпретаций текста.

Если перед нами действительно большой художник, он нехоженными путями поведёт читателя к неизведанным глубинам понимания жизни. **Открытие** – высший уровень восприятия, наблюдаемый в текстах классического литературного репертуара. Уровень потрясающего душу открытия, внезапного озарения, озорного откровения, как он обнаруживает себя в финале текста, связан с заветными, «невыразимыми» смысловыми глубинами авторской стратегии. «Воздух стиха есть **неожиданное**» (О. Э. Мандельштам).

Сфера открытия приобщает адресата к тайнам бытия, выстрадаанным автором и как бы самостоятельно переживаемым в процессе читательского восприятия. И снова метафорически точное откровение О. Э. Мандельштама: «Поэт не только музыкант, он же и Страдивариус, великий мастер по фабрикации скрипок, озабоченный вычислением пропорций “коробки” – психики слушателей»²⁰. Умелое различение в художественном тексте заключённых в нём и адресованных вероятному читателю испытаний на внимание, соучастие и открытие создаёт предпосылки к пониманию авторских стратегий.

Итак, понятие «авторские стратегии в литературе» означает вполне сознательно и в то же время нечаянно и на ощупь выстраиваемую литератором линию этического и эстетического поведения. Исследуя авторские стратегии, мы всякий раз имеем в виду и отношения писателя к широкому кругу жизненных реалий, к читающей

публике, к читателю-другу, и предусмотренную автором читательскую направленность словесно-художественного текста, его внутреннюю ориентацию на определённый диапазон читательского восприятия.

Примечания

- ¹ Руководитель семинара «Авторские стратегии в литературе и журналистике» – профессор В. В. Прозоров, соруководители и научные консультанты – доктор филологических наук К. М. Захаров, кандидаты филологических наук С. В. Артёменко, А. Н. Болкунов, Т. А. Волоконская, О. Н. Дегтярёва.
- ² См.: Теоретическая поэтика : Понятия и определения : хрестоматия для студентов / авт.-сост. Н. Д. Тмарченко. М. : РГГУ, 2001. С. 67–77.
- ³ См.: *Акимова Т.* «Галантный диалог» в системе авторских стратегий Екатерины II (на материале литературного творчества 1750–1790 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2014. С. 5–12, 17–31.
- ⁴ Письмо Ю. М. Лотмана Б. Ф. Егорову // Лотман Ю. Пушкин. СПб. : Искусство-СПБ, 1995. С. 389.
- ⁵ См.: *Лазарева Т.* Литературные стратегии современных писателей (В. Строгальщиков, М. Немиров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. С. 4.
- ⁶ См.: *Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2000.
- ⁷ См.: *Кучерская М.* Литературная стратегия Лескова : случай «Леди Макбет» // Русская литература. 2017. № 2. С. 40–49.

- ⁸ *Лотман Ю.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя // Лотман Ю. Пушкин. СПб. : Искусство-СПБ, 1995. С. 172.
- ⁹ А. У. Власть позапрошлого века (рец. на кн.). URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/11/mihailberg-literaturokratiya.html> (дата обращения: 20.12.2020).
- ¹⁰ *Хализев В.* Непреднамеренное в искусстве // Хализев В. Е. Теория литературы. 5-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2009. С. 34, 104.
- ¹¹ *Иванюшина И.* Русский футуризм : идеология, поэтика, прагматика. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С. 20–21.
- ¹² См.: *Чернец Л.* Читатель // Введение в литературоведение : учебник для вузов : в 2 т. Т. 2 / под ред. Л. В. Чернец. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. С. 293–313.
- ¹³ См.: *Белинский В.* Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 7. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 358–364.
- ¹⁴ *Чехов А.* Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 1. М. : Наука, 1974. С. 278.
- ¹⁵ *Салтыков-Щедрин М.* Собр. соч. : в 20 т. Т. 16. Кн. 2. М. : Художественная литература, 1974. С. 154.
- ¹⁶ *Чехов А.* Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 1. С. 242.
- ¹⁷ *Гоголь Н.* Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 12. М. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 408.
- ¹⁸ Там же. Т. 11. С. 75.
- ¹⁹ *Толстой А.* Полн. собр. соч. : в 15 т. Т. 13. М. : Гослитиздат, 1949. С. 276.
- ²⁰ *Мандельштам О.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Арт-Бизнес-центр, 1993. С. 182.

Поступила в редакцию 14.01.2021, после рецензирования 20.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
 Received 14.01.2021, revised 20.01.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 186–191
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 186–191

Научная статья
УДК 82.0:61
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191>

Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения

Е. Г. Трубецкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Трубецкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, etrubetskova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения сфер употребления терминов 'медицинский дискурс' и 'морбуальный код' при анализе художественного текста. На основе семиотического и лингвокультурологического подходов уточнено теоретическое определение морбуального кода литературы, описаны его разновидности и основные репрезентанты.

Ключевые слова: морбуальный код, медицинский дискурс, болезнь, литература и медицина

Для цитирования: Трубецкова Е. Г. Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 186–191. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191>

Medical discourse and / or morbuial code: Problems of terminology of modern literary criticism

E. G. Trubetskova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Trubetskova, etrubetskova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>

Abstract. The article deals with the problem of differentiating the spheres of use of the terms 'medical discourse' and 'morbuial code' while analyzing a literary text. The theoretical definition of the morbuial code of literature has been clarified and its varieties and main representatives have been described on the basis of semiotic, linguistic and cultural approaches.

Keywords: morbuial code, medical discourse, disease, literature and medicine

For citation: Trubetskova E. G. Medical discourse and / or morbuial code: Problems of terminology of modern literary criticism. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 186–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Связь литературы и медицины, рецепция болезни в художественных текстах стали объектом пристального изучения гуманитарных наук последних десятилетий. Это обусловлено несколькими факторами: усилением интереса к институту медицины в связи с этическими проблемами взаимодействия врача и пациента, поднятыми биоэтикой в конце XX в.; появлением и развитием принципиально новых методов лечения (трансплантологии, заместительной терапии, протезирования органов, воздействия на геном человека), требующих всестороннего осмысления; увеличе-

нием продолжительности жизни и, соответственно, «болезненности» популяции в целом, а значит, и вовлеченностью все большего количества людей в «сообщество» пациентов; интересом культуры постиндустриального общества ко всему маргинальному, девиантному, отклоняющемуся от «нормы». Новые вызовы, такие как пандемия коронавируса, приведшая к глобальным последствиям, делают подобные гуманитарные исследования все более актуальными.

В литературоведении анализ текстов, связанных с изображением болезни, развивается в

разных направлениях. Наряду с традиционным рассмотрением особенностей создания образов врачей¹ и анализа художественных проекций биографии писателей, профессионально связанных с медициной (А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, В. Аксенова)², большую популярность получил жанр патографии: от фиксации отдельных «диагнозов» героев и анализа эстетических функций психических отклонений, отраженных писателями (В. Руднев³, А. Пекуровская⁴, К. Богданов⁵, И. Сироткина⁶, О. Скопечная⁷), до изучения с точки зрения психиатрии различных периодов развития литературы и искусства (И. Смирнов⁸).

Предложенный Сюзан Сонтаг⁹ анализ метафорических проекций болезни на политические, социально-экономические и культурные процессы получил развитие в работах Л. Геллера¹⁰, К. Инчин¹¹, Н. Тамручи¹², рассмотревших подобные проекции в советской литературе 1920-х – 1950-х гг.

Появились исследования (Е. Фарыно¹³, Н. Фатеевой¹⁴), анализирующие различные эстетические функции изображения болезни, прежде всего, создание особой «оптики», изменение призмы видения подверженного болезни героя¹⁵.

Концептуализация болезни стала объектом лингвистических исследований. Перспективным представляется подход, предложенный Т. В. Шмелевой: составление «тезауруса болезни» и реконструкция на основе изучения морбуальной лексики фрагментов языковой картины мира¹⁶, а также изучение концептосферы «болезни» и «здоровья» в работах Л. Тулениновой¹⁷, С. Севастьяновой¹⁸, С. Троян¹⁹, З. Дубинец²⁰.

Разноуровневость аспектов, связанных с темой болезни, и неоднородность их реализации в художественных текстах делают актуальным введение обобщающего термина, охватывающего все многообразие заявленной проблематики. В современном литературоведении на роль такого выдвигаются «медицинский дискурс» и «морбуальный код».

Термин «медицинский дискурс» приходит в литературоведение из коммуникативной и когнитивной лингвистики, где он осмысливается как «многомерное коммуникативное образование, системообразующими факторами которого являются его цель, типовые участники, социокультурные обстоятельства общения»²¹. При многочисленных трактовках самого термина «дискурс» большинство исследователей сходятся в его понимании как «связного текста в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текста, взятого в событийном аспекте; <...> речи, погруженной в жизнь»²². Выделяют социально-деятельностный характер дискурса; связь лингвистических и экстралингвистических факторов в его функционировании; многообразие коммуникативных манифестаций; его когнитивную функцию²³.

Медицинский дискурс понимается как тип институционального дискурса, представляющий собой общение в рамках статусно-ролевых отношений²⁴, для достижения поставленных задач он задействует определенные коммуникативные стратегии и тактики, система которых «способна варьироваться и дополняться новыми компонентами в зависимости от смены коммуникативных условий и социальных практик»²⁵. М. Барсукова выделяет как основные диагностирующую, лечащую и рекомендуемую стратегии медицинского дискурса²⁶. К. Керер рассматривает в качестве основных когнитивные стратегии, представленные убеждением и внушением; в качестве вспомогательных: прагматические («направлены на изменение условий взаимодействия между участниками коммуникации, улучшение психоэмоционального состояния пациента, на содействие выполнению назначений и рекомендаций специалиста, демонстрации эмпатии»); диалоговые стратегии («стимулируют речевую активность клиента медицинского дискурса») и риторические («позволяют врачу “приблизиться” к пациенту, подстраиваясь под его восприятие с целью получения релевантной информации и создания психологического комфорта»)²⁷.

Лингвистические исследования востребованы в современной клинической медицине. На изучение тактик и стратегий медицинского дискурса строится нарративная медицина, ставшая «особым клиническим подходом, позволяющим участникам коммуникации совместно конструировать общее смысловое пространство, репрезентируемое в виде нарратива (чаще всего речь идет о нарративах пациента)»²⁸.

Исследователи говорят о разных формах медицинского дискурса: устной (подразделяющейся на обыденную и профессиональную) и письменной; исследуют его подвиды: терапевтический (А. Бушев²⁹), фармацевтический (Г. Бурова³⁰). В работах последних лет материалом для изучения стратегий и тактик медицинского дискурса становятся художественные тексты различной природы. Так, в диссертации Н. Ефремовой³¹, статьях К. Керер анализируется литературная (на материале произведений Н. Амосова, Ф. Углова, Д. Правдина)³² и кинематографическая (на материале сериала «Неотложка»)³³ рецепция медицинского дискурса. Е. Пономаренко³⁴ исследует отрефлексируемые в литературе модели общения врача и пациента с точки зрения теории речевых жанров (объектом исследования стали тексты А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, Н. Амосова, Ю. Крелина, Ф. Углова).

В последние годы появляются работы, где медицинский дискурс рассматривается не только как речевое взаимодействие врача и пациента, но и как одна из разновидностей художественного дискурса. Под «художественным дискурсом» исследователи понимают «текст в его живом семантическом и прагматическом движениях: в

контексте говорящего – автора, слушающего – читателя и породившей их культуры»³⁵, при таком осмыслении дискурса целостным высказыванием, «речью, погруженной в жизнь»³⁶ становится художественный текст³⁷. Выделяют разные виды художественного дискурса, например, детективный³⁸, фантастический³⁹, поэтический⁴⁰.

К. Керер дает такое определение художественного медицинского дискурса: «...это художественный текст на медицинскую тематику <...>, обладающий эстетической функцией, как любое художественное произведение, установкой на неоднозначность восприятия вследствие того, что авторская позиция может быть истолкована по-разному, субъективностью, так как автор выражает свою точку зрения по тому или иному вопросу, и антропоцентризмом, ведь в центре описываемого стоит индивид»⁴¹.

Подобная трактовка термина, на наш взгляд, не вполне оправдана. В отличие от выделяемых исследователями видов художественного дискурса, предлагаемое К. Керер понимание термина ‘художественный медицинский дискурс’ строится, прежде всего, на выделении тематической доминанты текста, что представляется неоправданно узким, так как медицинская тематика даже в произведениях, где она занимает центральное место, как в «Записках врача» В. Вересаева, в «Записках юного врача» М. Булгакова, в «Раковом корпусе» А. Солженицына, тесно переплетена с другими философскими, экзистенциальными, нравственными, духовными, эстетическими аспектами и не исчерпывает проблематики текста. Кроме того, подобная трактовка термина приводит к омонимичности, затрудняющей понимание: медицинский дискурс как речевое взаимодействие врача и пациента может присутствовать в произведениях, не вписывающихся в определение ‘художественного медицинского дискурса’ К. Керер, например, в «Отцах и детях» И. С. Тургенева, пьесах А. П. Чехова, романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», которые никак нельзя назвать «текстами на медицинскую тематику». Не охватывает ‘художественный медицинский дискурс’ в предложенной трактовке и литературного описания в медицинских терминах и образах явлений, с больницами и врачами на связанных.

Для обозначения различных аспектов отражения в литературе сюжетов, образов и проблем, относящихся к медицине и болезни, а также их метафорических проекций на политические, социальные и другие явления более корректным представляется термин «морбуальный код», который был использован в работах Г. Козубовской⁴² и В. Стениной⁴³.

‘Морбуальный’ (как связанный с болезнью⁴⁴) является своего рода «антонимом» по отношению к ‘медицинскому’ (врачающему болезни). Данное определение включает в себя не только проблематику, в той или иной мере обу-

словленную взаимодействием врача и пациента, но и рецепцию и отношение к болезни самого больного, изменение его мировосприятия, поведения и связанных с этим философских и нравственных вопросов.

К сожалению, сам термин «морбуальный код» не получил теоретического осмысления. А оно необходимо для избежания метафоричности при его употреблении. Попробуем дать определение морбуального кода. Для нашей работы важна семиотическая трактовка кода как «системы постоянных признаков и их значимостей» в которой существует ряд оппозиций и определенные правила сочетаемости условных символов⁴⁵.

Представляется возможным рассматривать морбуальный код как один из культурных кодов, единицы которого наполняются различным содержанием в зависимости от особенностей национального сознания и культуры описываемой эпохи. В. А. Маслова предлагает использовать для обозначения кода концептуальную метафору «контейнер», в котором «разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код»⁴⁶.

Литература как «вторичная знаковая система» (Ю. М. Лотман) кодирует явления жизни. В художественных текстах одни и те же морбуальные образы (врача, болезни, пациента) по-разному воплощаются в зависимости от контекста эпохи: например, в 1920-е гг. болезнь, физическое страдание связывается в ранней советской литературе с «жертвенностью» героев революции («Как закалялась сталь» Н. Островского), а в 1930-е в проявлениях физической неполноценности советские авторы видят уже неполноценность духовную и политическую («Мы будем жить!» Б. Лавренева)⁴⁷. Различно и осмысление образа врача, меняющееся в зависимости от отношения общества к медицине и от развития самой науки. Во второй половине XVIII в. врач предстает, с одной стороны, как стяжатель шарлатан (в баснях В. Тредиаковского, А. Самарокова, эпиграммах М. Хераскова и Д. Хвостова), а, с другой стороны – как «лечитель душ» (в произведениях Н. Новикова, А. Радищева). Развитие медицины и появление ряда новых областей знания в середине и второй половине XIX в. преломляется в текстах И. Тургенева, А. Герцена, В. Вересаева, рисующих врача-скептика и материалиста, подвергающего жесткой ревизии не только тело больного, но и устройство общества. А в произведениях М. Булгакова, А. Платонова, Б. Лавренева находит отражение характерное для советской культуры 1920–1930-х гг. утопическое видение врача как создателя «нового человека»⁴⁸. Меняющееся и в то же время сохраняющее некую общность «наполнение» единиц кода концептуальным содержанием позволяет, на наш взгляд, говорить именно о морбуальном коде.

Культурный код содержит ряды основных оппозиций. Для морбуального кода основными

оппозициями являются 'здоровье – болезнь', 'жизнь – смерть', 'врач – пациент'. Они определяют концептосферу морбуального кода.

В лингвокультурологии для определения культурного кода используется еще одна метафора – «понятийная сетка», – с помощью которой носитель языка «категоризирует, структурирует и оценивает окружающие его и свой внутренний миры»⁴⁹. Правила дешифровки культурного кода «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора»⁵⁰. Они «фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе»⁵¹.

В. Красных выделяет базовые коды культуры: соматический (телесный); пространственный; временной; предметный; биоморфный; духовный⁵². Автор подчеркивает, что нет жестких границ между кодами, они накладываются друг на друга. Система культурных кодов «с разветвленными вертикальными и горизонтальными отношениями внутри нее» образует парадигму культуры⁵³. В. Красных пишет, что количество базовых культурных кодов невелико, и описывает шесть основных кодов. Но многие исследователи считают, что система культурных кодов только начинает изучаться, и рассматривают ее как открытую.

Морбуальный код – один из древних культурных кодов. Как «понятийная сетка» он становится основой для порождения метафор в языке: «духовная слепота», «политическая близорукость», «безумная любовь/решение/поступок», «язвы капитализма»⁵⁴. В этом случае можно говорить о лингвокультурном коде. Также в морбуальных образах выражается глубинное осмысление происходящих перемен (например, революция – «высокая болезнь» или «великолепная хирургия» у Б. Пастернака; система лагерей – злокачественная опухоль в «Раковом корпусе» и «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына⁵⁵).

При описании лингвокультурных кодов их типология строится на выделении трех основных разновидностей: предметно-тематической, понятийной и дискурсивной, которые взаимодействуют в процессе порождения и декодирования художественного текста. Исследователи показывают, что «один и тот же элемент предметно-тематического кода может реализоваться в нескольких дискурсах»⁵⁶. Е. В. Королева убедительно демонстрирует это на анализе произведений В. Ходасевича: например, в его стихотворениях элементы зооморфного кода (рыбы, змея) могут принадлежать обыденному и библейскому дискурсам.

Элементы предметно-тематической разновидности морбуального кода, такие как больница, палата, врач, болезнь, могут включаться в конкретных текстах в разные дискурсы (медицинский, экзистенциальный, политический, религиозный). Например, в «Раковом корпусе» А. Солженицына преодоление болезни героем

и его выписка из онкологического отделения встраиваются в медицинский дискурс (под воздействием химиотерапии опухоль значительно уменьшилась в своих размерах; наступило улучшение в физическом состоянии Костоглотова) и в политический (наступает весна 1955 г. – вместе с героем преодолевает болезнь страна). В рассказе С. Кржижановского «Глазунья в пенснэ» плохое зрение рассказчика описывается в медицинском дискурсе (как близорукость)⁵⁷, бытовом (он с трудом различает и путает предметы; на покупку пенснэ он потратил несколько рублей), фантастическом (упавшее в яичницу пенсне оживает и ведет ироничный диалог с героем, заявляя, что многие образы оно «отражает», не впуская в сознание героя) и философском (заканчивается рассказ монологом «стеклистого придатка»: «...многие и из вас, людей, живут, прилепляясь к чужому видению, к мировоззрению, глядящему на мир сквозь них»⁵⁸).

Дискурсивная разновидность морбуального кода может присутствовать в произведениях, тематически или образно связанных с болезнью/медициной (в «Докторе Живаго» он обусловлен профессией главного героя, в «Раковом корпусе» – основной проблематикой и местом действия). Но важно, что морбуальный код может стать одним из ключевых в произведениях, не связанных напрямую с изображением болезни. Так, в «Архипелаге ГУЛАГ» формирование и развитие лагерной системы осмысливается в метафорах рака: автор показывает ее зарождение, быстрое «распространение опухоли» и описывает, как «архипелаг дает метастазы»⁵⁹.

Таким образом, морбуальный код можно определить как формально-содержательное единство, репрезентирующее в художественных текстах образы и/или метафорические проекции морбуальности. Литература «кодирует» представление о болезни, образы больных, врачей, медицинские «сюжеты» жизни. В то же время с помощью морбуального кода писатель может изображать политические, социальные, культурные процессы, напрямую не связанные с болезнью.

Код как «системность авторских выборов»⁶⁰ в конкретных произведениях может быть реализован на разных уровнях текста с разной степенью полноты. Вариативность использования данного кода зависит от индивидуальной поэтики писателя, от социальных, политических, этических, философских и эстетических кодов эпохи.

Обращаясь к вопросу о связи морбуального кода и медицинского дискурса, необходимо отметить следующее. Это пересекающиеся, но не совпадающие понятия. Они имеют общие репрезентанты, определяющие их концептосферу ('болезнь', 'здоровье', 'врач', 'пациент', 'лекарство', 'больница', 'палата', 'жизнь', 'смерть' и др.). Медицинский дискурс (в лингвокультурологии

ческом понимании, т.е. запечатленное в художественном тексте речевое взаимодействие врача и пациента), становясь объектом изображения в художественном тексте, использует элементы предметно-тематической и понятийной разновидности морбуального кода. Но далеко не всегда художественный медицинский дискурс связан с дискурсивной разновидностью морбуального кода, предполагающей описание в морбуальных понятиях и/или в медицинской терминологии изображаемых явлений и процессов. Морбуальный код, в отличие от медицинского дискурса, может быть ярко выражен в произведениях, напрямую с медициной не связанных («Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына).

Примечания

- 1 См.: *Гончаров С., Гончарова О.* Врач и его биография в русской литературе // *Studio Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa : SOW, 2001. С. 217–227.
- 2 См.: *Каган-Пономарев М.* Литераторы и врачи : очерки и подходы с приложением Библиографического словаря. М. : Дашков и К., 2007.
- 3 См.: *Руднев В.* Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М. : Класс, 2002.
- 4 См.: *Пекуровская А.* Страсти по Достоевскому : механизмы желаний сочинителя. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- 5 См.: *Богданов К.* Врачи, пациенты, читатели : Патографические тексты русской культуры XVII–XIX вв. М. : ОГИ, 2005.
- 6 См.: *Сироткина И.* Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX веков. М. : Новое литературное обозрение, 2008.
- 7 См.: *Сконечная О.* Русский параноидальный роман : Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М. : Новое литературное обозрение, 2015.
- 8 См.: *Смирнов И.* Психодиахронология : Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М. : Новое литературное обозрение, 1994.
- 9 См.: *Сонтаг С.* Болезнь как метафора. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
- 10 См.: *Геллер Л.* Враги здоровья и народа. Парадигма болезни в русском соцреализме // *Studio Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa : SOW, 2001. С. 351–364.
- 11 См.: *Инчин К.* Римское изречение «В здоровом теле – здоровый дух» и поэтика социалистического реализма // Там же. С. 385–397.
- 12 См.: *Тамручи Н.* Медицина и Власть // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 134–155.
- 13 См.: *Farup J.* Чем и зачем писатели болеют и лечат своих персонажей? // *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa : SOW, 2001. Р. 485–494.
- 14 См.: *Фатеева Н.* Семантическое поле «болезни» в поэтической системе Пастернака // Там же. 307–322.
- 15 См.: *Трубецкова Е.* «Новое зрение» : болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- 16 См.: *Шмелева Т.* Тезаурус болезни. Русско-польские параллели // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa : SOW, 2001. С. 13–33.
- 17 См.: *Туленинова Л.* Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- 18 См.: *Севастьянова С.* Концепт «болезнь» и концепция болезни в сборнике «Великое зеркало» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 32–49. DOI: 10.17223/15617793/425/5
- 19 См.: *Троян С.* Шкала исход болезни в характеристике концепта «болезнь» // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 3, ч. 2. С. 309–311. URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=9724> (дата обращения: 15.11.2020).
- 20 См.: *Дубинец З.* Концепт «болезнь» в русской языковой картине мира // Филология и человек. 2018. № 3. С. 39–50. DOI: 10.14258/filichel(2018)3-03
- 21 *Шуравина Л.* Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 67.
- 22 Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136.
- 23 См.: *Косицкая Ф., Матюхина М.* Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (183). С. 45. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-44-48
- 24 См.: *Барсукова М.* Медицинский дискурс : стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 34.
- 25 *Майборода С.* Вспомогательные стратегии в профессиональной речевой коммуникации доктора и пациента (К вопросу о границах классификации) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 401. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-4-396-401>
- 26 См.: *Барсукова М.* Указ. соч. С. 35.
- 27 *Керер К.* Особенности языкового выражения речевого воздействия врача на пациента в рамках медицинского дискурса (на материале кинофильма «Неотложка») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2018. № 4 (66). С. 101.
- 28 *Жура В.* Нарратологические исследования устного медицинского дискурса // Нарративный поворот. 2013. № 1 (10). С. 73.
- 29 См.: *Бушев А., Азгацева М.* Терапевтические метафоры: текст и интерпретация // Тверской лингвистический меридиан / под ред. И. П. Сусова. Вып. 3. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. С. 25–38.
- 30 См.: *Бурова Г.* Фармацевтический дискурс как культурный код : семиотические, прагматические и концептуальные основания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Ставрополь, 2008.
- 31 См.: *Ефремова Н.* Когнитивно-дискурсивные механизмы создания медицинского текста (на материале

- произведений Н. М. Амосова, Ф. Г. Углова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017.
- 32 См.: Керер К. Лингвокультурный концепт «врач» в отечественном художественном медицинском дискурсе (на материале произведения Д. Правдина «Записки городского хирурга») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 149–154. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-149-154>
- 33 См.: Керер К. Особенности языкового выражения речевого воздействия врача на пациента в рамках медицинского дискурса (на материале кинофильма «Неотложка»). С. 99–111.
- 34 См.: Пономаренко Е. Жанровая организация речевого общения врача и пациента (на материале художественных произведений писателей-врачей) : дис.... д-ра филол. наук. Симферополь, 2014.
- 35 Руднев В. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. С. 4.
- 36 Лингвистический энциклопедический словарь. С. 137.
- 37 См.: Кубрякова Е. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира : пространство и время : материалы науч. конф. М. : Диалог-МГУ, 1997. С. 15–25.
- 38 См.: Ватолина Т. Когнитивная модель детективного дискурса : на материале англоязычных детективных произведений XIX–XX вв. : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011.
- 39 См.: Иняшкин С. Американский научно-фантастический дискурс XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. 2011. № 1. С. 14–17.
- 40 См.: Ковалев П. Поэтический дискурс русского постмодернизма : дис.... д-ра филол. наук. Орел, 2010.
- 41 Керер К. Лингвокультурный концепт «врач» в отечественном художественном медицинском дискурсе (на материале произведения Д. Правдина «Записки городского хирурга»). С. 150.
- 42 См.: Козубовская Г. Середина века : миф и мифопоэтика. Барнаул : АлтГПА, 2008.
- 43 См.: Стенина В. Субъективация времени в эпистолярной А. П. Чехова : Морбуальный код // Философия Чехова : материалы Междунар. науч. конф. (г. Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
- 44 От лат. *morbus* – болезнь. В литературоведении начинает употребляться после выхода сборника «*Studio Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*» (Warszawa : SOW, 2001).
- 45 Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. С. 49.
- 46 Маслова В. Духовный код с позиции лингвокультурологии : единство сакрального и светского // Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 80.
- 47 См.: Геллер Л. Указ. соч.
- 48 См.: Трубецкова Е. «Новое зрение» : болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. С. 90–129.
- 49 Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002. С. 232.
- 50 Маслова В. Национальные ценности и язык : духовный код культуры // Лингвистика. 2010. № 2 (20). С. 19.
- 51 Красных В. Указ. соч. С. 233.
- 52 Там же.
- 53 Папшева А. Применение категории «код» в лингвокультурологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 2, № 3. С. 493.
- 54 Наталья Тамручи говорит о метафоричности понятий «здоровый» и «больной» в советской риторике, где данные антонимы стали применяться «не только по отношению к человеческому телу, но и к телу социальному. Так, социализм “здоровый” противопоставлен капитализму “загнивающему”; высказывания, расходящиеся с курсом партии, именуются “гнилыми”, и т.п.» (Тамручи Н. Медицина и Власть. С. 13).
- 55 Подробнее см.: Трубецкова Е. Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–68. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68>
- 56 Королева Е. Языковые особенности индивидуально-авторского кода В. Ф. Ходасевича (на материале цикла «Европейская ночь») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. С. 6–7.
- 57 Об эстетической функции близорукости в новеллах С. Кржижановского см.: Трубецкова Е. «Ракетка и глаз, заброшенный в пространство» : визуальные коды русского формализма в новеллах Сигизмунда Кржижановского // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание / сост. Я. Левченко, И. Пильщиков. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 611–621.
- 58 Кржижановский С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. СПб. : Симпозиум, 2010. С. 170.
- 59 Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования : в 3 т. Т. 2. М. : ИНКОМ НВ, 1990. С. 57–58.
- 60 Фарино Е. Указ. соч. С. 49.

Поступила в редакцию 06.01.2021, после рецензирования 20.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
 Received 06.01.2021, revised 20.01.2021, accepted 10.02.2021

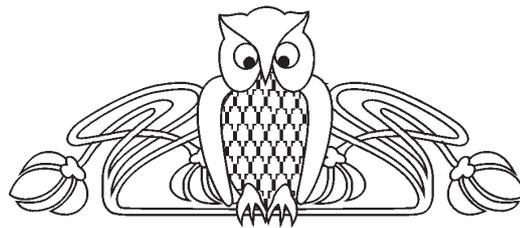
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 192–196
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 192–196

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Поплавский

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-192-196>

Две музыки в стихотворении Б. Поплавского «Чёрная Мадонна»

Г. М. Маматов

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

Маматов Глеб Максимович, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, zarra8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

Аннотация. Статья посвящена изучению темы музыки и её функционирования в стихотворении Б. Поплавского «Чёрная Мадонна». Рассматриваются мотивно-символическая структура, композиция, интертекстуальные связи с поэзией модернизма. Особое место в статье занимает описание концепции «духа музыки» в философии поэта и её преломления в тексте миниатюры.

Ключевые слова: Б. Поплавский, модернизм, «дух музыки», лирика, поэзия русского зарубежья

Для цитирования: Маматов Г. М. Две музыки в стихотворении Б. Поплавского «Чёрная Мадонна» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 192–196. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-192-196>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-192-196>

Two kinds of music in B. Poplavsky's poem *Dark Madonna*

G. M. Mamatov

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Gleb M. Mamatov, zarra8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

Abstract. The article studies the topic of music and its functioning in the poem by B. Poplavsky *Dark Madonna*. Its motivational and symbolic structure, as well as its composition and intertextual ties with the modernist poetry are considered. The article focuses on the description of the 'spirit of music' concept in the poet's philosophy and its interpretation in the text of the miniature.

Keywords: B. Poplavsky, modernism, 'spirit of music', lyric poetry, Russian émigré poetry

For citation: Mamatov G. M. Two kinds of music in B. Poplavsky's poem *Dark Madonna*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 192–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-192-196>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

«Чёрная Мадонна» (1927) – хрестоматийное стихотворение Бориса Поплавского, сделавшее его знаменитым в эмигрантской среде. Как отмечает В. Яновский, эту миниатюру «повторяли на все лады не только в Париже, но и “монпарнасах” Праги, Варшавы и Риги»¹. Вначале она была опубликована в «Воле России» без названия, а затем вошла в книгу стихов «Флаги», где и получила своё заглавие и посвящение В. Андрееву, причём практически без изменений, в отличие от других ранних произведений поэта, существенно исправленных в редакции его друга и душеприказчика Н. Татищева.

Данное стихотворение привлекло внимание многих исследователей. Часть работ посвящена мотиву праздника. Р. Компарелли связывает его

лирический сюжет с торжественным шествием цыган к скульптуре Сары Кали, чёрной Девы Марии, «спрятанной в гроте церкви Нотр-Дам де ла Мер»². Трагедия произведения заключается в утрате участниками праздника его сакрального смысла, что обуславливает финальный сон-смерть Мадонны. Несмотря на точные наблюдения, мысль о связи стихотворения с религиозным праздником цыган Южной Франции не является исчерпывающей. Мотив торжества предполагает большее количество трактовок, как и образ Мадонны, который не имеет никакого отношения к указанной реликвии. Связь центрального образа с распространёнными в католицизме иконами и статуями Чёрных Мадонн, известными в Испании, Португалии, Чехии, Польше, Германии и Венгрии, анализируется Н. Оси-

повой, которая рассматривает стихотворение в контексте духовных идей Поплавского, во взаимосвязи с подобными сюжетами у других поэтов эмиграции, их религиозными взглядами. Она исследует также символику миниатюры, сближающую её с другими стихотворениями книги, филологией античности и русского модернизма³.

В ином русле написана работа И. Раковича, где произведение исследуется с точки зрения главных концептов и лексем, создающих его центральные темы: праздник, смерть и счастье. Важную роль в тексте играет принцип оксюморона, обуславливающий соединение в стихотворении полярных смысловых категорий (профанное/высокое, горе/радость, жизнь/смерть), создающее целостность его художественного мира⁴. Следует учитывать позицию К. Пономарёва, согласно которой в тексте возникает «конфликт между музыкой и страданием», выраженный оппозициями вечности – скоротечности и космического – земного⁵.

Очевидно, что стихотворение Поплавского многогранно и даёт богатую почву для анализа. Данная статья посвящена рассмотрению темы музыки, почти не затронутой в указанных трудах, но, как будет показано далее, являющейся ключевой для понимания произведения:

Синевели дни, синевели,
Тёмные, прекрасные, пустые.
На трамваях люди соловели.
Наклоняли головы святые,

Головой счастливою качали.
Спал асфальт, где полдень наследил.
И казалось, в воздухе, в печали,
Поминутно поезд отходил.

Загалдит народное гулянье,
– Фонари грошовые на нитках, –
И на бедной, выбитой поляне
Умирать начнут кларнет и скрипка.

И ещё раз, перед самым гробом,
Издадут, родят волшебный звук.
И заплачут музыканты в оба
Чёрным пивом из вспотевших рук.

И тогда проедет безучастно,
Разопрев и празднику не рада,
Кавалерия в мундирах красных,
Артиллерия назад с парада.

И к пыли, к одеколону, к поту,
К шуму вольтовой дуги над головой
Присоединится запах рвоты,
Фейерверка дым пороховой.

И услышит вдруг юнец надменный
С необъятным клёшем на штанах
Счастья краткий выстрел, лёт мгновенный,
Лета красный месяц на волнах.

Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет чёрная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.

И сквозь жар, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет⁶.

Стихотворение состоит из девяти строф, которые можно разделить на три части: первая (первый–второй катрены) – увертюра, описание города, его состояния, предшествующего празднику, оба катрена связаны друг с другом запятой после четвёртого стиха первой строфы; вторая часть – праздник (третья–восьмая строфы), которую также можно разделить на два фрагмента, противопоставленные друг другу: явление–смерть музыки и происходящее на этом фоне гулянье. Третья (девятая строфа) – конец праздника, исчезновение музыки и торжества в загадочном лиловом дыме. Композиция стихотворения связана с темой музыки. Первая и третья части переключаются благодаря мотиву тишины, что противопоставлено второй «музыкальной» части, это допускает мысль о цикличности композиции. Если в первой части описан мир, который пребывает в состоянии сна и оживает-просыпается во время гуляния и явления музыки, то в финале можно говорить о его гибели-превращении в ад, пепелище, покрытое снегом. Композиция представляет собой «круг в круге». Первая и третья части образуют кольцо благодаря общей теме тишины и схождения на лексико-синтаксическом уровне (однородные определения, выраженные прилагательными с разными значениями). Вторая часть – «внутреннее» кольцо. Она начинается и оканчивается темой музыки-смерти: «Умирать начнут кларнет и скрипка» – «Вдруг возникнет на устах тромбона/ Визг шаров, крутящихся во мгле,/ Дико вскрикнет чёрная Мадонна,/ Руки разметав в смертельном сне». Таким образом, музыка как бы затихает в окружающем её безмолвии, исчезает, подобно огню, превращающемуся в дым.

В первой части описан урбанистический пейзаж, строящийся на контрасте. Рассмотрим образ пассажиров: с одной стороны, они – жители города и связаны с земным суетным миром, с другой стороны, у них «голова святые», что подразумевает их связь с божественной сферой. Они пребывают в состоянии транса, который можно трактовать как уход из земного пространства в запретную реальность сна: «На трамваях люди соловели./ Наклоняли головы святые». Склонённая голова ассоциируется со смирением, эпитет «счастливою» («Головой счастливою качали») маркирует тему пребывания пассажиров в сфере прекрасного и внеземного. Обыденное и трансцендентное накладываются друг на друга. Следует выделить цепочки антонимов и различных по семантике слов,

которые Поплавский объединяет в одно смысловое целое благодаря их соединению в однородные члены (тёмные, прекрасные, пустые) и в контекстные антонимы (слова «печаль» и «счастливые» во втором катрене). Мир воспринимается двояко: он пустой, тёмный и печальный, но возможность погрузиться в сон делает его чудесным, счастливым, окрашенным («Синевели дни, сиреневели»). В первой части намечается конфликт между возвышенным и профанным, между «святыми пассажирами» и пустым пространством города, что получит развитие в последующих строфах.

Тема музыки в миниатюре развита и эксплицитно (во второй части), и имплицитно, что доказывают следующие наблюдения. Рифма первого–третьего стихов первой строфы («сиреневели–соловели») – каламбур, основанный на звуковом обыгрывании слов «сирена» и «сирень» и «соловей», угадывающихся в корнях этих глаголов. Соловей и сирень – поэтизмы, связывающие текст с традицией романса, где эти образы типичны (романсы П. И. Чайковского «Растворил я окно», Я. Пригожина «Сирени запах, трели соловья»). Данное наблюдение допускает мысль, что сон пассажиров озвучен загадочным, выявляемым в звуковых аллюзиях пением соловья и сирен, которые, как и другие образы русского романса (весна, ночь, звёзды, луна, розы), возникают во многих стихотворениях «Флагов» («Роза смерти», «Дух музыки», «На заре»).

Вторая часть произведения – гулянье, на фоне которого развёртывается конфликт между искусством и реальностью. Образность этих строф вызывает зрительные ассоциации с картинами П. Пикассо «Кларнет и скрипка» и «Бутылка, кларнет, скрипка, газета, бокал». Эта интерпретация основана на том, что в книгу «Флаги» входит стихотворение «Homage a Pablo Picasso». На полотнах испанского живописца и в стихотворении Поплавского изображены вместе предметы уличной реальности (бутылка и бокал у Пикассо связаны с темой опьянения, важной в стихотворении) и инструменты симфонического оркестра. Этот оксюморон в тексте осмыслен и как антитеза земного и возвышенного, и как их взаимосвязь. Даже музыканты – и носители высшего искусства, и представители окружающего их общества: «И заплачут музыканты в оба/ Чёрным пивом из вспотевших рук». На натюрмортах нарисованы предметы, чьи контуры размыты, растворены в окружающем их фоне. Это наблюдается и в «Чёрной Мадонне», где все образы исчезают в дыму. Актуализация живописного дискурса связана с философией музыки поэта, о чём будет написано в дальнейшем.

В стихотворении можно говорить о функционировании музыкального понятия «кластер», обозначающего аккорд «из десяти и более звуков, одновременно взятых на фортепиано в максимально узком расстоянии»⁷. Это характерный приём для модернистов. Исследуя кластер в прозе Франца Кафки, В. Зусман понимает его как совмещение

различных звуковых и предметных образов, следующих друг за другом и создающих в своём единстве мировую какофонию. В тексте это значение очевидно, мир профанный дисгармоничен: «И к пыли, к одеколону, к поту,/ К шуму вольтовой дуги над головой,/ Присоединится запах рвоты,/ Фейерверка дым пороховой». Поэт сопрягает натуралистические образы (пот, рвота), сыпучие вещества, имеющие связь с грязью и гарью (пыль, порох), запахи (одеколон, пот, дым) и звуки электрических молний (шум вольтовой дуги). Это диссонансное состояние подчёркивается на фоническом уровне благодаря аллитерациям на звуки «р» (5 раз) и «п» (5 раз), ассонансам на низкие гласные «о» (6 раз) и «у» (5 раз). Это крайне экспрессивное звучание, схожее с воем, создаёт эффект бесконтрольного движения. Важным нюансом оказывается и четырёхдольная анакруза, редкая для пятистопного хоря, которым написана миниатюра, в стихе «Присоединится запах рвоты» («UU/UU/_U/_U/_U»). Она замедляет звукоизвлечение стиха, создаёт иллюзию медленного движения, нарастания процесса дегармонизации, победу отвратительного над прекрасным.

Рассмотрим третий и четвёртый катрены, в которых музыка рождается и умирает: «И ещё раз, перед самым гробом/ Издадут, родят волшебный звук». Музыка связывается с темами боли (издать крик, вопль), рождения (не божественного, а физического), смерти. Волшебный звук возникает «на бедной выбитой поляне» в освещении «грошовых фонарей» «на нитках», на потеху публике, не понимающей его красоты и магии. Музыку создают не музыканты, а инструменты, оказывающиеся носителями красоты, жертвами во имя её и посредниками между искусством и обыденностью: («Умирать начнут кларнет и скрипка»). Важно, что явление музыки скоротечно: «Счастья краткий выстрел, лёт мгновенный». Эта мгновенность прекрасной музыки особенно очевидна благодаря тому, что этот стих – единственный образец «чистого» пятистопного хоря в стихотворении: «_U/_U/_U/_U/_U», создающий эффект стремительного движения.

В тексте возникает характерная для модернизма музыкальная оппозиция волшебного звука кларнета и скрипки и меди тромбона, что допускает мысль об антитезе *musica humana* и *musica mundana*, которая, согласно концепции Л. Гервер, является антитезой «труб земли» и «струн космоса». В лирике модернистов мировые струны и земные/подземные трубы звучат сами по себе из неведомых пространств: «И гаммы, и другие звуки мировой музыки возникают “из неведомого мира” – сами по себе, без усилий “трубивших” и “водивших смычками”»⁸. Данная оппозиция очевидна у Поплавского. Заметим, что скрипка, типичный образ «небесных струн», звучит в дуэте с кларнетом, что связано с их высокими тембрами. Но если у А. Белого («Симфония № 3»), А. Блока («Песня судьбы»), В. Хлебникова («Песнь Мирязя») данная антиномия создала космос, то у По-

плавского музыка умирает, а мир трансформируется в хаос и ад.

Концепция музыки в стихотворении связана с главным образом: «Дико вскрикнет чёрная Мадонна./ Руки разметав в смертельном сне». Сон Мадонны равнозначен гибели высокой музыки. В отличие от волшебного звука кларнета и скрипки, тромбон издаёт визг, высокий, пронзительный и резкий звук. Р. Компарелли отмечает: «её [Мадонны] миссия уже обесмыслена, участники ритуального поклонения размыли до неразличимости границы между “священным” и “адным”»⁹. Продолжая эту мысль, выделим, что музыка связана с конфликтом толпы и искусства. Участники праздника не слышат высокой мелодии, заглушаемой шумом гулянья. Но вторая часть миниатюры строится как на оппозиции этих звучаний, так и на их взаимообусловленности. Тромбон является «живым существом», как и скрипка с кларнетом: «Вдруг возникнет на устах тромбона/ Визг шаров, крутящихся во мгле». Соединены разностилевые существительные: церковнославянизм уста, ассоциирующийся с красноречием и сладкоголосым пением, типичный поэтизм (медовые/сахарные уста), издаёт визг, высокий резкий звук, никак не связанный с мелодичностью. Это словосочетание коррелирует с двойственной природой музыки. Мадонна одновременно связана и с символической предсмертной волшебного звука, что подчёркивает её божественная сущность и «смертельный сон», и с музыкой народного гулянья и антигармоничной действительности, с чем связан её крик, созвучный визгу тромбона.

Тема музыки актуализируется в связи с поэзией предшественников. Очевидны контекстуальные переключки стихотворения с миниатюрой А. Рембо «На музыке», где мелодия духового оркестра противопоставлена окружающему её миру буржуа, представленному карикатурно. Посетители привокзального сквера или не обращают на неё внимания («Визгливым флейтам в такт колышет киверами/ Оркестр, вокруг него крутится ловелас»¹⁰), или ждут, когда музыкант сфальшивит («Рантье злорадно ждут, чтоб музыкант сфальшивил»), проявляя к музыке пренебрежение: «Забравшись в мураву, гогочет голоштанник./ Вдыхая запах роз, любовное питьё/ В тромбонном вое пьёт с восторгом солдатъё/ И возится с детьми, чтоб уластить их нянек»¹¹. В текстах повторяются образы солдат (солдатъё у Рембо, анафорическая рифма «кавалерия – артиллерия» у Поплавского), духовых инструментов (в обеих миниатюрах это тромбон), мотив опьянения и оппозиции искусства и толпы. Но если у Рембо она представлена в сагирическом ключе, посетители парка не воспринимают музыку всерьёз, она становится лишь звуковым фоном для их развлечений (флирт, прогулки, курение трубки, распитие алкоголя), то у Поплавского эта антитеза имеет трагическое значение. Непонимание искусства, неумение слышать волшебные звуки музыки, становится залогом потери духовного начала мироздания, гибели Мадонны, символизирующей чудесную гармонию,

беспомощную перед внешним миром и заглушаемую его диссонансным звучанием.

Близок Чёрной Мадонне образ Белой Мадонны из поэмы А. Белого «Первое свидание»¹². В третьей главе описан концерт В. И. Сафонова. Музыка оркестра представляется как хаотичное движение звуков, контролируемое рукою великого дирижёра: «И – пролетит скрипичным криком/ В рой гностических эмблем./ Мигая из пустых эонов./ Рукою твердой тему тем/ За ним выводит из тромбонов/ Там размахавшийся Сафонов/ <...> И стаю звуков гонит он./ Как зайца гончая собака, –/ На возникающий тромбон»¹³. Сравнение концерта с охотой показывает музыку и как беззащитного и травимого лесного зверя (скрипки-зайцы), и как хищника, несущего смерть (собаки и возникающий тромбон). Другое сходство стихотворений – образ Мадонны, которая у Белого возникает в нескольких ипостасях: воплощение Прекрасной Дамы-Софии, музыка (валторна-Мадонна), картина Рафаэля и финальный образ: «Неопалимов переулоч/ Пургой перловою кипит./ И Богоматерь в переулоч/ Слезой задумчивой глядит»¹⁴. Поэма завершается описанием пустого искаженного пространства, как у Поплавского. Если у младоземгранта мир скрыт адным дымом, то у младосимволиста – метелью. Мадонна у Белого воплощает духовные и культурные идеалы, она введена в мир обыденный, в котором ей не дано быть понятой. Но в поэме она соотносится с божественной сферой. У Поплавского концепция совершенно иная. Мадонна – посредница между профанным и идеальным, адом и Космосом, смертью и жизнью, засыпающая и умирающая в нижнем мире.

Важно учитывать близость «Чёрной Мадонны» с другими женскими образами во «Флагах» («Морелла I», «Dolorosa»). Очевидна связь миниатюры со стихотворением «Богиня жизни», где соловей, традиционное воплощение поэта, не поёт, а охает: «И соловей в соседнем парке охал». Его пение печально, что знаменует невозможность радостного существования творца в земном мире и его отчуждённость в нём. Выделим близкие «Чёрной Мадонне» мотивы музыки, огня, праздника, образы духового оркестра, фонаря: «Когда горел, дымя, фонарь бумажный», «Был полон шумом летний праздник счастья», «На палубе играли трубы хором», «Оркестры гасли, возвращаясь к богу, трубя тревогу». «Богиня жизни» также оканчивается темой смерти: «Мечтала смерть, курчавый Гераклит», но в этом тексте женское божество существует в заоблачных далах («Богиня жизни на вершине башни»), что обусловлено влиянием символизма, а сама богиня выступает небесной бессмертной девой, тогда как Мадонна – жертва земного мира, в котором она остаётся.

Все сделанные наблюдения обретают смысл при обращении к философии Поплавского, его концепции «духа музыки», объясняющей двойственность музыкальной природы миниатюры. В дневниковой записи 1929 г. он пишет: «Дух музы-

ки – это общее, форма, субстанциональная музыка же, поэзия и живопись есть воплощение ее тела. Сгорайте и умирайте в музыке, тогда дух музыки спасет вас. <...> Дух музыки есть ядро сферы музыки (но в четвертом измерении). То, что он строит, бессмертно, музыка же есть внешняя сфера, где все умрет»¹⁵. Опираясь на философию Ф. Ницше и символизма (А. Белый, Вяч. Иванов), Поплавский выстраивает собственную теорию «духа музыки». Это всемирная трансцендентная сила, обретаемая истинными творцами, и старшее искусство, «видовыми воплощениями которого являются музыка звуков, поэзия, живопись и остальные искусства. И которое мы только приблизительно называем духом музыки»¹⁶. Это объясняет обращение поэта к живописи, поэзии и музыке в «Чёрной Мадонне». Ради достижения этого вселенского духа нужно пройти через физические и духовные муки, совершить самопожертвование, приняв смерть, став тактом в мировой симфонии. И если для предшественников «дух музыки» связан с аполлонической гармонией, то у Поплавского на равных с ней функционирует дионисийская какофония, которая оказывается причиной падения Мадонны.

Обращение к философии «духа музыки» объясняет неоднозначность финала: «И сквозь жар, ночной, священный, адный./ Сквозь лиловый дым, где пел кларнет./ Запорхает белый, беспощадный/ Снег, идущий миллионы лет». Снег связывается с вечностью и холодом земного мира, не способно принять искусство, а потому гасящий его огонь. Типична мифологическая образность: зима связывается с адом, на что указывают образы жара, дыма, огня, эпитет «адный», а также аллюзии к Данте (девятый круг «Inferno») и Блоку («Снежная маска»). В стихе «Сквозь лиловый дым, где пел кларнет» совмещены образы звуков кларнета и праздника, на что указывает образ дыма из шестой строфы: «Фейерверка дым пороховой». Однородные определения, относящиеся к жару, «ночной, священный, адный», строятся по тому же принципу, что и в первой строфе «тёмные, прекрасные, пустые». Они различны по смыслу, особенно контекстуальные антонимы: «священный – адный», эти слова также соотносятся с амбивалентным образом Мадонны. Финал текста обуславливает кольцевую композицию. Земной мир возвращается к первоначалу, холодному и антимузыкальному хаосу, его развитие возможно только по вечному кругу.

Тема музыки в стихотворении Б. Поплавского «Чёрная Мадонна», возникающая и имплицитно (обыгрывание музыкальных образов на уровнях рифмы в первой строфе), и эксплицитно (символическая структура второй части), имеет двойственную, амбивалентную сущность. Это тёмная сфера бессознательного, из которой она появляется, и «волшебный звук», связанный со счастьем,

красотой, волшебством и гармонией, чьё явление невозможно без насилия. Это понимание музыки соотносится с философскими идеями поэта, его концепцией духа музыки как вселенской силы, обрести которую можно лишь принеся себя в жертву. Амбивалентная сущность музыки выявляет уникальность образа Мадонны. Это Дева Музыки и Дева Смерти, в которой совмещены два начала, её земное происхождение и священное предназначение.

Примечания

- ¹ Яновский В. Поля Елисейские. СПб. : Пушкинский фонд, 1993. С. 15.
- ² Компарелли Р. Сюжеты праздника в лирике Б. Поплавского // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (159). С. 198.
- ³ См.: Осипова Н. «Чёрная Мадонна» Б. Поплавского : опыт интерпретации поэтического текста // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 4. С. 101–107.
- ⁴ См.: Ракович И. «Чёрная Мадонна» Бориса Поплавского : опыт прочтения // В начале будет слово. Русская словесность и новое время : сб. материалов 1-й Международ. науч. конф., 2006. URL: <http://poplavski.narod.ru/rakovic.htm> (дата обращения: 19.01.2020).
- ⁵ Ponomareff C. Boris Poplavsky: Poet of Unknown Destination // Ponomareff C. One Less Hope : Essays on Twentieth-Century Russian Poets. New York : Editions Rodopi BV, 2006. P. 84.
- ⁶ Поплавский Б. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. : Книжница. Русский путь. Согласие, 2009. С. 178–179.
- ⁷ Зусман В. Акустические явления в романах Кафки : шум, крик, пение и музыка // Зусман В. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Нижний Новгород : Деком, 2001. С. 156.
- ⁸ Гервер Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М. : Индрик, 2001. С. 21.
- ⁹ Компарелли Р. Указ. соч. С. 198.
- ¹⁰ Проклятые поэты / сост. Е. Витковский. М. : Эксмо, 2014. С. 233. (Золотая серия классики).
- ¹¹ Там же.
- ¹² О влиянии символиста на Поплавского указывали С. Карлинский и Д. В. Токарев. Сам Поплавский был знаком с философией и творчеством А. Белого и участвовал с ним в теософской дискуссии во время своего пребывания в Берлине.
- ¹³ Белый А. Первое свидание. СПб. : Алконост, 1921. С. 50–51.
- ¹⁴ Там же. С. 69.
- ¹⁵ Поплавский Б. Откровения Бориса Поплавского // Наше наследие. 1996. № 37. URL: <http://> (дата обращения: 25.10.2020).
- ¹⁶ Поплавский Б. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 3. С. 25.

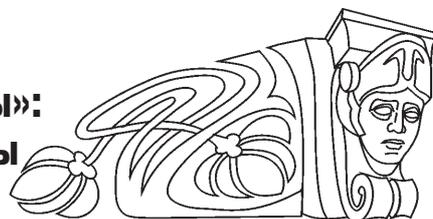
Поступила в редакцию 10.01.2021, после рецензирования 06.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 10.01.2021, revised 06.02.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 197–202
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 197–202

Научная статья
УДК 821.161.1.09-31+929Иванов
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-197-202>

Повесть Всеволода Иванова «Партизаны»: исторический и литературный контексты

Е. А. Папкина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А

Папкина Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Аннотация. В статье рассмотрены отклики критиков и руководителей сибирского партизанского движения на повесть Всеволода Иванова «Партизаны», а также исторические события 1919–1920 гг. в Сибири, оказавшие влияние на формирование замысла повести. Выявлены исторические и литературные контексты, способствующие пониманию как произведения писателя, так и периода Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Вс. Иванов, повесть «Партизаны», отклики красных партизан, исторические и литературные контексты

Для цитирования: Папкина Е. А. Повесть Всеволода Иванова «Партизаны»: исторический и литературный контексты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 197–202. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-197-202>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-197-202>

Vsevolod Ivanov's story *Partisans*: Historical and literary contexts

Е. А. Папкина

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25A Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Elena A. Papkina, elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Abstract. The article examines the responses of critics and leaders of the Siberian partisan movement to Vsevolod Ivanov's story *Partisans*, as well as the historical events of 1919–1920 in Siberia, which influenced the formation of the idea of the story. The author identifies the historical and literary contexts that contribute to understanding both the writer's work and the period of the Civil War in Russia.

Keywords: Vs. Ivanov, story *Partisans*, responses of the Red Partisans, historical and literary contexts

For citation: Papkina E. A. Vsevolod Ivanov's story *Partisans*: Historical and literary contexts. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 197–202 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-197-202>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В первом номере за 1921 г. первого советского толстого журнала «Красная новь» был напечатан рассказ (при переизданиях – повесть) «Партизаны» никому тогда не известного писателя из Сибири Всеволода Иванова. Рассказ в журнал предложил А. М. Горький.

Произведение было замечено, не замедлили последовать и отзывы. «...о сказочной яви поет он нам, – восхищался В. Львов-Рогачевский, – и впервые читатели почувствовали Сибирь, и впервые Сибирь дождалась своей эпопеи...»¹. Известные критики В. Львов-Рогачевский и А. Воронский прочитали «Партизан» не с точки зрения верности показа партизанской борьбы во время Гражданской войны, видимо, считая, как Ворон-

ский, что раз Иванов – непосредственной участник этой войны, «из Красной Армии»², он должен быть точен. Их интересовали более общие проблемы. В статье Львова-Рогачевского слово «партизаны» выступает синонимом слов «крестьяне», «мужики» и в целом «народ»: Иванов «не задается вопросом, каким *должен* быть крестьянин, он изображает нам его таким, *каков он сложился исторически*, в определенных формах крестьянского труда и каким он рисуется ему в момент революционной борьбы, когда мужик прет против японца, киргиза, Колчака, против всякого, кто грозит его пашне»; мужики-партизаны выступают частью «шестивия разноязычных племен и разноликих групп в годину исторического по-

ловодья»³. Воронский смотрит на мужиков-партизан еще шире: они часть огромного природного мира, в одном ряду стоят у критика «тайга, степи, сопки, ветры, партизаны»⁴. По поводу роли большевиков в партизанском движении критик замечает: «Большевизм сумел соединить себя с этим могучим и мощным потоком жизни, с этой миллионной первобытностью»⁵. Ни Львова-Рогачевского, ни Воронского не смущают «земляные корни» партизан Иванова, наоборот, в изображении этих народных корней революции критики видят ценность произведений молодого советского писателя, его верность правде жизни. В статье Воронского «тяга к земле», на которой «не дают робить» японцы, Колчак, атамановцы, – это непосредственный источник партизанщины⁶. Отсюда и положительные отзывы о начальнике отряда Антоне Селезневе: «Крепкий мужик Антон Селезнев уносит из деревни в чернь свою хозяйственность и домовитость, а выбранный в начальники отряда распоряжается деловито и спокойно, ничему не удивляясь. Он делен и в своем праздновании “престола”, и в своем смертном бое»⁷; «Селезнев – самый “справный” хозяин, богатый церковный староста, а его вынуждают обстоятельства сделаться начальником партизанского отряда»⁸. Случайные обстоятельства, в которых мужики становятся партизанами, совершенно не смущают первых критиков произведений Иванова и кажутся им вполне убедительными.

Возражения последовали довольно скоро. В статье «В кругу заколдованном (О “Партизанах” Вс. Иванова)», опубликованной в журнале «Корабль» в 1923 г., писатель А. С. Неверов рассматривает «всю литературу наших дней» как раз с точки зрения преобладания «стихийности» и «случайности»: «Если поверить этой литературе, то Октябрьская революция дала только разнообразные пятна, путаницу, расплеснула по селам крики, поставила на дыбы мужиков, а идеи-то, движущей лесные черноземные силы, как будто бы и нет. Просто какая-то стихийность, вырывающаяся из болотных кочек, избыток залежавшихся сил. <...> Чувствуется внешняя причина, случайность, и Красный Октябрь как будто ни при чем тут». Особенно это заметно в повести «Партизаны». Неверову непонятно, что привело мужиков в партизанский отряд – только «гнев за пролитую кислушку» (самогон)! Оценки партизанского вожака у Неверова принципиально иные, чем у Львова-Рогачевского и Воронского: Селезнев «живет не в идее октябрьской революции, а в земле, в хозяйской сметке. Гнев его – гнев хозяйина, потерявшего убыток». Идею же советской крестьянской власти он, вероятно, «видит в чем-то путаном, полуанархическом, позволяющем варить самогонку, в уничтожении запретов». Вся сущность восстания, стоящего в центре повести, «лежит в своих интересах, в личном покое» мужиков, а не «в элементах социального порядка»⁹, – к такому выводу приходит писатель.

К критическому отзыву Неверова примыкают отклики реальных сибирских партизан. 3 августа 1924 г. в газете «Известия» печатается статья крестьянина по происхождению, организатора партизанского движения в Сибири, наркома земледелия РСФСР с 1922 г., в 1924–1925 гг. – члена ЦКК РКП(б) В. Г. Яковенко «Партизанское движение и художественная литература», в которой автор выступает категорически против таких произведений о партизанском движении, как «Ватага» Вяч. Шишкова и «Партизаны» Вс. Иванова: «...если бы Вс. Иванов хоть немного был знаком с партизанским движением в Сибири, он бы знал, что всюду это движение возникало не случайно и что оно имело определяющую идею – вести организованную борьбу за советскую власть против белогвардейцев»¹⁰.

В том же 1924 г. появляется еще один отзыв о «Партизанах» Иванова и «Ватаге» Шишкова. Автор его тоже партизан и один из первых сибирских писателей П. П. Петров. Выходец из крестьян, он, как и Яковенко, в период Гражданской войны руководил партизанским движением против колчаковщины, являлся одним из организаторов Степно-Баджейской партизанской советской республики, председателем ее Совета рабочих, крестьянских и партизанских депутатов. 14 июля 1929 г. Петров пишет А. М. Топорову – учителю коммуны «Майское утро», автору знаменитой книги «Крестьяне о писателях»: «Кстати о работе “Партизаны” Иванова, в 1924 году я писал Зазубрину, что “Ватага” Шишкова и “Партизаны” Вс. Иванова – памфлет на партизанщину, что авторы не знают настоящих партизан. Среди руководителей Манско-Минусинского повстанчества были эсеры, правые и левые, были анархисты и большевики, но не церковные старосты и старообрядческие фанатики»¹¹.

Свою поэму «Партизаны» (1927) Петров создает во многом как полемический ответ Иванову и Шишкову. Как и у Иванова, в начале поэмы описаны пьющая самогон сибирская деревня, разговоры о Колчаке, который «сел на престол», уход мужиков в горы к партизанам, поиски чехами (у Иванова – польскими уланами) большевиков по деревням. Слова: «Енисейские ватаги / Павин собирает» – прямая отсылка к повести Шишкова «Ватага». Однако в поэме Петрова доля стихийности и случайности в партизанском движении сведена практически к нулю. В первой части поэмы партизанским вожаком становится вымышленный персонаж – бывший фельдфебель Первой мировой войны, член волостного Совета Иван Павин. У него конкретные задачи: «Павин кличет поселян, / Бороду разводит, / Про военные дела / Разговор заводит: / Не в помеху бы набрать / Тыщи три народу, / Да по городу наддать, / Тюрьмы б на свободу. / К пролетарии б поспеть / На подмогу впору ...»¹². К мятежу примыкают 18 волостей, создается Степно-Баджейская партизанская республика,

где есть исполком, трибунал и штабы. В конце 1-й части Павин погибает, и во 2-й под именем Петрован Щетина появляется уже реальное историческое лицо – Петр Ефимович Щетинкин (1884–1927), крестьянин, полный Георгиевский кавалер Первой мировой войны, член РКП(б) с 1918 г. Щетинкин организовал партизанский отряд в декабре 1918 г., с марта 1919 г. стал командующим Северо-Ачинской партизанской армии. Сам автор поэмы, Петров, вместе с армией партизан А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина совершил многодневный поход через отроги Саян в Урянхай.

С точки зрения современных историков Гражданской войны в Сибири, правы были как Яковенко и Петров, так и Шишков и Иванов. Омский историк А. А. Штырбул отмечает: «Еще в период Временного Сибирского правительства и Директории, в конце лета и осенью 1918 г. по Сибири прокатилась первая волна восстаний... <...> В руководстве этих восстаний имелись отдельные коммунисты или даже небольшие их группы, но значительная часть восставших крестьян выступала стихийно. <...> Некоторые крестьяне в то время наивно верили, что, восстав, они помогают ВСП восстановить эсеровскую демократию, на местах поправленную офицерами-монархистами. <...> И только кое-где осенью 1918 г. крестьяне выступили с требованием восстановления советской власти. Таким образом, партизанская борьба в Сибири поначалу в своей значительной части развивалась стихийно. И только постепенно коммунисты Сибири смогли взять партизанское движение под свое идейное влияние и военнополитическое руководство, но и то – не везде»¹³. В качестве подтверждения историк приводит письмо члена Омского комитета РКП(б) А. А. Масленникова в Сиббюро ЦК РКП(б): «В крестьянской среде также настроения ломаются в пользу Советской власти. Прокатываются волной стихийные крестьянские восстания в Славгородском, Тюкалинском, Павлодарском [от] Исилькуля, Змеиногорском, Кузнецком, на всем Алтае, в Мариинском уездах. Восстают ряд волостей, образуют революционные комитеты, но подавляются со страшной жестокостью. К сожалению, восстания начинаются без нашего руководства. Поводы к ним – набор новобранцев, взыскания старых недоимок, ненависть к карательным отрядам и [бело]чехам, выселения и т. д.»¹⁴.

«Именно такую или, во всяком случае, похожую картину рисует Вс. Иванов в повести “Партизаны”, где, казалось бы, незначительный факт – уничтожение белогвардейской милицией самодонного аппарата в одном из сибирских сел становится, в условиях всеобщей наэлектризованности общественной атмосферы, той искрой, из которой разгорается восстание»¹⁵, – отмечает Штырбул.

Ко второй половине 1920-х гг. отчасти в связи с укреплением и реорганизацией Красной Армии

и исключением из нее партизанского начала литературная дискуссия перешла в плоскость политики. Изменилось отношение идеологов государства к произведениям, где в центре внимания были восстания крестьян, ставших партизанами, которые, как герой Иванова, хотят свою крестьянскую власть, и о которых Петров писал: «Нашей силы – мужикам – / Равной силы нету. / Дуй, ребята, по домам, / Гарнизуй Совету»¹⁶. Изменилось отношение и к прототипам этих литературных персонажей – красным партизанам. 23 ноября 1929 г. на заседании Бюро Сибкрайкома был принят документ «О работе среди бывших красных партизан», в котором отмечалось, что среди них имеются лица, разложившиеся и «обиженные» коммунистами. С целью устранения мятежных настроений и привлечения партизан-бедняков на свою сторону партийным органам предлагалось прекратить созыв партизанских конференций и съездов, развернуть разъяснительную работу среди бывших партизан¹⁷. Как раз на одном из таких съездов – съезде партизан Манского фронта – 26 февраля 1928 г. была прочитана поэма Петрова «Партизаны». Бывшие участники партизанского движения записали в протоколе съезда: «Эта вещь является художественно правдивым произведением и памятником борьбы манских и минусинских партизан...»¹⁸.

С историческими и политическими событиями оказались тесно связаны судьбы партизанских вожakov Яковенко и Петрова. «Мужицкий нарком» В. Г. Яковенко был арестован 9 февраля 1937 г., расстрелян. В апреле 1937 г. был арестован и П. П. Петров. 15 июля 1939 г. датируется обвинительное заключение, в котором названы оба партизана: «4-м Отделом УПР НКВД по Иркутской области в г. Красноярске была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная организация правых среди бывших красных партизан, созданная и руководимая Яковенко В. Г., связанного через Бухарина с центром в Москве. / Указанная контрреволюционная организация по прямому указанию Бухарина, Рыкова и других создала в г. Красноярске Краевой Повстанческий Центр контрреволюционной организации правых для подготовки вооруженного выступления против Советской власти. / Следствием было установлено, что одним из участников этой к/р организации являлся Петров Петр Поликарпович»¹⁹. Петров был расстрелян в 1941 г.

Однако все эти события произошли гораздо позднее, а в начале 1920-х гг. молодой советский писатель Всеволод Иванов продолжает работу над созданием «партизанских повестей»: в 1922 г. печатаются «Бронепоезд 14-69» и «Цветные ветра». Материалом для них служат впечатления, которые Иванов почерпнул в Сибири и которые отсылают к другим, тоже сибирским, историческим контекстам. Они дают возможность рассмотреть вопрос об исторической достоверности ивановских партизан с иной стороны.

Восстанавливая на основе недавно выявленных и систематизированных документальных источников сибирскую биографию Иванова 1917–1920 гг. и творческую историю «партизанских повестей», приходится признать, что слова Петрова о том, что «автор не знает настоящих партизан», недалеко от истины. Вспомним и признание самого Иванова в автобиографии 1925 г.: «Легенды о моей партизанской деятельности надо оставить. Партизан я видел мало, много записывал рассказов о них среди крестьян»²⁰.

В период с конца 1918 г. и весь 1919 г., когда по всей Сибири полыхают антиколчаковские партизанские восстания, Иванов находится в Омске – Третьей столице России. Сначала работает в типографии, публикует рассказы и очерки в омской периодике, посещает литературные кружки. Летом или в начале осени, чтобы избежать мобилизации в армию Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, он попадает во фронтовую передвижную газету «Вперед», по основным вопросам поддерживающую омскую власть. Наборщик, а затем и военный корреспондент этого издания, Иванов оказывается на «белом» фронте. Здесь он общается, как мы можем теперь узнать из его корреспонденций «Очерки фронта. У черты», напечатанных в сентябре – ноябре 1919 г. в народной газете «Сибирский казак», с солдатами и офицерами Сибирского казачьего войска. Именно там молодой писатель понимает, что красные и белые солдаты – это мужики, бывает, что из одной и той же деревни, оторванные от земли и в равной степени не желающие воевать: «...ранили, брат, ногу черт один рубанул. – Красный? – А то что? Да ведь наш, сызранский. Вот он»²¹ (очерк от 23 сент.), – рассказывает автору «знакомый солдатик». Близость «красных» и «белых» автор подчеркивает описанием одной мечты, которой будут томиться все воюющие крестьяне. Это стремление вернуться домой, на землю. «Урождает земля, скажу тебе, никто и роптать не мыслит. Чисто манна небесная... <...> Эх!.. када, думаешь, придет такое время, что работать без беспокойств можно? Без этой большевизии...»²² (очерк от 21 сент.). В повести «Партизаны» о земле любовно скажет партизан Селезнев. На вопрос Кубди: «Жалко землю, что ли?» – он ответит: «Землю, парень, зря бросать нельзя. <...> От бога заказано землю любить»²³.

Встреча Иванова с реальными партизанами происходит только в конце декабря 1919 г. при отступлении колчаковской армии, когда он уезжает вместе с вагонно-типографией «Вперед» на восток, не дожидаясь прихода Красной армии. Об общении с партизанами Иванов рассказывал в своей автобиографии, опубликованной, как и автобиографии других «серапионовых братьев», в журнале «Литературные записки» в 1922 г., а впоследствии, в 1957 г., – в воспоминаниях «История моих книг». В двух источниках рассказы разные, что дает основание сомневаться в

их достоверности. В автобиографии партизаны останавливают некий поезд, старика генерала убивают у вагона, добровольцев, человек тридцать, расстреливают, и Иванова, в офицерских погонах, тоже собираются. Останавливает их спор о Боге и принесенные Ивановым из вагона мешок муки и бочонок масла. В итоге партизан Селезнев (эту фамилию имеет руководитель партизанского отряда в повести «Партизаны») пьет с пленным Ивановым всю ночь, «спорит о Боге и треперстном кресте» и отпускает его²⁴. В поздних воспоминаниях о встрече с партизанами Иванов напишет по-другому: «На станции Ояш мы наконец встретили партизан. Ночью я сидел среди мужиков в жарко натопленной избе, за столом... <...> Время от времени скрипела дверь, мохнатая и узкая, вбегал мужик и, жалуясь на то, что никто никому не помогает, просил подкрепления у командира отряда. Командир вздыхал, ворчал, поворачивался ко мне и начинал, запинаясь на каждом слове и прикрывая рот рукой, диктовать приказ». Иванов пишет, что «прекрасно помнит эти дни»: «... рассказы партизан, длинные ночи в лесных избушках и бураны, угрюмые, ненасытные бураны за маленькими, забитыми снегом окнами»²⁵. Ко всему этому добавим еще тиф, которым Иванов заболевает в конце 1919 г. и о котором не раз упоминает.

Что было в реальности, сказать трудно, очевидно лишь то, что общение с партизанами не могло быть продолжительным. 11 декабря 1919 г. Реввоенсовет Республики издает специальный приказ о мерах борьбы с партизанщиной в Красной Армии, в соответствии с которым «категорически запрещено существование партизанских отрядов, оказавшихся на освобожденной от белых территории, как самостоятельных боевых единиц. Не подчинившиеся отряды предписывалось подвергать беспощадной каре, особенно их командный состав и кулацкие верхи»²⁶.

Власти имели основание уже тогда опасаться красных партизан. Не прошло и нескольких месяцев после взятия красными Омска, как в разных уездах Сибири стали вспыхивать антибольшевистские восстания с их участием. Приведем фрагменты хроники событий в 1920 г.:

«**Март** – волнения бывших красных партизан в Славгородском уезде, разгром коммунистических ячеек и ревкомов. <...>

3 мая – начало июля – анархистский мятеж части бывших партизан роговцев в Причерноморском крае (на стыке Барнаульского и Кузнецкого уездов Алтайской и Томской губерний). До 2 тыс. участников. Подавлен при сочетании карательных мер и уговоров.

Июль – антисоветский “Колыванский мятеж” в местности к северу от Новониколаевска, 5–6 тыс. участников. Подавлен. <...>

Июль – антисоветское крестьянское восстание с участием некоторой части красных партизан в Степном Алтае. В ходе восстания возникла

Народная повстанческая армия, до 18 тыс. участников. <...>

20-е числа сентября – “лубковщина” – анти-советское восстание бывшего красного, а теперь фактически “зеленого” партизанского командира П. К. Лубкова в союзе с отрядом бывшего колчаковского карателя Окунева в Мариинском уезде Томской губернии. Количество повстанцев – до 2,5 тыс. Жестоко подавлено»²⁷.

Именно в это время, летом 1920 г., Иванов работает в газетах «Красный путь» и «Советская Сибирь», по долгу службы разъезжает по разным уездам Сибири. Происходящие события ему хорошо известны.

Как видно, не случайно в повести «Партизаны» командиром отряда становится богатый мужик Селезнев, представляющий те самые «кулацкие верхи», упомянутые в приказе РВСР. Верными исторической правде, когда красные партизаны сражались сначала с Колчаком, а спустя немного времени – с Советской властью, задавившей их продрозверсткой и не дававшей работать на земле, оказываются и ивановские герои, плохо разбирающиеся в политике. Вспомним разговор будущего партизана Кубди с женой подрядчика Емолина:

«Женщина рассмеялась.

– Кучья их знат. Нонче все наоборот. Вон царя-то в Омске не русского посадили и икватером зовут.

Емолин рассмеялся жиденьким смехом.

– Необразовщина, прямо – тайга!.. Видмеди вы. Колчак-от старого роду, бают, и ни царь, – а диктатёр...

– Одна посуда-то, – сказал Кубдя»²⁸.

Не случайно и поведение партизан во время сражения. Для сравнения приведем два фрагмента предпоследней главы повести из изданий разных лет – первоначальный текст и поздний, исправленный редакторами. В первом после крика атамановцев «Ура-а!» происходит следующее:

«От этого слабого крика ли, или от чего другого, но все – и атамановцы, и мужики почувствовали, что кому-то нужно от кого-то бежать.

И партизанам захотелось кричать.

Они остановились и закричали не своим голосом:

– У-а-а-а...»²⁹.

В издании 1958 г.:

«От этого слабого крика ли, или от чего другого, но атамановцы почувствовали, что им плохо и что им нужно бежать.

Атамановцы остановились и закричали уже не своим голосом:

– У-а-а-а...»³⁰.

Показательно, что в конце 1920-х гг., когда партией утверждалась новая концепция Гражданской войны, повесть Иванова «Партизаны», как и все его творчество, была объявлена реакционной. «Даже революция, – писал критик Г. Горбачев в 1928 г., – в этих условиях оказыва-

ется цепью диких случайностей, обусловленных метанием людей, потерявших равновесие и ставших игрушкой инстинктивных порывов. Так, в “Партизанах” случайно и ненужно нанимаются плотники к Емолину; благодаря пьяной драке из-за самогона становится вождем партизан богатый крестьянин Селезнев, бессмысленно ведут себя в бою атамановцы и еще бессмысленнее партизаны, и лишь через ряд немотивированных случаев совершается неизбежное течение событий: восстание крестьянства против Колчака и первоначальный разгром партизан регулярными войсками белых»³¹.

Выявленные исторические и литературные контексты многое проясняют в повести Вс. Иванова «Партизаны», в свою очередь, это произведение писателя, в целом верное исторической правде, способствует лучшему пониманию событий Гражданской войны в России.

Примечания

- ¹ Львов-Рогачевский В. Новый Горький (Всеволод Иванов) // Современник. 1922. № 1. С. 159.
- ² Воронский А. Всеволод Иванов // Воронский А. Искусство видеть мир. М.: Советский писатель, 1987. С. 207.
- ³ Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 167–168.
- ⁴ Воронский А. Указ. соч. С. 202.
- ⁵ Там же. С. 205.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 163.
- ⁸ Воронский А. Указ. соч. С. 206.
- ⁹ Неверов А. В кругу заколдованном (О «Партизанах» Вс. Иванова) // Корабль. 1923. № 7–8. С. 3.
- ¹⁰ Яковенко В. Партизанское движение и художественная литература // Известия. 1924. 3 авг. С. 3.
- ¹¹ Топоров А. Крестьяне о писателях. Изд. 2-е. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1963. С. 248–249.
- ¹² Петров П. Партизаны // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 5–6.
- ¹³ Штырбул А. Всеволод Иванов в Сибири: Страницы творческой биографии в контексте истории (1917–1921). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. С. 109–110.
- ¹⁴ Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.: сб. документов. Ч. 1. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1978. С. 52.
- ¹⁵ Штырбул А. Указ. соч. С. 111.
- ¹⁶ Петров П. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁷ См.: Шекшеев А. В. Г. Яковенко – сибирский партизан, народный комиссар. URL: <https://istorija.ru/articles.html/russia/jakovenko/> (дата обращения: 10.12.2020).
- ¹⁸ Топоров А. Указ. соч. С. 249.
- ¹⁹ «Не допахал я начатое поле». URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Popov/08.htm> (дата обращения: 20.12.2020) (Сообщено И. Г. Топоровым).
- ²⁰ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / отв. ред. Н. В. Корниенко; сост. Е. А. Папкова]. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 367.
- ²¹ Там же. С. 276.

- ²² Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69» : Контексты эпохи. С. 272.
- ²³ *Иванов Вс.* Партизаны // Иванов Вс. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. М. ; Л. : Госиздательство, 1928. С. 157.
- ²⁴ См.: Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69» : Контексты эпохи. С. 365–366.
- ²⁵ Там же. С. 387, 390.
- ²⁶ Там же. С. 359.
- ²⁷ Там же. С. 716.
- ²⁸ *Иванов Вс.* Партизаны. С. 107.
- ²⁹ Там же. С. 171.
- ³⁰ *Иванов Вс.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 1. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 171.
- ³¹ *Горбачев Г.* Всеволод Иванов // Горбачев Г. Современная русская литература. Л. : Прибой, 1928. С. 225.

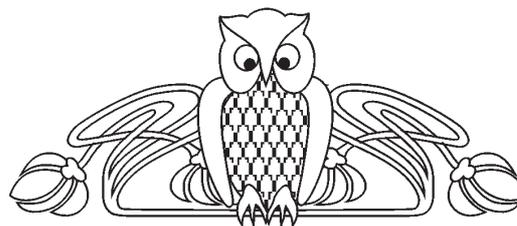
Поступила в редакцию 11.01.2021, после рецензирования 18.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 11.01.2021, revised 18.01.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 203–207
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 203–207

Научная статья
УДК 821.512.133.09-31+929Чулпан
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-203-207>

Влияние русской литературы на творчество Чулпана: роман «Ночь и день»

Г. А. Асилова

Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, Узбекистан, 100100, г. Ташкент, ул. Юсуфа Хос Ходжиба, д. 103

Асилова Гулшан Асадовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры узбекского языка, gulshanasilova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8462-7120>

Аннотация. Роман «Ночь и день» впервые был опубликован в журнале «Советская литература» в 1934 г., но вскоре был запрещен. В 1989 г. вышел русский перевод романа. Влияние школы русской романистики проявляется в конфликте, композиции, образной системе произведения. В статье роман «Ночь и день» раскрывается с точки зрения литературных влияний на автора. При анализе идейного замысла, сюжетной линии, драматических эпизодов произведения приводятся аналогии из классической русской литературы.

Ключевые слова: Абдулхамид Чулпан, узбекский роман, «Ночь и день», джадидизм, социально-психологический роман, русская литература

Для цитирования: Асилова Г. А. Влияние русской литературы на творчество Чулпана: роман «Ночь и день» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 203–207. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-203-207>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-203-207>

The influence of the Russian literature on Chulpan's oeuvre: Novel *Night and Day*

G. A. Asilova

Tashkent State University of Uzbek Language and Literature, 103 Yusuf Khos Khojib St., Tashkent 100100, Uzbekistan

Gulshan A. Asilova, gulshanasilova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8462-7120>

Abstract. The novel *Night and Day* was initially published in the journal *Sovetskaya Literatura* (Soviet Literature) in 1934, but was soon banned. In 1989 the Russian translation of the novel was published. The influence of the Russian novel writing school is manifested in the conflict, composition and imagery of the work. In this article, the novel *Night and Day* is reviewed from the point of view of literary influences on the author. While analyzing the ideological concept, storyline and dramatic episodes of the novel, the author gives some analogies from the classical Russian literature.

Keywords: Abdulhamid Chulpan, Uzbek novel, *Night and Day*, Jadidism, social and psychological novel, Russian literature

For citation: Asilova G. A. The influence of the Russian literature on Chulpan's oeuvre: Novel *Night and Day*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 203–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-203-207>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Поэт, прозаик, драматург, публицист, литературный критик, переводчик Абдулхамид Сулейман Чулпан (1898–1938) родился в узбекском городе Андижане в просвещенной семье. Абдулхамид получил сначала религиозное, затем светское образование, прекрасно владел русским языком. Идеи джадидизма, овладевшие умами интеллигенции Туркестана в конце XIX в., нашли свое отражение в ранних произведениях

Чулпана. Пробуя себя в различных жанрах, писатель через героев своих произведений старается передать сформированное к тому периоду новое мировоззрение джадидов. Но поскольку основная масса народа не имела образования, идеи джадидского течения проникали в массы в основном через театральные постановки¹.

Расцвет творчества Чулпана приходится на 1930-е гг. Но казнь сорокалетнего писателя и после-

дующее за ним забвение на долгое время вычеркнули его имя из литературы. По воспоминаниям известного литературного критика О. Шарафиддинова, в послевоенные годы самыми популярными среди читателей были романы репрессированных Абдуллы Кадыри и Чулпана «Минувшие дни», «Скорпион из алтаря», «Ночь и день», эти книги тайно переходили из рук в руки².

На сегодняшний день наблюдается повышенный интерес к наследию Чулпана, изучаются архивные документы и проводятся исследования. В то же время необходимо отметить, что вопросы общественной деятельности и творческого пути писателя практически не раскрыты³. Проведение исследований усложняется еще и тем, что документы, имеющие непосредственное отношение к туркестанской ветви джадидского движения, рассеяны по всему миру.

В литературном наследии Чулпана особое место занимает роман «Ночь и день», который считается первым социально-психологическим романом в узбекской литературе. Действие происходит в одной из волостей колониального Туркестана в период заката Российской империи. Роман был задуман как диалогия, и это было заявлено не только самим автором, но и отмечено в архивных документах 30-х гг. XX в. его соратником С. Хусайни⁴, который утверждал, что Чулпан успел завершить его вторую часть. Предполагательно, в части «День» писатель должен был изобразить светлую жизнь и торжество Советской власти. Возможно, подобный лейтмотив мог бы спасти его от казни. Но по прошествии десятилетий вторая часть так и не была найдена, и это породило сомнения относительно ее существования. По мнению М. Кушжонов, Чулпан не мог в продолжении мрачного сюжета о жизни колониального Туркестана изобразить молодую большевистскую власть в оптимистических красках⁵. Говоря о бунтарском духе писателя, который не признал бы новую власть так скоро, ученый считает роман завершенным произведением. Аналогичного мнения придерживается Н. Каримов, утверждая, что главная идея писателя нашла завершение в первой книге, и это дает основание считать роман законченным⁶. К. Форт, переводчик произведений Чулпана на английский язык, также предполагает, что вторая часть произведения не была запланирована. Он указывает на символы недосказанности в произведениях Чулпана, что не позволило писателю поставить точку в романе, а такая характерная особенность сюжета соответствовала его эстетическому замыслу⁷. Д. Куронов опровергает вышеперечисленные мнения, опираясь на ряд архивных документов. В своих работах он настойчиво называет роман «Ночь». В сюжете романа и в действиях персонажей отражены мрачные реалии жизни Туркестанского края в период нравственного упадка, духовной деградации, что ассоциируется с ночью. Ученый приводит цитату из последнего

выступления Чулпана в номере газеты «Красный Узбекистан» от 18 июня 1937 г., посвященного М. Горькому, и этим подчеркивает, что творчество пролетарского писателя оказало сильное влияние на его романы⁸. Опираясь на эти данные, он предполагает, что к моменту опубликования вышеуказанной статьи Чулпан закончил свой второй роман под названием «День». Развивая эту мысль, он выдвигает свою версию о дальнейшей судьбе Мирякуба, который должен был расти под влиянием джадидов и занять место в ряду таких героев русской литературы, как Клим Самгин и Григорий Мелехов⁹.

По хронологии «Ночь и день» появляется в узбекской литературе после романов Абдуллы Кадыри и Садриддина Айни. Сопоставляя «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри с романом Чулпана, Д. Куронов отмечает, что в последнем раскрывается не цепь событий, а характер личности, душевные перипетии, происходящие в ней. В этом он видит особый вклад писателя в развитие узбекской романистики¹⁰. К тому времени, когда Чулпан «созрел» для создания своего произведения, как в западной, так и в русской романистике довольно успешно проводились исследования человеческой души, демонстрирующие возможности пера в раскрытии психологии личности. Чулпан впервые использовал эти методы в узбекской прозе. Успех романа «Ночь и день» объясняется тем, что Чулпан как переводчик произведений известных советских и зарубежных писателей воспользовался их лучшими достижениями и художественным опытом¹¹. Заметим, что многочисленные аналогии с произведениями русской литературы, проглядывающиеся в сюжетной линии и образах-характерах, не являются случайными.

Как известно, в начале 1930-х гг. Чулпан перевел на узбекский язык роман «Мать» и пьесу «Егор Булычев и другие» М. Горького, повесть «Дубровский» и драму «Борис Годунов» А. С. Пушкина, а также ряд произведений зарубежной литературы. Большой поклонник русской литературы, культуры, театра, спутницей жизни Чулпан выбрал Екатерину, русскую по происхождению. Очевидно, что и пик его творчества пришелся на период, когда он из-за гонений на родине был вынужден жить в Москве. Эпиграфом к первому изданию романа была выбрана цитата М. Горького: «Просвещение формируется через сравнение, а у нашей молодежи нет возможности сравнить увиденное ни с чем, она не знает прошлого и поэтому не может в полной мере понимать суть настоящего»¹². Ведь роман отражает недалекое прошлое, которое должно знать молодое поколение, растущее при новой власти. Еще в 1926 г. Абдулла Кадыри в предисловии к роману «Минувшие дни» писал: «Благое это дело, когда, приступая к новому, оглядываешься на прошлое, гласит народная мудрость. Памятуя об этом, я решил посвятить свое

повествование прошлому, недавно минувшим дням, самым кровавым, грязным и темным дням истории нашей – “времени последних ханов”¹³. Выбор Чулпаном для эпиграфа вышеупомянутой цитаты М. Горького вполне понятен – роман был опубликован в журнале «Советская литература». Однако во всех последующих изданиях эпиграф поменяли на узбекскую поговорку о Хамале (начало весны)¹⁴.

Размышляя о литературном влиянии на Чулпана, З. Касымова отмечает его интерес к творчеству М. Арцыбашева – любимого писателя героини романа Марии Астровой. Судя по приведенным параллелям, касающимся «телесной» темы в двух романах, писателя привлекает конфликт между телом человека и его душой¹⁵. С. Мамажонову роман видится произведением, состоящим из самостоятельных, но взаимодействующих сцен, вследствие чего драматизм в нем преобладает над повествованием¹⁶. Причиной тому является влияние драматургического опыта писателя. Особенно яркими и экспрессивными являются сцены, где характер персонажей раскрывается неожиданным образом. Это привело к различным толкованиям относительно главных героев романа.

Существуют мнения, что главной героиней романа является Зеби¹⁷. Однако с этим трудно согласиться, поскольку Зеби нам видится одной из ключевых фигур, но не единственной. На наш взгляд, ни одного из персонажей нельзя выделить как «главного героя», так как сюжетные линии и основная идея романа концентрируются вокруг Зеби, Мирякуба и Шарафутдина Ходжаева. В ранних исследованиях романа отмечено, что история Зеби выдвигает на передний план тему о правах женщины, которая испокон веков была актуальной на Востоке¹⁸. Это ярко выражено в первых главах, где через Зеби раскрываются персонажи, связанные с ней. Чулпан изобразил свою юную героиню с такой же нежностью, как Толстой нарисовал Наташу Ростову. Трагедия, случившаяся с Зеби, привела ее на скамью подсудимых. В сцене суда над Зеби писатель выплескивает всю палитру своих чувств и эмоций, противопоставляя простодушие и беззащитность молодой девушки хитрости и коварству слуг закона. Здесь можно увидеть влияние на автора толстовского величия и гоголевского сарказма одновременно. Проводя аналогию с романом «Воскресение» Л. Толстого, заметим сходство сцен судебных заседаний над Катериной Масловой и Зеби. Тот же страх, бессилие неграмотной женщины перед всемогущим судом, состоящим из невежественных и безнравственных людей, злоупотребляющих правом судить человека, не желая вникать в саму трагедию, не стараясь понять и увидеть ее истинные причины. Судебный протокол описан автором с едкой иронией. «Если говорить по справедливости, то надо признать, что протоколы были написаны

прекрасным почерком. Как будто паровоз тащит за собой буквы. А такие, как “д” и “б” – это настоящий паровозный дымок! Не протоколы, а железная дорога!» Стремительное начало заседания выездного состава краевого суда и его течение усиливают драматизм сцены. Сначала перед нами вырисовывается переводчик: «Переводчик был не из тех служебных лис, пасущихся в суде, а из новых, которого никто не знал. Говорят, он был почтовым работником, несмотря на местное происхождение...»¹⁹. Писатель открыто насмехается над судом, выбравшим для пущей «справедливости» местного переводчика.

Не менее мастерски изобразил автор адвоката Зеби: «Но вот адвокат был человек совсем из другого мира! Он был из военных господ. Говорят, некогда он проворовался где-то на окраине Туркестана. Крал будто бы из государственной казны. И по закону его следовало бы отправить на каторгу. Но поскольку жил он в весьма жаркой стране, над ним вздымалась тенистая сень его опекунов. И они не дали ему пропасть. В их тени он лишился лишь воинских почестей, а затем, как лицо сугубо гражданское, выбрал себе высылку из одного конца солнечного края в другой, где и устроился по опыту своей деятельности адвокатом. И впрямь, чего стоит дурачить людей человеку, одурачившему целое государство?»²⁰. Едкий сарказм автора в описании судебного заседания напоминает гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», переведенную им на узбекский язык. Приведем отрывок из сцены встречи двух поссорившихся друзей у Гоголя: «Нет!.. не могу!.. Дайте мне другое перо! Перо мое вяло, мертво, с тонким расщепом для этой картины!.. Все стихло! Это была картина, достойная кисти великого художника!»²¹. Что касается писателя, здесь тоже автор не жалеет колких выражений: «...писарь нередко путался в обозначении местных имен, а именно Акбарали в одном случае идет у него как Умарали, в другом как Амироглы, и наконец, даже как Камбар-вали... А впрочем, какое это имеет значение? Что требовать от пера, если язык не выговаривает этих имен? Не все ли равно, Акбар или Камбар? Имя-то туземное!»²².

И у Толстого в «Воскресенье», и у Чулпана в его романе дана подробная характеристика судебных документов; обе героини обвиняются в отравлении ядом, о чем сами не знали; обеих героинь ссылают в Сибирь; свидетели дают показания только против обвиняемых и т.д. Сопоставление речей прокуроров в сценах суда показывает, что оба прокурора называют обвиняемых опасными для общества²³. Очень похожи также характеристики жертв преступления устами обвинителей. Прокурор в своем выступлении, говоря о мингбаши, пытается возвысить жертву бытового преступления до национального героя: «Убитый был известен своей верностью Россий-

скому государству и царю. Его ненавидели “молодые сарты”, особенно те элементы, которые идейно связаны с нашим врагом – Турцией»²⁴. Судебная характеристика Смелькова: «Купец Смельков, по определению товарища прокурора, был тип могучего нетронутого русского человека с его широкой натурой, который вследствие своей доверчивости и великодушия пал жертвою глубоко развращенных личностей, во власть которых он попал»²⁵. Отличаются же они тем, что у Чулпана судебный процесс олицетворяет политическую обстановку в колониальном Туркестане.

Еще одну аналогию с романом «Воскресенье» можно увидеть в истории Мирякуба и Марии Астровой. Вызволнение Марии из публичного дома отождествляется с аналогичными сюжетными линиями из романа «Воскресение» Л. Толстого, повести «Яма» А. Куприна. В первом случае героя приводит к этому чувство вины, во втором – гуманистические взгляды²⁶. В сцене, изображающей внутренний конфликт Мирякуба с самим собой, впервые в узбекской реалистической литературе использован метод самоанализа, и в этом отмечено влияние романа «Воскресение»²⁷: «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один – духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой – животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира»²⁸. Как и в Нехлюдове, в Мирякубе тоже живут два антипода. На наш взгляд, в эволюции сознания Мирякуба заметно влияние романа «Мать» М. Горького. Как и Павел Власов, который должен был вступить на путь революции, Мирякуб идет по новому пути, проявив интерес к политике. Здесь же писатель раскрывает новые черты своего героя посредством дневников Марии. Это своего рода прием психологического изображения героя, как в «Герое нашего времени» М. Лермонтова, в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя. Необходимо отметить, что данный прием также используется Чулпаном впервые в узбекской прозе.

В сцене знакомства Мирякуба с джадидом Чулпан устранился как автор и передает «бразды правления» своему герою. Почему он так поступил? В 30-е гг., когда началась волна репрессий, было бы очень опасно изображать героя-джадида от имени автора. Этим объясняется переход к диалогу между Ходжаевым и Мирякубом. Автор вынужден был наблюдать за политической беседой своих героев «со стороны». Но даже его нейтральное отношение к Ходжаеву можно расценивать как творческий подвиг, так как впоследствии это явилось одной из причин причисления писателя к «врагам народа».

Роман «Ночь и день» остается одним из самых востребованных произведений среди узбекских читателей разных возрастов. На

сегодняшний день он переводится на разные языки, что говорит о неугасающем интересе к джадидской литературе. При заметном влиянии на него лучших традиций мировой, в особенности русской, литературы в романе ярко отражены жизнь и устои колониального Туркестана. Герои воплощают в себе все черты представителей разных сословий того времени. Идеи джадидского движения, подавленного в 30-е гг. XX в., вызывают особый интерес у современного читателя. Это привлекает к произведению большой интерес не только литературоведов, но и историков.

В заключение приведем наблюдение Н. Владимировой о творчестве писателя: «Размышления Чулпана над судьбой человека, чья жизнь подвластна то демоническому влиянию власти, то безудержному хаосу природной стихии, безусловно, подсказаны реалиями современной ему жизни. Писатель избегает здесь двух опасностей: ничем не оправданного розового оптимизма, который так поощрялся тогдашней политизированной литературой, и безнадежной “мировой” скорби. Ведь его герой, находящийся на распутье, не отчаивается, не теряет надежды. Вера в торжество человечности не покидает ни героя, ни автора»²⁹.

Примечания

- 1 См.: Брежнева С. Передовая культура джадидов в Средней Азии в начале XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 10 (92). С. 50–55.
- 2 См.: Шарафиддинов О. Чўлпонни англаш. URL: <http://www.e-adabiyot.uz/kitoblar/maqolalar/158-cholpon.html> (дата обращения: 20.12.2020).
- 3 См.: Ирзаев Б. Биз билган ва билмаган Чўлпон // Чўлпон ижоди ва замонавий адабий жараён. Тошкент: MASHNUR-PRESS, 2019. С. 215–240.
- 4 См.: Куронов Д. Чўлпон насри поэтикаси. Тошкент: Шарк, 2004. С. 146.
- 5 См.: Кушжонов М. «Кеча ва кундуз» романида образлар тизмаси // Ўзбек тили ва адабиёти. 1992. № 3–4. С. 8–12.
- 6 См.: Каримов Н. Чўлпон: маърифий роман. Тошкент: Шарк, 2003. С. 410.
- 7 См.: Форт К. «Кеча ва кундуз»нинг «Кундуз»и ёзилмаган. URL: <https://daryo.uz/k/2019/09/06/> (дата обращения: 20.12.2020).
- 8 См.: Куронов Д. Чўлпон насри поэтикаси. С. 98.
- 9 Там же. С. 193.
- 10 Там же. С. 156.
- 11 См.: Каримов Н. Cho'lpón: Ma'rifiy roman. Toshkent: Sharq, 2003. С. 79.
- 12 Куронов Д. Кеча поэтикасининг ўзига хослиги хақида. URL: <http://uz.denometr.com/docs/768/index-281236-1.html?page=5> (дата обращения: 24.12.2020).
- 13 Кадыри А. Минувшие дни / пер. с узб. М. Сафарова. Ташкент: Шарк, 2009. С. 21.

- ¹⁴ См.: *Чулпон*. Яна олдим созимни. Тошкент : Ф. Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1991. С. 21.
- ¹⁵ См.: *Касымова З.* Об одном литературном влиянии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 4 (82). С. 166–169.
- ¹⁶ См.: *Мамажонов С.* Чўлпоннинг насрий ижоди // Ўзбек тили ва адабиёти. 1991. № 6. С. 10–12.
- ¹⁷ См.: *Лутфиддинова Х.* Зеби, Зебона... Тошкент : Ўзбекистон, 1993. С. 12.
- ¹⁸ См.: *Шарафиддинов О.* Мустафо Чўкай, Чўлпон, От-ажон Ҳошим. Тошкент : Шарқ, 1993. С. 124.
- ¹⁹ *Чулпан*. Ночь и день / пер. с узб. Х. Исмаилова // Звезда Востока. 1989. № 10. С. 65.
- ²⁰ Там же. С. 66.
- ²¹ *Гоголь Н. В.* Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1987. С. 197.
- ²² *Чулпан*. Указ. соч. С. 66.
- ²³ См.: *Куронов Д.* Чўлпон насри поэтикаси. Тошкент : Шарқ, 2004. С. 234.
- ²⁴ *Чулпан*. Указ. соч. С. 77.
- ²⁵ *Толстой Л.* Воскресенье. Роман. М. : Художественная литература, 1984. С. 73.
- ²⁶ См.: *Куронов Д.* Чўлпон насри поэтикаси. С. 171.
- ²⁷ Там же. С. 175.
- ²⁸ *Толстой Л.* Указ. соч. С. 53.
- ²⁹ *Владимирова Н.* Возвращение «Клеопатры» // Правда Востока. 1992. 7 апр. С. 3.

Поступила в редакцию 05.02.2021, после рецензирования 08.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 05.02.2021, revised 08.02.2021, accepted 10.02.2021

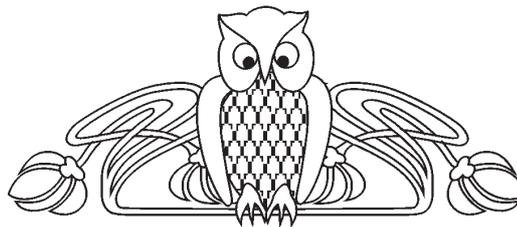

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 208–211
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 208–211

Научная статья
УДК 821.161.109-3+929Солженицын
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-208-211>

Письменный стол Солженицына в Норвегии

Г. М. Алтынбаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, gulnarama@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Аннотация. В статье на материале мемуарных очерков «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», писем А. И. Солженицына проанализирован образ Норвегии, в которой писатель с семьёй собирался поселиться в случае высылки из России, так как чувствовал в норвежской жизни родство с русской, называл Норвегию «второй родиной». Автор статьи рассматривает Норвегию как важную точку в мировоззренческой географии А. И. Солженицына.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», Норвегия, мировоззренческая география писателя

Для цитирования: Алтынбаева Г. М. Письменный стол Солженицына в Норвегии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 208–211. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-208-211>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-208-211>

Solzhenitsyn's writing desk in Norway

G. M. Altynbayeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gulnara M. Altynbayeva, gulnarama@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Abstract. The article analyzes the image of Norway in A. I. Solzhenitsyn's memoir sketches *The Oak and the Calf* and *Between Two Millstones* and his letters. The writer intended to settle there in case he was exiled from Russia, because he felt the affinity of living in Norway with that in Russia, he called Norway his 'second motherland'. The author of the article considers Norway as a significant place in A. I. Solzhenitsyn's worldview geography.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, *The Oak and the Calf*, *Between Two Millstones*, Norway, writer's worldview geography

For citation: Altynbayeva G. M. Solzhenitsyn's writing desk in Norway. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 208–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-208-211>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Связи А. И. Солженицына с Норвегией устанавливаются в 1969 г. В то время против писателя развернулась кампания¹. Одними из первых в поддержку Солженицына выступили норвежские деятели культуры. Так, 18 декабря 1969 г. собственный корреспондент парижской газеты «Русская мысль» Яков Эвланд сообщил о готовности Норвегии принять писателя, назвав этот поступок образцом национального уважения к большому людям всех стран и символом общечеловеческой солидарности². В «Нобелевской лекции» Александр Исаевич специально отметит

предохранившую его от худших гонений стену защиты, которую выдвинули зарубежные писатели, особенно норвежские с их гостеприимным предложением о крове³. В очерках «Бодался телёнок с дубом» читаем: «На Западе – отзвон изрядный. И норвежцы <...> предложили мне даже приют у себя почётную резиденцию Норвегии, присуждаемую писателю или художнику. “Пусть Солженицын поставит свой письменный стол в Норвегии!” Несколько дней я ходил под тем впечатлением. Вторая родина сама назвалась, сама распахнула руки»⁴.

Благодаря норвежской дипломатической почте с помощью своих скандинавских «невидимок» (шведского журналиста Стига Фредриксона, работавшего на норвежское телеграфное агентство, корреспондента норвежской газеты «Aftenposten», историка, политолога Нильса Мортена Удгорда, норвежского журналиста, корреспондента норвежской газеты «Aftenposten» Пера Эгила Хегге и др.) из СССР на Запад Солженицын пересылал свои тексты. С. Фредриксон вспоминает⁵, что норвежские дипломаты и редакторы четырёх информагентств, с которыми он сотрудничал, были полностью осведомлены о содержании писем и конвертов, которые он им передавал, не возражали, знали и о тайных встречах Фредриксона с Солженицыным. Наталия Дмитриевна Солженицына в интервью Биби-си подтвердила, что именно норвежские и шведские журналисты всегда были смелее всех в оказании помощи диссидентам⁶.

В январе 1974 г., когда в газете «Правда» – в ответ на публикацию «Архипелага ГУЛАГ» на Западе – вышла резонансная статья против Солженицына⁷, вновь возникла угроза высылки на Запад, и вновь Солженицын был уверен, что поселится именно в Норвегии⁸. 13 февраля 1974 г. Солженицына выслали из России, депортировав в ФРГ. А 14 февраля в личной записке Стигу Фредриксону Солженицын признается: «Норвегия моя становится под вопросом»⁹.

22 февраля 1974 г. Солженицын «на девятый день изгнания поехал в Норвегию искать пристанища»¹⁰. 23 февраля 1974 года эмигрантская газета «Новое русское слово» сообщила, что Солженицын по норвежской туристической визе, выданной на три месяца, выехал международным экспрессом через Западную Германию в Копенгаген, оттуда – в Норвегию, где он, по видимому, намерен поселиться¹¹.

Во время двухдневной поездки Солженицын вместе с журналистом Пером Хегге и норвежским художником Виктором Спарре посетит Осло и окрестности, выступит по местному телевидению, посмотрит в кинотеатре экранизацию «Одного дня Ивана Денисовича»¹², встретится со Стигом Фредриксоном («Родной, рад я ему был как!» (56)), чтобы «обменяться планами, вопросами, ходом дел»¹³, переночует в доме художника Якоба Вейдеманна.

Чем же вызвана «большая симпатия» Солженицына к Норвегии ещё до путешествия?

В первую очередь, им двигала благодарность за поддержку в трудные дни, а ещё – гарантия безопасной жизни: «...председатель парламента, указав на свод законов, обещал их полную защиту, пока стоит Норвегия» (55).

Во-вторых, по убеждению Солженицына, бывшего зэка, норвежский климат был идентичен русскому¹⁴, «северная снежная страна, много ночи» (54).

В-третьих, сходство народного быта русского и норвежского, а значит – и возможное сходство менталитетов¹⁵, много «печей, много дерева в быту и посуда щепенная, и (по Ибсену, по Григу) какое-то сходство быта и народного характера с русским» (54).

В-четвертых, Солженицына расположил к себе норвежский характер, упорство и смелость, с которым «невидимки»-норвежцы помогали в деле пересылки архива: благородный, спокойный, уверенный Нильс Удгорд¹⁶; «норвежцы сохранили долю спасительного душевного идеализма, которого всё меньше в современном мире, но который только один и даёт человечеству надежду на будущее» (55). Импонировала норвежская гордость и нежелание забывать обиды: «...норвежцы – духом твёрдые, единственные в Европе, кто ни минуты не прощал и не забывал Чехословакии»¹⁷; показательна история разоблачения норвежским журналистом Пером Хегге низости шведского посла Ярринга (319–320). Родственно Солженицыну с его позицией «жить не по лжи» было и норвежское национальное твёрдое стремление доказать правоту и отстоять её, норвежский стоический характер, мужество; и как образец – Тур Хейердал и его знаменитое путешествие на плоту «Кон-Тики» (55).

Что открылось в Норвегии и норвежцах Солженицыну во время короткой поездки?

Любя родную природу¹⁸, не мог писатель не обратить внимания на необычность скандинавской природы: «Но главный поиск мой был – фиорд, какой-нибудь фиорд для первого присмотра, и мы <...> поехали мимо главного норвежского озера Мьёсиншэ с голубой водой, валунными берегами, а выше – чёрно-лесистыми горками; и дальше долинами реки Леген и Гудбрандской, углубляясь в норвежские горы, суровые, с причерно обнажённых отвесных скал, до фиолетовости тёмной синевои оснований и замёрзшими на высоте сине-зелёными водопадами» (55).

Неожиданностью стала поведенческая простота властимущих, которую не встречал до этого Солженицын: норвежский король и министр иностранных дел ходят пешком по Осло и без охраны.

Как русский человек, Александр Исаевич был рад гостеприимству новых норвежских друзей, их норвежско-русской радушности и братству.

Как и в других странах, Солженицын неизменно обращает внимание на духовную жизнь. Оказавшись в Норвегии, он заметил давнюю связь христианства (лютеранства) с язычеством: «Ехали мимо деревянных церквей – зданий ещё IX века, с языческими украшениями на крышах <...>, перед входом в ограду – столб с железным замыкаемым ошейником для выставяемых грешников (не в одной проклинаемой России подобные меры применялись!) и оружейными хижинами перед церковью, где вооружённые прихожане оставляли оружие» (55).

Неудивителен и кульминационный вопрос, возникший у Александра Исаевича: «Так норвежцы мне по духу – наиболее близкие в Европе?» (55). Постоянно раздумывая, оценивая, присматриваясь к Норвегии как потенциальному месту жительства, писатель признается: «Суровость, зимность и прямота этой страны прилегли к самому сердцу. Верно я предчувствовал: такое где ещё сегодня найдёшь на изнеженном Западе? В этой обстановке – я мог бы жить» (55).

О чем мечтал Солженицын? О доме в норвежской глуши с видом на высокий обрывистый берег фиорда и на вечно бегущий стальной океан. Но, оказавшись там («Не виделся тот обрыв, на котором у самого океана ставить бы дом изгнанника» (56)), пришлось вдруг прямо противоположное решение: «А вот норвежское побережье, изнутри Союза казавшееся мне какой-то скальной неприступностью, вдруг дало себя тут понять как уязвимая и желанная атлантическая береговая полоса Скандинавии, вдоль неё недаром всё шныряют советские подводные лодки, – полоса, которую, если война, Советы будут атаковать в первые же часы, чтобы нависнуть над Англией. Почти нельзя было выбрать для жительства более жаркого места, чем этот холодный скальный край» (56). Биограф Солженицына Л. И. Сараскина подчёркивает, что норвежское побережье для писателя-изгнанника было крайне уязвимым¹⁹.

В итоге, побывав в Норвегии, А. И. Солженицын открыл для себя то, о чём и не думал: «Странно, что, живя в Союзе, мы никогда так не ощущали его нависающую силу, как сразу почувствовали здесь» (74). Вывод таков: «в Норвегии мне не жить. Дракон не выбрасывает из пасти дважды. А ещё за норвежские дни я задумался: на каком же языке будут учиться наши дети? Кто понимает норвежский в мире? А печатаешь что-нибудь в скандинавской прессе – в мире едва-едва замечают, или вовсе нет» (57). Даже в письме Л. К. и Е. Ц. Чуковским (25 марта 1974 г., Цюрих) Солженицын признался, что в Норвегии пугал язык²⁰. Так, удалённость от СССР, с одной стороны, внушала чувство спокойствия за жизнь, с другой стороны, открыла силу советской угрозы некоммунистическому миру, а незнание норвежского языка, как и в случае с французским языком, стало последним непреодолимым препятствием.

Да, предварительный выбор Норвегии как постоянного места жительства в случае изгнания вовремя был определён как ошибочный – не поставить письменный стол в Норвегии. Но, несомненно, эта страна заняла важное место на карте солженицынской мировоззренческой географии. В поисках «второй родины» А. И. Солженицын без поездки в Норвегию, наверное, не понял бы, что нужно исходить не из принципов сходства с Россией и русской жизнью, а следует придерживаться вопросов безопасности для жизни, условий и возможностей для работы над «Красным

Колесом», которое было главной целью его ближайшей писательской деятельности. 25 января 1975 г. он запишет в «Дневнике Р-17»: «Дальше так жить нельзя, из Европы надо уезжать, и в глушь. Надо выключиться из современности, одно спасение, иначе ни я и никто уже этого повествования не напишет»²¹. Записью от 9 июля 1976 г. завершится поиск пристанища – переезд в США по жизненным соображениям: «...окончательность места (особое ощущение для работы), простор, уединение, большая доступность архивов и русской среды»²². С лета 1976 г. по весну 1994 г. А. И. Солженицын с семьёй проживёт в Кавендише (Вермонт), получив там необходимую защиту и покой для работы²³.

Несмотря на краткое путешествие в Норвегию, писатель много успел увидеть, прочувствовал особенности природы, познакомился с бытом и повседневной жизнью норвежцев, проникся их менталитетом. При этом обозначение точек мировоззренческой географии важно, прежде всего, для понимания эстетики А. И. Солженицына. Её принципы раскрываются через выбор места поездки, его восприятие, знание истории посещаемой страны, чуткость к этическим и эстетическим нормам, которые свойственны народу, его быту, национальной картине мира в целом. Через открытия и через разочарования, о которых читаем на страницах путевых очерков, видятся нам важные особенности художественного метода писателя.

Примечания

- 1 См.: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 28. Бодался телёнок с дубом : очерки литературной жизни. М. : Время, 2018. С. 291.
- 2 См.: Эвланд Я. А. Солженицын и Норвегия // Русская мысль. Париж, 1969. 18 дек. (№ 2769). С. 4.
- 3 См.: Солженицын А. Нобелевская лекция // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 31.
- 4 Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 292.
- 5 См.: Фредриксон С. Солженицын. URL: <https://vk.com/@alexandsolzhenitsin-stig-fredrikson-solzhenitsyn> (дата обращения: 27.11.2020).
- 6 См.: Н. Д. Солженицына : «У нас было все готово на случай ареста» (14 февраля 2014) / беседовал корреспондент Би-би-си Том Эссломонт. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2014/02/140214_solzhenitsyna_interview (дата обращения: 27.11.2020).
- 7 Речь идет о статье И. Соловьева «Путь предательства» (Правда. 1974. 14 янв. (№ 14 (20253))). С. 4), которая развернула «травлю» Солженицына в газетах Москвы, Ульяновска, Томска, Ярославля и других городов СССР, что затем вызвала ряд публикаций в эмигрантской печати в защиту писателя.
- 8 См.: Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 601.
- 9 Записка А. И. Солженицына, адресованная С. Фредриксону. 14 февраля 1974. Лангенбройх (ФРГ). Цит. по: Фредриксон С. Солженицын. URL: <https://vk.com/@>

- alexandrsolzhenitsin-stig-fredrikson-solzhenicyn (дата обращения: 27.11.2020).
- ¹⁰ Цит. по: «Открытую почту нам Москва отрубилась в оба конца...»: из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской / коммент. Е. Ц. Чуковской и Н. Д. Солженицыной // Солженицынские тетради. Материалы и исследования : альманах / гл. ред. А. С. Немзер. М. : Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 54.
- ¹¹ См.: Солженицын выехал в Норвегию // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1974. 23 февр. (№ 22247). С. 1.
- ¹² В 1969 г. в Норвегии начались съемки фильма «One Day in the Life of Ivan Denisovich», вышедшего на экраны в 1970 г. (режиссер – Каспер Вреде; «Норск фильм» (Норвегия), «Леонтис фильм» (Великобритания), «Групп-В продакшн» (США)). В 1974 г. в Осло Александр Исаевич в кинотеатре посмотрел эту постановку, публично перед журналистами похвалил ее («Участники фильма – не халтурили, старались от сердца» (Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) // Новый мир. 1998. № 9. С. 55. Текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках)), но в «очерках изгнания» записал: «...ником как нашими – с советским опытом – актёрами этого не поставить. <...> ...приложили честно все старания, чтобы фильм был как можно верней подлиннику. Но что удаётся им передать – это только холод, холод и – условную – обречённость. А в остальном – и в быте, и в самом воздухе эзеской жизни – такая несхваченность, такая необоримая отдалённость, подменность» (55).
- ¹³ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 606.
- ¹⁴ Там же. С. 292.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 602.
- ¹⁷ Там же. С. 292.
- ¹⁸ Показательна в этой связи дневниковая запись, сделанная Солженицыным в 1994 г. уже после возвращения в Россию: «В России ко мне возвратилось ощущение пейзажа (потерянное в Америке)» (Цит. по: Солженицын А. Из путевых записей, 1994 // Между двумя юбилеями (1998–2003) : Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 30).
- ¹⁹ См.: Сараскина Л. Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 706 (Жизнь замечательных людей : сер. биогр.; вып. 1175).
- ²⁰ См.: А. И. Солженицын – Л. К. и Е. Ц. Чуковским (25 марта 1974, Цюрих) // Солженицынские тетради. Материалы и исследования. С. 54.
- ²¹ Солженицын А. Из «Дневника Р-17» : Дневник романа о Революции Семнадцатого года. Вёлся с 1960 по 1991 // Известия. 2003. 11 дек. (№ 228). С. 7.
- ²² Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003). С. 25.
- ²³ См.: Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) // Новый мир. 1999. № 2. С. 137.

Поступила в редакцию 18.01.2021, после рецензирования 23.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
 Received 18.01.2021, revised 23.01.2021, accepted 10.02.2021

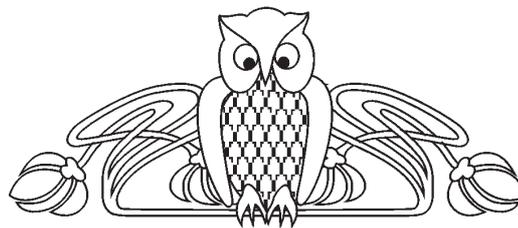
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 212–218
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 212–218

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929[Окуджав+Лермонтов]

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-212-218>

Образ Лермонтова в поэзии советского времени и «Встреча» Булата Окуджавы

М. А. Александрова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А

Александрова Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Аннотация. В статье исследуется литературный контекст одного из важнейших лирических высказываний Булата Окуджавы. Особое внимание уделено закономерностям мифологизации поэта-классика в стихотворной беллетристике советского времени. Прослежены связи стихотворения «Встреча» с творчеством Лермонтова, рассмотрены функции реминисценций. Охарактеризовано место образа Лермонтова в окуджавской «поэтической мифологии».

Ключевые слова: Лермонтов, Окуджав, миф, классика, беллетристика, мотив, парафраз, реминисценция

Для цитирования: Александрова М. А. Образ Лермонтова в поэзии советского времени и «Встреча» Булата Окуджавы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 212–218. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-212-218>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-212-218>

The image of Lermontov in the Soviet poetry and *Meeting* by Bulat Okudzhava

M. A. Aleksandrova

Linguistic University of Nizhny Novgorod, 31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Maria A. Aleksandrova, nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Abstract. The article examines the literary context of one of the most important poems of Bulat Okudzhava. Special emphasis is placed on the pattern of making a classic poet a myth in the belles-lettres of the Soviet era. The connections of the poem *Meeting* with Lermontov's poetry are noted, the functions of reminiscences are examined. The place of Lermontov's image in the 'poetic mythology' of Okudzhava's poetry is defined.

Keywords: Lermontov, Okudzhava, myth, classics, belles-lettres, motive, paraphrase, reminiscence

For citation: Aleksandrova M. A. The image of Lermontov in the Soviet poetry and *Meeting* by Bulat Okudzhava. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 212–218 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-212-218>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В лирике Окуджавы 1960-х гг. одно за другим появляются произведения, сюжетно построенные как «встреча с живым гением», а стихотворение, воскрешающее Лермонтова, так и озаглавлено: «Встреча» (1965). По определению С. В. Свиридова, это «поэтическая форма мышления о вечной актуальности культурных констант, закреплённых русской классической литературой, и соотнесения современности с культурой и литературой русского “золотого века”»¹. В то же время «встречи» – яркое выражение лирического самосознания автора; хотя

Окуджава никогда не прибегал к формуле «мой Пушкин», «мой Лермонтов», «мой Грибоедов», поэты-классики предстают персонажами в высшей степени своеобразного художественного мира.

Для поэта, пишущего о поэте, творчество его героя всегда является главным источником впечатлений; но сама тема предполагает широкий «стимулирующий контекст»² высказывания, объёмлющий эстетически разнородные явления: многочисленные опыты воссоздания образа гения, наряду с историей интерпретаций

его наследия, всегда есть «цепь “смыслоутрат” и достраиваний смыслов»³. Для понимания художественной идеи «Встречи», места этого стихотворения в контексте творчества Окуджавы и в литературном контексте позднесоветской эпохи необходимо проследить некоторые закономерности в развитии стихотворной «пушкинианы» и «лермонтовианы».

Общепризнано, что память культуры о великих поэтах имеет мифоподобный характер, и «чем крупнее поэтическая судьба, тем менее принадлежит она одной лишь истории, тем более универсальный и символический образ её складывается в сознании народа»⁴. Мифологизация гения неизбежно сопровождается адаптацией его образа к воспринимаемому сознанию, причём интерпретатор чаще всего относится к иному литературному ряду, нежели вдохновитель. Вопрос об иерархии ценностей в этой системе поставлен С. И. Кормиловым. Исследователь обобщил коллизию, которая повторяется в творчестве авторов «пушкинианы», представляющих высший её уровень: стихи о Пушкине «создавали все классики русской поэзии XIX–XX вв., и стихи хорошие. Но по сравнению с пушкинской поэзией это была почти всегда б е л л е т р и з а ц и я в смысле литературного ряда. Даже классики обычно писали о Пушкине не на его уровне», за исключением Лермонтова, который «сумел в первый стих “Смерти поэта” – четыре слова (“Погиб поэт! – невольник чести”) вместить четыре важнейших темы *своего творчества*: смерти и бессмертия, поэзии (поэта и вообще выдающейся личности), воли (свободы и не-свободы), чести и человеческого достоинства, – *тем самым лучшие всех сказав и о Пушкине, и о себе*»⁵. Когда культурой рубежа XIX–XX вв. был востребован лермонтовский миф, самые яркие интерпретации личности поэта предложили авторы философских и литературно-критических текстов: «грандиозную оригинальную концепцию» строили и Вл. Соловьёв, и полемизировавший с ним Д. С. Мережковский (он, подчёркивает В. М. Маркович, «живее всего откликнулся на то, что было для раннего Лермонтова самым важным»⁶), и А. Блок, намеренно заостривший контраст между расхожим образом поэта («крутящим усы армейским слагателем страстных романсов») и подлинным – требующим «провидения» – «ликом» Лермонтова, который всё ещё «тёмнен, отдалён и жуток»⁷. Этим прочтением явно уступают стихотворные «портреты» гения: «Ни брюсовский сонет, ни довольно многочисленные стихи Бальмонта, ни стихотворение Бориса Садовского, ни сочинения М. Кузмина не относятся к наибольшим их удачам», – констатирует Н. А. Богомолов⁸. На уровне массовой поэзии 1910-х гг. культ Лермонтова подчас оборачивался непреднамеренной карикатурностью образа. Но если до советской канонизации классиков рецепция была личностной (и лирическая

искренность могла компенсировать скромные творческие возможности интерпретатора), то в 1930–1940-е гг. возобладал общеобязательный идеологический стереотип, наступила «окончательная и бесповоротная смерть поэта»⁹.

Установка на идеологическое присвоение «нашего Пушкина», «нашего Лермонтова» всё же могла осложняться рефлексией поэта о своей творческой состоятельности, как это происходит в стихотворении Ярослава Смелякова «Здравствуй, Пушкин!» (1949): «Здравствуй, Пушкин! *Просто страшно это // – словно дверь в другую жизнь открыть // – мне с тобой, поэтом всех поэтов, // бедными стихами говорить*»¹⁰. Осознание проблемы ведёт к отказу от прав лирического «я» в пользу авторитетного «мы» – «народа», чьим голосом транслируется советский миф о великом страдальце, воскрешённом «к новой жизни» в «радостной стране»¹¹. Текст Смелякова, некогда весьма популярный, мог вызвать Окуджаву на полемику. Достаточно близкое общение двух поэтов в первой половине 1960-х гг. позволяет включать этот фактор в предысторию окуджавских стихов о гениях; тогда же Окуджава посвятил Смелякову стихотворение «В детстве мне встретился как-то кузнечик...» (1964), где «обозначил разницу их стратегий»¹². Так или иначе, он отталкивался от типовой модели «приветствия поэту», реализуя основную ситуацию буквально – как «встречу». Творческая задача тем самым предельно усложнялась. Новая степень близости к герою воображения обязывала искать собственный выход из вечной коллизии: как говорить с гением заведомо «бедными» стихами? Именно на этом пути могло состояться преодоление «второй смерти поэта» – советских стереотипов «общенародного» классика.

Следует отметить, что борьба Маяковского с *хрестоматийным* глянцем, позволившая ожить для «встречи» памятник Пушкину и «пировать» с Лермонтовым («К нам Лермонтов сходит, / презрев времена. // <...> Нaley гусару, Тамарочка!»¹³), заведомо не могла служить Окуджаве ориентиром. По своей творческой психологии он был антиподом Маяковского, а провозглашение *лучшего, талантливейшего* поэта советской эпохи ««социалистическим» Пушкиным»¹⁴, имеющим право «стоять почти что рядом»¹⁵ с любым классиком прошлого, лишь компрометировало в глазах зрелого Окуджавы приёмы автора «Юбилейного».

Мифы о Пушкине и Лермонтове существенно различаются с точки зрения их «пластичности», о чём свидетельствует культура 1960-х гг. В истории пушкинского мифа это время переходное. Ещё тиражируется образ «передового», мечтавшего о «светлом будущем» классика. У Евгения Евтушенко и поэтов его круга Пушкин предстаёт «этаким озорным повесой» наподобие героев молодёжных повестей, олицетворяющим «наш идеал раскованности, непринуж-

дённости»¹⁶. С середины 1960-х набирает силу новая идеализация Пушкина как главной фигуры отечественного «золотого века»: поэт становится «метафорой» своего века – «гармоничного и целостного»¹⁷. Таким образом, в трактовке пушкинской личности и судьбы для литературы 1960-х гг. не было предрешённости, что располагало к индивидуальному творческому поиску. Но статус Лермонтова-персонажа оказался существенно иным: между героем позднесоветской «лермонтовьяны» и каноническим «советским Лермонтовым» – борцом, мстителем за Пушкина, *сражённым, как и он, безжалостной рукой*, сохраняется преемственность.

На протяжении полувека воспроизводятся мотивы мщения дуэльному убийце и «светской черни», декларации исторической справедливости, пафос негодования, унаследованный как бы от самого Лермонтова: «Я по хронометру расчислил бы вперёд, // Как долго жить ему <Мартынову> до справедливой пули» (Г. Шенгели)¹⁸; «И кровь его пала мечом на царей!» (В. Выхрущ); «Ни злость его, ни страсть // Года не погасили» (В. Гордейчев); «А ну, Мартынова к барьеру!» (А. Марков); «И не простит он ничего // Хлопам власти, черни светской» (В. Рождественский); «И это – продолжение дуэли, // В которой Лермонтовым будешь ты <Мартынов> убит!» (М. Румянцева); «Уж он <Лермонтов> сумел бы вбить ему в межглазье // Крутую каплю царского свинца» (В. Соколов); «Но не забыт Мартынов – враг, убийца. // Его карает ненависть моя» (С. Шавлы)¹⁹; «Несётся он тенью отмщенья // За ту неотмщённую тень» (Е. Евтушенко); «Звучит с неумолимостью набата: // “Есть божий суд, наперсники разврата...” // И суд поэта – это божий суд» (Е. Евтушенко); «Гневный парус» (В. Сорокин); «Он в споре с придворною чернью, // Державных клеймя палачей, // Писал не чернильной чернью, // А собственной кровью своей. // И слово взрывалось, и снова // На бой поднималась строка...» (Н. Браун); «Ты жив ещё, подлец Мартынов, // Вставай к барьеру! я иду!» (М. Дудин); «И летят в века, как пули, // Лермонтовские слова» (М. Дудин)²⁰. Лермонтов либо воскрешается для мщения, либо удваивается в потомке-мстителе. Если высокая поэзия открывает новое, то беллетристическая «лермонтовьяна» (подобно любой разновидности беллетристики) «подтверждает известное и осмысленное»²¹.

Особый вариант традиционного возмездия – символическая «перемена ролей» в стихотворении Беллы Ахмадулиной «Дуэль» (1961): «... Так кто же победил: Мартынов // иль Лермонтов в дуэли той? // Дантес иль Пушкин? Кто там первый? // Кто выиграл и встал с земли? // Кого дорогой этой белой // на чёрных санках повезли? // <...> *Мартынов пал под той горю, // он был наказан тяжело, // и вороньё ночной порою // его терзало и несло. // А Лермонтов зато сначала // всё начинал и гнал коня, // и женщина ему крича-*

ла: // люби меня! люби меня! // <...> А Пушкин пил вино, смеялся, // друзей встречал, озорничал. // <...> Для их спасения навечно // Порядок этот утверждён. // И торжествующий невежда // Приговорён и осуждён»²². Хотя по своей тональности «Дуэль» Ахмадулиной резко контрастирует с основной массой советской «лермонтовьяны», здесь тоже действует инерция: отмщение за смерть – столь обязательное условие прославления Пушкина и Лермонтова, что из поля зрения автора выпадает несовместимость любовно нарисованного образа поэта со статусом дуэльного победителя, т. е. убийцы.

В целом принципы поэтического воссоздания личности Лермонтова усложнялись по мере того, как современность переставала считаться исполнением мечты всех «жертв мрачного прошлого». Наметились разные варианты жанровых интерпретаций главного источника вдохновения – классической «Смерти поэта». Если «правоверные» советские тексты представляют собой инвективу в чистом виде либо сочетание инвективы с героической одой, то признаком освобождения от догмы стала ориентация на лермонтовское единство инвективы и элегии. Показательны процитированные выше стихи Михаила Дудина, разделённые десятилетиями; в раннем доминирует гневная и победительная тональность, в позднем готовность бросить вызов убийцам поэтов осложняется чувством трагического родства с погибшими, а в финале звучит меланхолическое признание обречённости любого благородного мстителя: «Длится гибель друг за друга, // К своему идёт концу...»²³. Параллельно этим процессам в ситуации формирующейся ностальгии по прошлому актуализировалось переживание смерти поэта – события, которое словно бы подтверждало, вослед гибели Пушкина, необратимость эпохальных утрат.

Непосредственным поводом для создания Окуджавской «Встречи» (1965) послужили, видимо, впечатления от двух юбилеев – 120-летия со дня гибели и 150-летия со дня рождения Лермонтова; в период 1961–1964 гг. описанные выше явления можно было наблюдать в предельно концентрированном виде. Недаром монолог воскресшего поэта начинается с ответа на главный для современников Окуджавы вопрос – о мщении:

Насмешливый, тщедушный и неловкий,
единственный на этот шар земной,
на Усачёвке, возле остановки,
вдруг Лермонтов возник передо мной,
и в полночи рассеянной и зыбкой
(как будто я о том его спросил)
– Мартынов – что... –
он мне сказал с улыбкой. –
Он невиновен.
Я его простил...²⁴

Полуночный «балладный» колорит лишь усиливает впечатление живого контакта с поэтом, чей монолог словно бы продолжает дружеский разговор. В то же время только «из-за черты» может прозвучать слово прощения:

Что – царь? *Бог с ним.* Он дожил до могилы.
 Что – раб? *Бог с ним.* Не воин он один.
 Царь и холоп – две крайности, мой милый.
 Нет ничего опасней середин... (287).

Стихотворение Окуджавы, «в котором слово как бы передано Лермонтову»²⁵, демонстрирует чуткость к поэтическому стилю прототипа: «цитатный» характер имеют синтаксические конструкции, специфичен приём антитезы, афористичность стиха напоминает о лермонтовском пристрастии к сентенции; когда же автор этих наблюдений, Р. Р. Чайковский, делает вывод о точном воссоздании во «Встрече» духа лермонтовского творчества²⁶, с ним никак нельзя согласиться. Окуджава, при всей своей любви к Лермонтову, последовательно оспаривает классические, памятные всем высказывания. Так, приведённый выше фрагмент содержит аллюзию на «Прощай, немытая Россия...», где поэтический гнев с равной беспощадностью поражает «рабов», «господ», российских «пашей»²⁷; но этот фон лишь контрастно оттеняет великодушные черты Окуджавы. Те же функции выполняют отсылки к «Смерти поэта»:

*Что – пистолет?.. Страшна рука дрожащая,
 тот пистолет растерянно держащая,
 особенно тогда она страшна,
 когда сто раз пред тем была нежна... (287).*

Напоминая об убийце Пушкина («Его убийца хладнокровно // Навёл удар... спасенья нет: // Пустое сердце бьётся ровно, // В руке не дрогнул пистолет»²⁸), автор «Встречи» рисует коллизию другого типа: его герою пришлось погибнуть от руки приятеля, и простить такого убийцу должно быть особенно трудно. Однако в мире Окуджавы поэт, прошедший через смерть, сам определяет возможное и невозможное:

Как дети, мы всё забываем быстро,
 обидчикам не помним мы обид... (287).

Это контрастная параллель к лирической кульминации «Смерти Поэта», где личное чувство Лермонтова приписано герою стихотворения: «И умер он – с напрасной жаждой мщенья»²⁹. В то же время именно лермонтовское творчество служит источником мотива доброго детства. Во «Встрече» как будто исполняется надежда Лермонтова на очищение души от земных страстей: в лучшие минуты жизни, когда человек отдаётся «чувству детскому», «всё приобретенное отпадает от души, и она делается вновь

такою, какой была некогда и *верно будет когда-нибудь опять*»³⁰. Вот почему герой Окуджавы раздваивается на погибшего и бессмертного:

И ты не верь, не верь в моё убийство:
другой поручик был тогда убит (287).

«Другой поручик» – тот Лермонтов, который в своих житейских отношениях не был склонен к прощению. Конфликт идеальной сущности поэта и его реального существования разрешается в «балладном» чуде, преодолевающим смерть.

Логика преобразования реальности задана одним из предшествующих «Встрече» стихотворений, где ключевой образ возникает на фоне вечной драмы: «Поэтов травили, ловили // на слове, им сети плели; // куражась, корнали им крылья, // бывало, и к стенке вели. // <...> Им разные тракты клубили, // но всё ж в переделке любой // глядели они голубыми // за свой горизонт голубой» (208); в финале же поэты смотрят из вечности (из-за горизонта голубого) на хлопочущих об их прославлении. Настойчивость обращения Окуджавы к метафоре инобытия освещается поздним исповедальным стихом: «Искусство всё простить и жагда жить – // *недостижимое совершенство*» (451).

Недостижимое совершенство обретено героем «Встречи»:

Но, слава Богу, жизнь не оскудела,
 мой Демон продолжает тосковать,
 и есть ещё на свете много дела,
 и нам с тобой нельзя не рисковать (287).

Образ вечного бытия поэта создаётся по мотивам лермонтовской поэзии, но с характерным семантико-стилевым сдвигом. Так, несравненная улыбка Тамары – «И улыбается она, // Веселья детского полна. // Но луч луны, во влаге зыбкой // Слегка играющий порой, // Едва ль сравнится с той улыбкой, // Как жизнь, как молодость, живой»³¹ – отзывается в стихе:

Но, слава Богу, снова паутинки,
 и бабье лето тянется на юг,
 и маленькие грустные грузинки
 полжизни за улыбки отдают... (287).

Идеальная женственность как будто растворена во множестве «малых сих», любовь мира к своему поэту воплощается в образах, созвучных его детской душе.

Лермонтовская Грузия – «счастливей, пышней край земли»; «роскошной Грузии долины» в «Демоне» – страна вечного лета, неувядающего цветения: «И блеск, и жизнь, и шум листов, // Стозвучный говор голосов, // Дыханье тысячи растений! // И полдня сладострастный зной, // И ароматною росой // Всегда увлажненные ночи, // И звезды яркие, как очи...»³². Напротив, Окуджава обходится без традиционного «полуденного великолепия»;

край «за хребтом Кавказа» ассоциируется у него с ранней осенью: «... снова паутинки, // и бабье лето тянется на юг» (287). Здесь угадывается также аллюзия на стихотворение «Тучи» с его центральной антитезой: «С милого севера в сторону южную»³³. Контраст родины и чужбины снят, вместо мчащихся «тучек небесных», пролагающих путь изгнаннику, возникает иной динамический образ: перемещение в пространстве совпадает со сменой времени года, северное лето как будто продолжается в южной осени, прошлое естественно перетекает в настоящее. Таким образом, поэт оказывается включён в движение самой жизни:

...и маленькие грустные грузинки
полжизни за улыбки отдают,
и суждены нам *новые порывы*,
они кликают нас наперебой...

Мой дорогой, пока с тобой мы живы,
всё будет хорошо у нас с тобой... (287).

Торжество над смертью сопровождается вескими оговорками: «нельзя не рисковать», «пока с тобой мы живы...»; сравним со стихотворением начала 1960-х гг., где мольба беречь поэтов лишь подчёркивает предопределённость их судьбы:

*Берегите нас, поэтов, берегите нас.
Остаются век, полвека, год, неделя, час.*
<...>

Берегите нас с грехами, с радостью и без.
Где-то, юный и прекрасный, ходит наш Дантес.
Он минувшие проклятья не успел забыть,
но велит ему *призвание пулю в ствол забить*.

Где-то плачет наш Мартынов – поминает кровь:
он уже убил однажды, он не хочет вновь,
но судьба его такая, и свинец отлит,
и *двадцатое столетье так ему велит* (206).

Иначе говоря, Лермонтов воскресает для совершения обычной участи поэта, двадцатое столетие оказывается уравниено с девятнадцатым. В своих стихах о поэтах Окуджавы противостоит как возвеличению «светлого настоящего», будто бы исполнившего мечты Пушкина и Лермонтова (и «отомстившего» за них), так и формирующейся ностальгии по прошлому. Творчество Окуджавы 1960-х гг. предвосхищает обобщение Александра Кушнера, которое прозвучит в конце 1970-х, на пике ностальгических настроений – в отпор им: «Что ни век, то век железный»³⁴.

Отказавшись делить время на «лучшую» и «худшую» части, автор «Встречи» устанавливает преемственную связь между современниками Лермонтова, причастными к его гибели, и деятельными участниками мемориального культа поэта:

– Мартынов – что...
<...>

Что – царь? Бог с ним. Он дожил до могилы.
Что – раб? Бог с ним. Не воин он один.
Царь и холоп – две крайности, мой милый.
Нет ничего опасней середин...
Над мрамором, венками перевитым,
убийцы стали ангелами вновь.
Удобней им считать меня убитым:
венки всегда дешевле, чем любовь (287).

Главный адресат этого выпада очевиден: убитый «удобней» живого для идеологически ангажированных толкователей судьбы Лермонтова, чьими стараниями в советское время наступила вторая «смерть поэта»³⁵; так, за год до окуджавской «Встречи» небезызвестный И. Молчанов (адресат иронических выпадов Маяковского) опубликовал текст, весь состоящий из общих мест: «Он мыслью с нашим веком слился – // Былых времён // Великий пленник, // И в наш творящий век явился // Как самый яркий современник. // *Наш Лермонтов!* // Какое знамя // Оставил он сегодня сущим? // Железный стих бытует с нами // И будет бытовать в грядущем!»³⁶. Воспринимая подобную риторику как убийственную, Окуджавы противопоставляет «нашему Лермонтову» поэта, воскрешённого личным чувством: «...единственный на этот шар земной» (287).

Но автор «Встречи» дистанцируется также от любых вариантов почитания Лермонтова, объединённых трагедийно-героической концепцией одинокого бойца, жертвы смертельной борьбы; этого требует иное понимание «бунтарства с мытарством» (208). В лирике Окуджавы поэты – мятежники поневоле, не по собственному выбору: «...И слова рождённого сладость // была им превыше, чем злость» (209). Поэты иронизируют над потомками, славящими гибельный героизм: «О, как им смешны, представляю, // Посмертные тосты в их честь» (209). Лермонтов тоже не нуждается в надгробном *мраморе* и *венках*. Сама эмблема мемориального культа – *венки на мраморе* – восходит, вероятно, к формулам вроде «Венок на памятник Пушкину» (1880) и «Венок Лермонтову» (1914), которые многократно воспроизводилась в заглавиях антологий³⁷, юбилейных подборок стихов на страницах газет и журналов, в названиях библиотечных выставок и музейных экспозиций. Буквализируя популярный иносказательный образ, Окуджавы выражает своё отношение к эмоциям «готовым», воспроизводимым по инерции: *венки* как овеществлённая скорбь по Лермонтову – атрибут литературного кладбища.

Отсюда понятно, почему событие встречи с Лермонтовым не имеет никакого отношения к «местам памяти», куда совершались традиционные – реальные и воображаемые – паломничества поэтов. Полуночное чудо происходит не у подножия Машука, не в Пятигорске, не близ могилы в Тарханах, а «на Усачёвке, возле остановки» (287). Улица Москвы, сохранившая старинное, начала XIX в., название, в годы детства

Окуджавы была застроена домами конструктивистской архитектуры, с конца 1950-х гг. по Усачёвке пролегал маршрут *синего троллейбуса* (рядом находилось троллейбусное депо); именно такое совмещение разновременных исторических пластов мыслится как самое подходящее место для явления бессмертного Лермонтова.

О продолжающемся бытии говорят и рассмотренные выше парафразы лермонтовских образов и мотивов, в том числе полемичные по отношению к своему источнику. Прецедент создал некогда сам Лермонтов: комментаторы «Смерти поэта» давно заметили, что в образе *невольника чести* контаминированы черты героя пушкинского «Кавказского пленника» и Владимира Ленского, отвечавшие идеальным представлениям юного автора стихотворения, но не зрелого Пушкина. Окуджава воспользовался правом на преобразование своего героя, изменив саму жанровую основу поэтического высказывания: его неканоническая баллада о воскрешении – стихотворение «на жизнь поэта».

Важная грань этой смелой художественной концепции – статус лирического «я», роль «его собственного» слова в речевой композиции стихотворения.

Если Смеляков сетовал на «бедность» обращённых к Пушкину стихов, то Окуджава избегает словесного самоуменьшения, но иерархия двух участников «встречи» очевидна: тот, кто прежде встречался с поэтом заочно (по-читательски), становится его молчаливым слушателем; все вопросы своего визави Лермонтов угадывает («...как будто я о том его спросил» (287)). В качестве адресата лермонтовского монолога «я» также не претендует на исключительное положение: раньше него читателю представлен другой «собеседник» гения – Кайсын Кулиев, которому посвящена «Встреча». Само упоминание имени балкарского поэта, породнившегося с русской литературой через Лермонтова³⁸, задаёт «внутреннюю тему»³⁹ – тему братства поэтов всех времён и народов; во второй части стихотворения на неё указывает обобщающее «мы» в разных падежных формах («Как дети, *мы* всё забываем быстро, // обидчикам не помним *мы* обид», «и *нам* с тобой нельзя не рисковать», «и суждены *нам* новые порывы» (287)). В итоге главный герой великодушно приобщает «встречного» к своему миру: «Мой дорогой, пока с тобой мы живы, // всё будет хорошо у нас с тобой...» (287). Но, будучи выделено графически (многообразием в конце предшествующего стиха и пробелом), финальное двустишие может знаменовать также смену носителя речи; недаром обращение «мой дорогой» перекликается с начальной формулой любви к Лермонтову: «единственный на этот шар земной» (287). Вопрос о принадлежности итоговой реплики одному из двух героев стихотворения не имеет однозначного ответа, что входит в авторский замысел.

Неопределённость отношений между «я» и «другим», свойственная, как показано С. Н. Бройтманом, многим стихотворениям Окуджавы («Чудесный вальс», «Песенка о Моцарте», «Шарманка старая крутилась...», «Как улыбается юный флейтист...», «Отъезд» и др.), символизирует двойничество, «счастливей дуэт», в котором всё же «нету гармонии» (528): «другой» – «то же “я”, только более совершенное и отрешённое», предназначенное «воспарить»⁴⁰; лирический герой поверяет себя этим недоступно-близким идеалом. «Встреча» инверсирует лейтмотивную ситуацию: «идеальный другой» сам устремлён к своему скромному – *земных землей* – двойнику.

Бессмертный Лермонтов наделён обликом, который сближает его с главным в творчестве Окуджавы человеческим типом. «Насмешливый, тщедушный и неловкий» (287) герой «Встречи» – параллель к портретному мотиву автобиографического мифа: физическая уязвимость, смешная худоба, детская беспомощность постоянно воспроизводятся в характеристике «я» и «мы», современников-собеседников Окуджавы, «дилетантов» своего века («Худосочные дети с Арбата» (238), «Нас, тонконогих, и нас, длинношеих, нелепых, очкастых...» (383)). Телесная инфантильность в мире Окуджавы может символизировать и досадное земное несовершенство, осознающее себя лишь в предвидении ухода («Ещё моя походка мне не была смешна...» (318)), и неполную укоренённость поэта в земном бытии («Руки тонкие к небу возносит...» (419)). Образ Лермонтова возникает на скрещении этих смыслов, чем обусловлен характер связи лирического «я» с героем «Встречи»: их отношениям соответствует формула «нераздельность и неслиянность»⁴¹. Приблизиться к любимому поэту позволяет дар эмпатии, который и определяет в данном случае масштаб участника «встречи».

Если на фоне лермонтовской поэзии любое произведение «лермонтовианы» неизбежно получает статус беллетристики, то в современной литературной иерархии «Встреча» Окуджавы относится к поэтическим вершинам. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что окуджавский образ Лермонтова повлиял на прижизненную и посмертную мифологизацию личности самого Окуджавы.

В очерке Василия Аксёнова «Воспоминания под гитару» (1987) переживание дружеской близости («...и мы с Булатом; мне тридцать шесть, ему сорок четыре, стоим обнявшись») сопровождается догадкой о причастности старшего друга к особому миру: «...его лицо повернуто в профиль, во всём облике что-то лермонтовское»⁴². В романе «Таинственная страсть» (2007) это впечатление становится основой портретного лейтмотива, который отчётливо выделяет поэта *Октаву* в системе персонажей, имеющих реальные прототипы среди «шестидесятников»:

«...закинув свою лермонтовскую голову», «похожий на возмужавшего Лермонтова», «...с его тонкими усиками и лермонтовским лбом»⁴³. Если другие знаменитые представители поколения изображены в романе Аксёнова «домашним образом» (с непринуждёнными экскурсами в их внутренний мир, с ироническими или юмористическими акцентами при воссоздании несобственно-прямой речи), то Окуджава-Октава неизменно показан извне – с благоговением к тайне личности и творческого дара.

Примечания

- 1 Свиридов С. Встречи Булата Окуджавы // Голос надежды : Новое о Булате : альманах / сост. А. Е. Крылов. Вып. 9. М. : Булат, 2012. С. 401.
- 2 Хализев В. Теория литературы. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Высшая школа, 2002. С. 389.
- 3 Там же. С. 328.
- 4 Эпштейн М. Парадоксы новизны : О литературном развитии XIX–XX веков. М. : Советский писатель, 1988. С. 104.
- 5 Кормилов С. «Беллетристическая пушкиниана» как научная проблема // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Современная наука – вузу и школе : материалы Междунар. науч. конф. (г. Псков, 20–23 окт. 2003 г.). Псков : ПГПИ им. С. М. Кирова, 2004. С. 9. Разрядка в тексте принадлежит цитируемому автору; курсив в цитатах здесь и далее наш. – М. А.
- 6 Маркович В. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 169.
- 7 Блок А. Педант о поэте // М. Ю. Лермонтов : pro et contra / сост. В. Маркович, Г. Потапова. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2002. С. 399, 400.
- 8 Богомолов Н. Два советских Лермонтова // Новый мир. 2014. № 10. С. 178.
- 9 Там же. С. 193.
- 10 Смеляков Я. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1967. С. 190.
- 11 Там же.
- 12 Быков Д. Булат Окуджава. 3-е изд., испр. М. : Молодая гвардия, 2011. С. 415.
- 13 Маяковский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 6. М. : Гослитиздат, 1957. С. 78.
- 14 Мусатов В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М. : Изд. центр РГГУ, 1998. С. 134.
- 15 Маяковский В. Указ. соч. Т. 6. С. 51.
- 16 Эпштейн М. Указ. соч. С. 101.
- 17 Захарченко Е. «Образ Пушкина» как феномен массового сознания // Пушкин и современная культура : материалы Междунар. науч. конф. (Пушкинские Горы, 23–27 января 2003 г.). СПб. : Пушкинский проект, 2004. С. 146.
- 18 Шенгели Г. Раковина. М. ; Пг. : Госиздательство, 1922. С. 97.

- 19 Венок Лермонтову / сост. О. Савин. 2-е изд., испр. и доп. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1984. С. 13, 21, 51, 63, 65, 73, 84.
- 20 Венок Лермонтову : Стихи / сост. О. Савин. Пенза : Деп. культуры Пензенской обл., 1994. С. 156, 158, 223, 318, 328, 329.
- 21 Черняк М. Феномен массовой литературы XX века. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 18.
- 22 Ахмадулина Б. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. Друзей моих прекрасные черты... М. : Астрель ; Олимп, 2009. С. 98–99.
- 23 Венок Лермонтову : Стихи. С. 329.
- 24 Окуджава Б. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2001. С. 287. Далее стихи Окуджавы цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 25 Чайковский Р. «Мой Демон продолжает тосковать...» // Русская речь. 1989. № 5. С. 26.
- 26 Там же. С. 24–25, 26.
- 27 Лермонтов М. Полн. собр. стихотворений : в 2 т. Т. 2. Л. : Советский писатель, 1989. С. 65 (Б-ка поэта. Большая сер.).
- 28 Там же. С. 7.
- 29 Там же. С. 8.
- 30 Лермонтов М. Герой нашего времени. М. : Наука, 1962. С. 22 (Литературные памятники).
- 31 Лермонтов М. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. С. 441.
- 32 Там же. С. 439.
- 33 Там же. С. 56.
- 34 Кушнер А. Стихотворения : Четыре десятилетия. М. : Прогресс-Плеяда, 2000. С. 96.
- 35 Богомолов Н. Два советских Лермонтова. С. 193.
- 36 Молчанов И. Лермонтов // Пензенская правда. 1964. 15 окт.
- 37 О традиционности подобных заглавий см.: Голованова Т. Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л. : Наука, 1978. С. 189–190.
- 38 См. об этом: Рассадин Ст. Вторая Родина (Кайсын Кулиев и его переводчики) // Мастерство перевода : сб. Вып. 9. М. : Советский писатель, 1973. С. 15–41.
- 39 О поэтике «раздвоенности темы» в лирике Окуджавы см.: Богомолов Н. Так ли просты стихи Окуджавы? // Богомолов Н. Бардовская песня глазами литературоведа. М. : Азбуковник, 2019. С. 101–119.
- 40 Бройтман С. «Я» и «другой» в лирике Булата Окуджавы // Булат Окуджава : его круг, его век : материалы Второй междунар. науч. конф. (Перedelкино, 30 ноября – 2 декабря 2001 г.). М. : Соль, 2004. С. 191.
- 41 Формула «нераздельность и неслиянность» актуализирована для поэтики Окуджавы (См.: Бройтман С. Указ. соч.).
- 42 Аксёнов В. Воспоминания под гитару // Аксёнов В. Десятилетие клеветы (радиодневник писателя). М. : ЭКСМО, 2004. С. 290.
- 43 Аксёнов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятиниках). М. : Семь дней, 2009. С. 58, 207, 363.

Поступила в редакцию 23.01.2021, после рецензирования 29.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 23.01.2021, revised 29.01.2021, accepted 10.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 219–225
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 219–225

Научная статья
УДК 821.111.09-3+929Найпол
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-219-225>

Нефикциональный текст «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» В. С. Найпола и анализ степени его влияния на творчество автора

Е. Д. Максименко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Максименко Екатерина Дмитриевна, аспирант кафедры истории зарубежной литературы, maksimenkoekaterin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0756-9083>

Аннотация. В статье определяется важность нефикционального текста В. С. Найпола «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» в творчестве писателя. Представляются характеристика журналистского расследования, история создания и анализ его места в библиографии В. С. Найпола. Текст рассматривается как ключ к исследованию подобного типа героя и постколониальной тематики в творчестве автора.

Ключевые слова: В. С. Найпол, расследование, Майкл Икс, власть черных, черный дом, мимик, «Партизаны»

Для цитирования: Максименко Е. Д. Нефикциональный текст «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» В. С. Найпола и анализ степени его влияния на творчество автора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 219–225. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-219-225>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-219-225>

The non-fictional text *Michael X and the Black Power Killings in Trinidad* by V. S. Naipaul and the analysis of its influence on the creative work of the author

E. D. Maksimenko

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Ekaterina D. Maksimenko, maksimenkoekaterin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0756-9083>

Abstract. The article defines the importance of the non-fictional text of V. S. Naipaul *Michael X and the Black Power Killings in Trinidad* in the creative work of the writer. The article provides the features of a journalistic investigation, the history of its creation and the analysis of its place in the bibliography of V. S. Naipaul. The text is also considered as the key to the evolution of the hero and theme in the author's creative heritage.

Keywords: V. S. Naipaul, investigation, Michael X, Black Power, Black House, mimic, *Guerrillas*

For citation: Maksimenko E. D. The non-fictional text *Michael X and the Black Power Killings in Trinidad* by V. S. Naipaul and the analysis of its influence on the creative work of the author. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 219–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-219-225>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Журналистское расследование В. С. Найпола «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» («*Michael X and the Black Power Killings in Trinidad*», 1973–1979 гг.) можно назвать одним из самых важных нефикциональных текстов писателя, опубликованных в 1970–1980-х гг. Этот текст представляет собой особую ценность не только из-за того, что его сюжет лег в основу романа «Партизаны» («*Guerillas*»,

1975), но и в связи с тем, что именно на страницах этого расследования Найпол так или иначе рассматривает две проблемы, которые в дальнейшем станут лейтмотивами всего его творческого наследия. Первая из них – проблема поиска социально-культурной идентичности. Вторая – то, что Найпол называет «проблемой угнетенных» («*suppressed*»), и включающая в себя феномен преемственности политики насилия, подавления

и угнетения в силу сложившейся системы взаимодействия колонизированного и колонизатора. Статья структурно делится на две части. Первая посвящена предмету и объекту расследования В. С. Найпола, а также истории создания материала. Кратко обозначается место, которое занимает расследование во всем творчестве Найпола. Вторая часть посвящена анализу построения образов прототипа и литературного героя, а также анализу той роли, которую играет текст «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» в библиографии писателя.

Тематика, проблематика и история создания журналистского расследования «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде»

Мы считаем важным дать краткую историческую справку о кровавых событиях, развернувшихся на Тринидаде в январе 1972 г. В первую очередь, такая необходимость возникает из-за того, что вышеупомянутый текст Найпола, выполненный в жанре художественного документального письма, ранее не переводился на русский язык. Таким образом, мы определяем необходимость проинформировать читателя о предмете исследования – это поможет нам обратить внимание на контекст, при котором велась работа Найпола над его статьей.

Итак, в заголовок расследования Найпола вынесено имя – Майкл Икс. Это публичный псевдоним урожденного Майкла де Фрейтаса, родившегося в августе 1933 г. в боро Белмонт на северо-востоке тринидадского Порт-оф-Спейн. Де Фрейтас, прежде всего, известен как лидер движения «Власть черных» и создатель «Черного дома». В 1957-м он эмигрировал в Соединенное Королевство из Тринидада и быстро обрел широкую популярность как представитель фронта «Власть черных».

«Власть черных» – фронт или движение, которое ставило перед собой целый ряд политических целей: защиту лиц африканского происхождения, борьбу против расовой дискриминации, создание социальных институтов, а также самодостаточной «черной» экономики, которая бы располагала своими кооперативами, фермами и медиа.

В середине шестидесятых де Фрейтас сменил свое настоящее имя на звучный псевдоним, вдохновившись историей жизни и образом афроамериканского исламского духовного лидера и борца за права чернокожих Малкольма Икса. В марте 1969-го Майкл Икс начал претворять в жизнь свою мечту о создании специальной резиденции «Черной силы», которая позже получила название «Черный дом». Сразу же после тринидадской революции Майкл Икс начал собирать деньги на строительство и продвижение резиденции. Для того чтобы привлечь спонсоров, им

была озвучена продуманная программа по созданию «Черного дома» («Black House Building Program Appeal»)¹. В ней Икс не скупился на пафосные, грандиозные описания грядущего проекта: «Фантастический мир, который станет реальностью... уникальный проект... дайте нам показать миру, что Британия не выйдет из великой гонки культуры и прогресса»² (перевод здесь и далее наш. – Е. М.). Икс просил спонсорской помощи у организации «Canada Life Assurance», дважды – у «Charter Consolidated», лично у Чарльза Клора (британский финансист и филантроп, в 1987 г. открывший в Лондоне галерею, в которой представлена обширная коллекция произведений Дж. М. У. Тёрнера), но все они отказали ему.

Стало понятно, что у Икса существовали некоторые проблемы с тем, как он позиционировал себя. Люди не доверяли ему. Тогда он решил заручиться поддержкой официальных институций, а именно самых известных университетов. Икс отправлял письма с предложением выступить с лекцией о неоспоримой важности миссии «Черной силы» в университетские союзы Кембриджа, Оксфорда, Кардиффа, Эдинбурга, Глазго и др. Кроме университетов, он посчитал важным заручиться поддержкой административного персонала управленческой верхушки некоторых государств. Первой такой его «целью» стало государство Кувейт. Чтобы вызвать доверие политической элиты (а именно эмира Кувейта), Икс отправлял его представителям многочисленные письма, обращения, автобиографию, написанную вместо него писателем-призраком (где рассказывалось о том, что Икс имеет отношение к строительству мечетей, обращению в религию неверных и к обучению более 500 молодых людей), а также послов и дипломатов «по договору». Не все из перечисленного реализовалось именно так, как задумывал Икс, но избранная стратегия возымела успех. Успех этот не всегда конвертировался в пожертвования и материальные вложения (Икс продолжал приукрашивать действительность, рассказывая журналистам о том, что получает пожертвования на развитие «Черного дома» размером в 250.000 фунтов и более), но зато более чем удачно конвертировался в славу и узнаваемость. Икс нашел постоянного покровителя в лице молодого миллиардера Найджела Самуэля, который унаследовал состояние отца, а также стал настолько популярным, что знаменитости уровня Джона Леннона и Йоко Оно всячески поддерживали инициированные им проекты. Например, пара жертвовала «Черному дому» личные вещи (и даже волосы), которые впоследствии выставлялись на аукционе резиденции.

Но с первой волной по-настоящему большой популярности пришли и большие проблемы. Еще в Лондоне Майкл Икс и другие члены его группировки числились фигурантами громких уголовных дел, как то заклеенное медиа «дело рабского ошейника» и др. Позже, в конце 1970 г.,

при странных обстоятельствах здание «Черного дома» сгорело дотла, и вскоре самого Майкла Икса арестовали за отмывание денег. Тогда все тот же Джон Леннон вносил за Майкла залог в суд перед его депортацией из Англии.

В 1971 г. Майкл Икс вернулся на родной Тринидад, где воссоздал коммуны «Черный дом», которую потом также сожгли. Полиция, прибывшая на место пожара, обнаружила там тела двух членов коммуны со следами насильственной смерти. В этом убийстве тринидадский суд и обвинил Майкла Икса, пытавшегося скрыться в Гайане. В результате он был признан виновным и приговорен к смертной казни. Уже в 1975-м Майкл Икс был повешен в Королевской тюрьме Порт-оф-Спейн.

Найпол в своем расследовании описывает фрагменты преступления следующим образом: «По южную сторону этого оврага, спустя два дня после того как было найдено тело Джо Скерритта, была обнаружена вторая могила. Эта была более мелкой, около четырех футов в глубину, так что запах легко доходил до поверхности. Синее платье с цветочным узором, красные трусики, скрученное разлагающееся тело: Гейл Бенсон... Ее зарезали 2 января. Здесь, у оврага, она пролежала больше семи недель. Никто не скучал по ней, даже те двое, ее знакомые англичане, навещавшие коммуны»³.

При том, что англичанка Гейл Бенсон действительно казалась беззащитной, одинокой и никому не нужной на острове Тринидад, именно ее убийство возымело «шоковый эффект» по всему миру и вызвало небывалый резонанс в медиа. Гейл Бенсон была британской моделью, светской дамой и дочерью журналиста и политика от партии консерваторов Леонарда Фрэнка Плагга. Она оказалась в рядах «Черной силы» из-за романа с двоюродным братом Малкольма Икса, который также был преданным соратником Майкла Икса, – Хакимом Джамалом. Этот роман был историей отношений, основанных на подчинении и поклонении. В какой-то момент Гейл Бенсон стала болезненно зависимой от Джамала. Ее псевдоним, который она использовала в своей теперь уже политической деятельности, – Хайл Кимга (Hail Kinga) – был создан из первых слогов имени и фамилии Хакима Джамала (Hakim Jamal = Hail Kinga). Бенсон была ведомой в отношениях с кузенном Малкольмом Икса и вряд ли представляла хоть какую-то угрозу ему лично и коммуне в целом. На самом деле она не была глубоко заинтересована в политических делах «Черной силы» и не имела амбиций по поводу реализации каких бы то ни было пропагандистских или идеологических идей внутри коммуны. Ее хладнокровное убийство было заказано лично Майклом Иксом, который посчитал, что Хаким Джамал начал уделять Бенсон слишком много времени. Гейл Бенсон было нанесено несколько ножевых ранений, но похоронили ее еще живой (это было доказано

в результате судебно-медицинской экспертизы). После такого шокирующе жестокого убийства у Майкла Икса не оставалось ни малейшего шанса на то, чтобы быть оправданным если не в суде, то хотя бы среди медиа и бывших покровителей и последователей. Убийство Гейл Бенсон окончательно выявило природу Майкла Икса и развертываемой им деятельности – преступную и экстремистскую. У убийства Гейл Бенсон не было весомого мотива, одно лишь злоупотребление властью его заказчика. Кроме того, смерть Бенсон может трактоваться и как проявление терроризма, ведь эта англичанка одновременно была «своей», так как вошла в ряды «Черной силы» и не давала поводов усомниться в своей преданности, но в той же степени и «чужой» по одному лишь праву рождения и социальному фактору.

Расследование «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» занимает важное место в библиографии Найпола, поскольку эта тема увлекла писателя на несколько лет и легла в основу одного из важнейших фикциональных произведений. В предисловии к роману «Партизаны» Найпол признается, что провел большую работу по сбору материала о реальных событиях на Тринидаде и, в частности, о Майкле Иксе, а также отмечает, что книга не получилась бы, если бы не основа в виде реальной истории: «Несколько недель спустя в Лондоне Sunday Times Magazine обратилось ко мне с просьбой осветить события. В тот момент дело уже казалось мне слишком далеким, почти историческим. Я мог согласиться, что я и сделал. Я вернулся на Тринидад и несколько недель кропотливо работал над тем, чтобы как следует изучить обстоятельства произошедшего. Результат работы над материалом для Sunday Times вышел таким точным и тщательно проработанным, что дал право на жизнь целому роману. Без этого, кроме вымысла, в романе осталось бы слишком много пробелов и упущений»⁴.

Анализируя текст расследования, мы приходим к выводу, что Найпола особенно интересует проблема трансформации образа героя не только в художественных произведениях, но и в нефикциональных текстах. Это доказывает, что проблема поиска идентичности – одна из ключевых проблем в творчестве писателя. В расследовании «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде», кроме детального воссоздания хронологии кровавых тринидадских событий, Найпол отмечает не только смену имен и псевдонимов Фрейтаса, но также и глобальную смену рода его деятельности, амплуа. В разные периоды времени, в разных обстоятельствах, локациях Икс играет разные роли: «Так много имен, персонажей, так много способов самопрезентации: все это было самым большим его талантом»⁵.

Ниже представим все этапы трансформации реального Майкла де Фрейтаса, упомянутые

Найполом, с указанием места, времени и «исполняемой роли»:

1. В 1958 г. де Фрейтас (пока еще под своим настоящим именем) впервые прибывает в Англию и обосновывается в Ноттинг-Хилле. Тогда его знали лишь в кругах лондонского преступного мира как сутенера, наркодилера, администратора игорного дома, по совместительству вышибалы, работавшего «под руководством» Питера Рэчмена, полукриминального бизнесмена, арендодателя и спекулянта недвижимостью⁶.

2. В 1960-х де Фрейтас проходит через «религиозно-политическую конверсию» и полностью меняет свой имидж. Теперь он называет себя Майкл Икс, возглавляет в Британии движение «Черная сила», быстро добивается славы в прессе, а также среди богемной прослойки лондонского андеграунда. Он именуется себя главным черным «поэтом» и «писателем». На это же время приходится создание резиденции «Черный дом».

3. В январе 1971-го, после года, проведенного в тюрьме, Майкл Икс берет мусульманское имя Майкл Абдул Малик и уезжает на Тринидад в боро под названием Арима, где возрождает коммуну «Черный дом», устраивая резиденцию в живописном месте, сплошь окруженном тропическими садами фруктовых деревьев. Здесь лидер коммуны Малик и его последователи якобы занимаются сельским хозяйством.

4. В 1972 г. Малик обвиняется в убийстве Гейл Бенсон и Джо Скеррита и объявляется в розыск. Он отправляется в бег и скрывается в Гайане, где меняет внешность и имя. С тех пор его зовут Т. Томпсон.

Найпол отмечает, что кроме постоянных попыток сменить идентичность, Икса также отличал ярко выраженный вещицизм, тяга к «статусным» предметам и занятиям. По Тринидаду Майкл Икс передвигался исключительно на больших американских машинах представительского класса с шофером. Там же он собирал многочисленные арт-объекты и подарки знаменитостей, дружбой с которыми он так сильно гордился. Так, например, после страшного пожара, который уничтожил в резиденции в боро Арима буквально все, чудесным образом осталось нетронутым пространство за патио – место, где Икс хранил произведения искусства, привезенные из Англии, стоимостью около 60 тыс. фунтов и пианино Джона Леннона. Из этого Найпол делает вывод, что пожар был делом рук самого Икса.

Не менее важным для оппозиционного лидера был и медийный образ. Де Фрейтас-Икс-Малик любил давать интервью и иногда сам связывался с журналистами, чтобы договориться о том или ином материале. Все публикации с упоминанием каждого из своих имен он хранил собранными в одном месте. В основном это были материалы из «Daily Telegraph» (его любимое медиа), «Daily Mirror», «Sunday Times», «Peace

News» и «New York Times». В продолжение работы по созданию собственного имиджа Икс также (уже самостоятельно, без помощи писателя-призрака, как то было в случае с обращением к эмиру Кувейта) написал две автобиографии. Первая из них называлась «От Майкла де Фрейтаса до Майкла Икса».

Эти факты доказывают, что игра Майкла Икса в самые разные перевоплощения не прекращалась никогда, только продолжалась и успешно эволюционировала между эпизодами его глобальной смены имиджа. Для Найпола было важным в расследовании «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» обрисовать главные правила преображенческой игры Майкла Икса и поэтапно, детализированно обозначить то, как именно он вел ее. Это подтверждает, что нефикциональные тексты писателя неотделимы от его фикционального творчества: конкретно в этом случае его журналистское расследование и даже подготовка (сбор материалов) к нему являются своеобразными черновыми версиями романа «Партизаны».

Из прототипа в герои: «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» как предпосылка к эволюции в творчестве Найпола

Отталкиваясь от эссе «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде», мы имеем возможность проследить движение писателя от нефикционального текста к художественному произведению, в частности, проанализировать один из аспектов творческого метода Найпола – «метаморфическую игру» по превращению реального прототипа в героя романа, злободневной социально-культурной проблемы в основную тему его художественного творчества. Таким образом, через анализ журналистского расследования «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» мы ставим задачу проследить и обозначить эволюцию темы и героя от публицистики к «литературе вымысла», задачу тем более интересную, что до сих пор текст «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» рассматривался исследователями только как дополнение к анализу романа «Партизаны» и никогда не оказывался в центре внимания.

Так, например, А. Р. Захлан в статье «Литературное убийство. “Партизаны” В. С. Найпола»⁷ упоминает журналистское расследование Найпола в качестве первоосновы его романа и заимствует из «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» словосочетание «literary murder» («литературное убийство»), чтобы использовать его в качестве заголовка своего исследования (Найпол использовал это словосочетание в своем эссе как метафору реального убийства, совершенного Майклом Иксом). Сама

же статья А. Р. Захлан в итоге посвящена сопоставлению главных персонажей романа «Партизаны» и героев Э. М. Форстера и Ш. Бронте (в частности, проводится параллель между Джейн из романа «Партизаны» и Джейн Эйр из одноименного романа, а также дается компаративный анализ сцены пожара в романах Найпола и Бронте), тогда как «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» вызывает лишь поверхностный интерес исследователя. В заключение А. Р. Захлан приходит к выводу, что весь роман является протестным высказыванием Найпола, направленным против классической английской литературы: «Разрушая героя, точку зрения, язык и форму, “Партизаны” бунтуют против английского романа»⁸. Т. Я. Гаяравала в статье «Фикциональное убийство и другие образы смерти: “Партизаны” В. С. Найпола и проблемы постколониального описания» так же, как и А. Р. Захлан, лишь упоминает эссе Найпола как материал, взятый писателем за основу для романа «Партизаны», но главное внимание уделяется «исторической генеалогии художественного описания и его роли в современном постколониальном романе»⁹.

Мы, напротив, делаем акцент на журналистском расследовании «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде», поскольку именно этот текст можно назвать негласным найполовским «манифестом» или сводом правил: в нем содержится квинтэссенция тем, проблем, методов и приемов, которые писатель использовал в своем творчестве. В первую очередь, стоит обратить внимание на причину столь высокого интереса Найпола к личности Майкла Икса – ведь писатель обращался к образу этого человека неоднократно. Желание наиболее тщательно воссоздать портрет Икса обусловлено тем, что история его реальной жизни во многих аспектах перекликается с тем, как Найпол видит процесс представительства, сущность автора и то, каким он представляет себе типичного героя в художественном произведении. В статье Ф. Сигела «Говорящие правду» приводится цитата из Найпола: «Каждый писатель в конечном итоге живет сам по себе; но с практической точки зрения именно это и помогает ему обрести традицию. Английский язык всегда был моим; но [английская] традиция – нет»¹⁰. Носитель мультикультурного наследия (Британия, Индия и Тринидад) В. С. Найпол провел в поисках своей традиции, идентичности почти всю жизнь. Эта внутренняя потребность во что бы то ни стало собрать единое целое из множества разрозненных и несочетаемых частиц становится программным мотивом всего творчества писателя. Майкл Икс, каким он предстает в расследовании, безусловно, похож на Найпола и его типичного героя именно в этом – в попытках найти себя, утвердить свою идентичность или даже выдумать, заново обрести ее.

Если мы ставим перед собой цель проследить конверсию образа прототипа из нефикционального текста в героя художественного романа, то приходим к выводу, что Найпол наделяет главного героя романа «Партизаны» Джимми Ахмеда многими чертами Майкла Икса. Так, для Ахмеда, как и для его реального прототипа, чрезвычайно важны яркая самопрезентация и публичный образ, созданный для привлечения новых последователей («обращенных») и для удержания статуса. В романе есть описание постера на котором изображен Джимми Ахмед: «...карандашный рисунок Джимми Ахмеда, на котором его волосы, глаза и усы изображаются так, чтобы намеренно усилить его негроидные черты. Снизу подпись: “Я никому не раб и не рабочая лошадь, я воин, несущий огонь – Хаджи Джеймс Ахмед”»¹¹. Этот постер развешан практически везде на территории Аримы и в особенности в пределах резиденции Джимми Ахмеда. Самое важное здесь то, что Найпол дословно цитирует подпись с постера («Я никому не раб и не рабочая лошадь, я воин, несущий огонь – Хаджи Джеймс Ахмед») трижды в романе: в завязке, основной части романа и в развязке. Так, например, надпись с постера про себя читает ничего не подозревающий о только что совершенном Ахмедом убийстве Роше за секунду до того, как видит реального палача со стеклянными взглядом и бледным лицом. Повтор текста с плакатной подписи здесь указывает на то, что публичный образ Ахмеда в романе имеет реальную силу, манипулятивное или даже гипнотическое воздействие на его последователей. Общение с его медийной копией буквально заменяет общение с ним самим.

Но Ахмед не всегда позиционирует себя как «воин», как это указано на постере. В диалоге с Джейн и Роше он заявляет: «Я не знаю сложной жизни... Для меня это просто жизнь. Это работа. Я рабочий»¹². Это еще одна роль в самопрезентации героя. В повествовательной ткани романа мы можем выделить Ахмеда-революционера, Ахмеда-«работника» и Ахмеда-писателя. В романе Найпола Джимми Ахмеда то и дело посещают порывы вдохновения, к нему приходят так называемые «видения тьмы», и он начинает писать. Джимми Ахмед пишет книгу автобиографического характера, повествователем в которой является женщина. В нефикциональном расследовании «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» Найпол отдельно обращает внимание на интерес Икса к писательству. Если конкретизировать – на то, что представляет из себя автобиография Майкла Икса. Найпол пишет, что она производит впечатление книги, крайне тяжелой для восприятия. Это связано с тем, что личность автора так и остается неузнанной, неосознанной: он «запутывает следы» (то ли непреднамеренно, то ли осознанно), искажает факты, приводит сюрре-

алистические детали и предлагает сомнительную информацию. В качестве доказательства Найпол приводит фрагменты автобиографии, в которых де Фрейтас пишет о своей матери. Сначала он представляет ее строгой, прямолинейной, нацеленной на достижение успеха и процветания, но уже через 20 страниц его мать предстает как истеричная, скандальная иммигрантка с острова Барбадос, которая всегда была на Тринидаде чужой, с печатью инаковости, с другими манерами и акцентом.

Факт того, что и в фикциональном, и в нефикциональном текстах присутствуют элементы автобиографического письма героев, в очередной раз подтверждает взаимосвязь прототипа и героя. Из этой взаимосвязи, из работы Найпола с реальными фактами в документальном, публицистическом жанре, возможно, рождается принципиально новый для всего его литературного творчества герой. Мы считаем важным обозначить намечающуюся эволюцию героя, который совершает переход из нефикционального текста в фикциональный. Если раньше в романах и рассказах Найпола доминировал герой-трикстер и преобладал иронический тон («Дом для мистера Бисваса» (A House for Mr Biswas, 1961), «Таинственный массажист» (The Mystic Masseur, 1957), «Улица Мигель» (Miguel Street, 1959) и др.), то роман «Партизаны», вдохновленный историей Майкла Икса, создан в другом ключе. Его атмосфера становится более мрачной, отсылая читателя к «конрадовскому» настроению. Поступки героя, метаморфозы, случившиеся с ним, лишают его легкого плутовского обаяния, зато «новое притворство», игра, мимикрия создают настроение подлинного ужаса (конрадовского horror). Новый герой Найпола уже не трикстер – он «мимик» (о мимикрии в творчестве Найпола писал З. Филипович в статье «Мимикрия и стыд в романе В. С. Найпола “Ненастоящие” и Н. Десаи “Наследие потери”»). Неуловимость подлинного характера героя-мимика в найполовском романе придает ему черты триллера, что при резких и неожиданных поворотах сюжета по эффекту, производимому на читателя, напоминает хичковский саспиенс.

Важно, что действия Майкла Икса как реального прототипа и Джимми Ахмеда как героя полно «визуализируют» и философию Найпола. Их поступки являются своеобразным подтверждением знаменитого высказывания Найпола, приведенного в качестве цитаты в тексте Пола Теру: «Не бойтесь угнетателя, но бойтесь угнетенного»¹³. Найпол считал, что заново обретенная независимость и «свобода» деколонизированной страны может произвести на общество «эффект травмы», а передача власти в руки политической элиты в бывших колониях неизбежно ведет к всплыванию насилия, тирании и распространению нищеты. Это связано с тем, что тот, кто становится лидером в этих странах, по сути,

является воспитанником колонизатора и, соответственно, подражает его поведению. Рэйчел Донадио в некрологе Найпола для The New York Times писала: «И все же г-н Найпол не игнорирует ни колонизаторов, ни колонизированных. Он писал о высокомерии и самовозвеличивании колонизаторов, но также разоблачал самообман и этическую двусмысленность освободительных движений, захлестнувших Африку и Карибский бассейн»¹⁴.

Не что иное, как этическая двусмысленность наблюдается в действиях Майкла Икса и Джимми Ахмеда. Кроме того, факт убийства реального и вымышленного в расследовании и романе нейтрализует всю якобы положительную политическую деятельность и «добросовестную» борьбу за права и свободы Икса и Ахмеда. Это является прямым воплощением тезиса Найпола о том, что наибольшую угрозу может представлять именно угнетенный, который вдруг получил власть над другими. И Майкл Икс, и Джимми Ахмед представляются Найполом героями угнетенными («suppressed»), чьи права ущемлялись как минимум по расовому признаку. Майкл Икс посвятил идее «восстановления» этих прав всю свою жизнь. Это доказывает его деятельность в рамках движения фронта «Черная сила».

В итоге на закате своей политической карьеры Икс убивает невинных жертв и становится тем, кого стоит бояться по-настоящему. Такой же сценарий проецируется и на героя Джимми Ахмеда. Так, в романе «Партизаны» Ахмед описывает свой опыт угнетаемого: «Я китаец-баквай (также термин «баквай» распространен среди нигерийского народа хауса, где баквай (Hausa bakwai) образуют этническое ядро)¹⁵. Ты знаешь что значит баквай? Ниггер на китайском. У них тоже есть словечко для этого. И они думали, что им-то я и стану по возвращению сюда. “О, он большая шишка в Англии и где-то еще, но здесь он будет всего лишь бакваем. Дайте ему начать двигаться. Дайте ему нанять ниггеров. Пусть посмотрит, что у него выйдет. Это не Англия”. Они думали, что поймали меня в ловушку. Но эта ловушка прихлопнула их самих»¹⁶. Джимми Ахмед, как и Майкл Икс, в романе пытается бороться за свои права, отстаивать их, быть воином, который «несет свет». В финале романа Найпол художественно воссоздает реальное убийство Гейл Бенсон, когда главный герой «Партизанов» Джимми Ахмед убивает невинную англичанку Джейн. Тем самым в фикциональном тексте также происходит переход из политики защиты в политику насилия, из преследуемого в преследователя, из жертвы в квинтэссенцию природы зла. Настолько яркое воплощение идеологической позиции Найпола, которое становится основным конфликтом произведений, впервые определяется именно в

журналистском расследовании «Майкл Икс и убийства фронта “Власть черных” на Тринидаде» и в романе «Партизаны».

Примечания

- ¹ См.: *Naipaul V. S. The Writer and the World : Essays.* London : Picador, 2003. P. 3083.
- ² Ibid. P. 3077.
- ³ Ibid. P. 2697.
- ⁴ *Naipaul V. S. Guerillas.* London : Picador, 2011. P. 6.
- ⁵ *Naipaul V. S. The Writer and the World : Essays.* P. 2716.
- ⁶ Ibid. P. 2595.
- ⁷ См.: *Zahlan R. Literary Murder : V. S. Naipaul’s “Guerillas»* // *South Atlantic Review.* 1994. Vol. 59, № 4. P. 89–106. DOI: 10.2307/3201361
- ⁸ Ibid. P. 103.
- ⁹ *Gajarawala T. J. Fictional Murder and Other Descriptive Deaths : V. S. Naipaul’s “Guerrillas” and the Problem of Postcolonial Description* // *Journal of Narrative Theory.* 2012. Vol. 42, № 3. P. 1.

- ¹⁰ *Siegel F. The Truth-Tellers : V. S. and Shiva Naipaul exposed the contradictions of Third Worldism.* Winter 2019 // *City Journal.* URL: <https://www.city-journal.org/vs-and-shiva-naipaul> (дата обращения: 08.12.2020).
- ¹¹ *Naipaul V. S. Guerillas.* P. 10.
- ¹² Ibid. P. 20.
- ¹³ *Theroux P. Memories of V. S. Naipaul* // *The New Yorker.* August 24, 2018. URL: <https://www.newyorker.com/culture/personal-history/memories-of-v-s-naipaul> (дата обращения: 03.12.2020).
- ¹⁴ *Donadio R. V. S. Naipaul, Who Explored Colonialism Through Unsparing Books, Dies at 8* // *New York Times.* August 11, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/11/obituaries/vs-naipaul-dead-author-nobel-prize.html> (дата обращения: 07.12.2020).
- ¹⁵ *Ляхович А. Особенности речевой культуры хауса (на материале хаусаязычной словесности).* URL: <https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-295-1/978-5-88431-295-1.pdf> (дата обращения: 05.12.2020).
- ¹⁶ *Naipaul V. S. Guerillas.* P. 20.

Поступила в редакцию 14.01.2021, после рецензирования 28.01.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 14.01.2021, revised 28.01.2021, accepted 10.02.2021

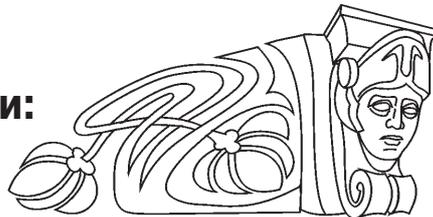

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 226–230
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 226–230

Научная статья

УДК 821.111(417).09-311.6+929[О'Фаррелл+Шекспир]
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-226-230>

После историографической метафизии: «Хэмнет» Мэгги О'Фаррелл

И. В. Кабанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Аннотация. Привлекшая к себе внимание новинка 2020 г., исторический роман Мэгги О'Фаррелл «Хэмнет» о сыне Шекспира, рассматривается как продолжение традиции постмодернистского «шекспировского романа» Э. Бёрджесса и Р. Ная, однако основные особенности историзма и повествовательной техники О'Фаррелл возводятся к образцу трилогии о Кромвеле Хилари Мантел.

Ключевые слова: Мэгги О'Фаррелл, Мантел, исторический роман, повествование, Шекспир, семья, частная жизнь, горевание

Для цитирования: Кабанова И. В. После историографической метафизии: «Хэмнет» Мэгги О'Фаррелл // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 226–230. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-226-230>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-226-230>

Post-historiographical metafiction: Maggie O'Farrell's *Hamnet*

I. V. Kabanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Kabanova, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Abstract. Maggie O'Farrell's *Hamnet* (2020), the novel about Shakespeare's son and wife, is considered as the continuation of postmodernist interest in Shakespeare exemplified by A. Burgess's and R. Nye's novels about the Bard. However, O'Farrell's approach to history through the lens of everyday family life, her present-tense narrative and especially her manner of reinterpreting the historical facts all point to another, more recent literary influence – Hilary Mantel's Cromwell novels.

Keywords: Maggie O'Farrell, Mantel, historic novel, narrative, Shakespeare, family, private life, mourning

For citation: Kabanova I. V. Post-historiographical metafiction: Maggie O'Farrell's *Hamnet*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 226–230 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-226-230>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В английской историографической метафизии существует особая подотрасль – романы об Уильяме Шекспире. Назовем только переведенные на русский язык романы: Э. Бёрджесс, «Влюбленный Шекспир» («Nothing Like the Sun», 1964); Р. Най, «Миссис Шекспир. Полное собрание сочинений» («Mrs. Shakespeare. Complete Works», 1993); он же, «Покойный мистер Шекспир» («The Late Mr. Shakespeare», 1998). В 2020 г. в этом ряду случилось любопытное и значительное пополнение – роман англо-ирландской писательницы Мэгги О'Фаррелл (р. 1972) «Хэмнет» («Hamnet»). Этот роман она вынашивала тридцать лет.

Основному тексту предпослана песенка Офелии из «Гамлета»:

Ах, он умер, госпожа,
Он – холодный прах;
В головах зеленый дерн,
Камешек в ногах
(«Гамлет», Акт 4, сц. 5, пер. М. Лозинского)

и цитата из статьи ведущего современного шекспироведа Стивена Гринблатта: «“Хэмнет” и “Гамлет”, в сущности, одно и то же имя, часто взаимозаменяемое в стратфордских документах

конца шестнадцатого – начала семнадцатого века»¹. Исторический Хэмнет – это единственный сын Уильяма Шекспира и его жены Анны Хатауэй, близнец младшей дочери Шекспира Джудит; согласно стратфордским церковным книгам, Хэмнет умер в 1596 г. в возрасте 11 лет, больше мы ничего о нем не знаем.

Роман о личной жизни Шекспира, или Гёте, или Пушкина требует от его автора не только досконального знания имеющихся фактов, особого такта, но прежде всего уверенности в своем стиле, ведь читатель подсознательно сравнивает качество письма в романе со стилем величайшего художника своей национальной литературы. Восьмой по счету роман Мэгги О'Фаррелл, писательницы, ранее отмеченной многими литературными премиями, написан рукой зрелого мастера, демонстрирует масштаб ее психологизма, воображения, творческой изобретательности. Нам представляется, что в этом романе, собравшем букет восторженных рецензий (например, Брукс², Маллэн³, Гринблатт⁴), О'Фаррелл отступает от традиции демонстративного экспериментаторства Бёрджесса и Ная и следует урокам Хилари Мантел в жанре исторического романа, а именно:

– исторические персонажи преподносятся автором, прежде всего, как частные лица, в сфере их повседневности;

– повествование ведется формально от третьего лица, но с постоянно чередующимся переключением фокуса между сознанием центральных героев, представляя собой современный, более сложно организованный вариант приема «точки зрения»;

– повествовательное время – настоящее, что позволяет достичь новой степени вовлеченности читателя в повествование, как бы непосредственно помещает его во время и пространство героев;

– сюжет ни в чем не противоречит известным историческим фактам, но полностью преобразует их благодаря новым психологическим мотивировкам, которые созданы фантазией автора и приобретают в романе неотразимую убедительность. Создается новая, захватывающая, самоутверждающаяся на глазах читателя версия истории.

Рассмотрим «Хэмнета» в обозначенных аспектах и обратимся сначала к истории частной жизни в романе.

В первой части романа Хэмнет заражается от Джудит бубонной чумой, и история его болезни перемежается с ретроспективно рассказанной историей встречи и брака его родителей. Хэмнет решает сыграть со смертью в их с Джудит любимую игру, когда они с сестрой менялись одеждой. Он ложится рядом с больной сестрой: «Он уверен, их нельзя различить. Пусть смерть перепутает, пусть заберет его вместо нее. Она шевелится рядом, хочет привстать. Повторяет, “нет,

Хэмнет, нет”». Она, как всегда, знает, что он задумал. Он натягивает простыню над ними потуже. Вдыхает. Выдыхает. Поворачивает голову и дышит в раковину ее уха, вдыхая в нее свою силу, свое здоровье, всего себя. Он шепчет, ты останешься, я уйду. Он говорит: Возьми мою жизнь. Пусть она будет твоя. Я тебе ее отдаю»⁵. Первая часть романа завершается смертью мальчика. Историю горевания семьи, когда все ее члены, каждый на свой лад, находятся «в поисках Хэмнета», пытаются примириться с утратой, рассказывает вторая часть романа.

Основное действие разворачивается в Стратфорде, в доме Джона Шекспира, отца драматурга, и примыкающем к нему доме молодой семьи; в окрестностях Стратфорда, в лесах и полях, на ферме Хьюлендз, где выросла его жена. Финальные сцены романа происходят в Лондоне. Настоящее романа – неполных четыре года, с августа 1596 г., с момента болезни близнецов, до 1600 г., до первых представлений «Гамлета» в театре «Глобус».

В центре романа – образ Агнес; О'Фаррелл называет жену Шекспира не общепринятым именем, а так, как она именуется в сохранившемся завещании ее отца. В момент знакомства с будущим мужем он слышит ее имя как «Анна», а для него это имя умершей младшей сестры, и он испытывает потрясение, слыша имя, которое не произносил вслух со смерти сестры. Но девушка поправляет его: она сказала не «Анна», а «Agnes, Аньес», с мягким «г», мысленный образ ее имени для него – «Ann-yis. Agn-yes» (36). «Yes», т. е. «да», смысл согласия, принятия мира, позитива – имя героини, так истолкованное, предвосхищает развитие ее образа в романе. В раннем детстве Агнес потеряла мать-цыганку, но унаследовала от нее дары ясновидения, знахарства: «...она слышит мертвых, невысказанное, непознаваемое; касаясь человека, она чувствует, как хворь бежит по его жилам, как мягко давит опухоль на легкие или на почки, она читает по глазам, читает сердца так же легко, как иные читают книги» (183). Ее побаиваются и сторонятся обыватели, старшая дочь, рациональная Сюзанна, стыдится матери, видит в ней «полоумную» (203). Но в беде, в болезни те же самые люди обращаются за помощью к Агнес.

Центральное положение образа Агнес в романе отражает уже титульный лист, который на первый взгляд очень напоминает титул первого издания «Гамлета» (1604). Надо взглянуть, чтобы увидеть, что стандартная для раннего книгопечатания барочная издательская виньетка с мифологическими существами и растениями заменена на ясно читаемый инициал Н (Hamnet), по которому среди дубовых листьев, папоротника и плюща бежит белка, а в верхней его части прячется сова. Это изобразительная символика, имеющая отношение к образу Агнес, которая чувствует себя сама собой не в доме, но только в лесу, на своей пасеке, на своем аптекарском огороде.

Она появляется на страницах романа на опушке леса, с соколом на руке, в мужском дублете, как ее видит из окна учитель ее сводных братьев, молодой Шекспир. «Наставник латыни» подстерегает ее в сарае, где зимой хранятся яблоки и где она держит сокола, и впервые прикоснувшись к его ладони, девушка ощущает его избранничество: «Такое встретилось ей впервые. И никогда бы не поверила, что найдет это в ладони юного грамотея, горожанина в чистеньких сапожках. Она знала только, что это было нечто громадное, какой-то сложный, разнообразный ландшафт. В нем были пространства и пустоты, какие-то скопления, подземные пещеры, подъемы и спуски. Она не могла разглядеть все сразу – пейзаж был слишком обширен, слишком подробен, многое от нее ускользало. Она чувствовала, что не могла постичь этот пейзаж, он был значительней, чем оба они, вместе взятые. И еще она ощущала, что что-то его беспокоит, связывает; какой-то узел, цепь, что-то надо было развязать, порвать, прежде чем он сможет зажить в своем пространстве, начать им распоряжаться» (58). Так она отныне и будет видеть смысл своей жизни – помочь любимому освободиться от тирании отца, вырваться из мещанского Стратфорда, жертвовать своими интересами жены для самореализации гения, поддерживать его во всем. Подъемы и спуски они проходят вместе. Агнес в романе знает себе цену, знает свою силу, но относится к ней со смирением, использует ее прежде всего ради семьи. Она находит приемлемый для свекра аргумент, чтобы этот проворовавшийся, ожесточенный неудачник отпустил ее чахнувшего в Стратфорде мужа в Лондон. Она знает, что в момент смерти с ней будут двое ее детей, и поскольку их у нее трое и очевидно, что самая болезненная из них – Джудит, она сосредоточивает свое внимание на здоровье самого уязвимого ребенка, отказывается переехать к мужу в Лондон, чтобы не рисковать здоровьем Джудит. Только себя она винит в смерти сына: «Она глупая, слепая идиотка, хуже любого недоумка. Она всегда думала, что бороться надо за Джудит, а обречен был Хэмнет. Как судьба подставила ей такую ловушку? Заставить ее сосредоточиться на одном ребенке, отвлечь ее, чтобы забрать другого?» (155). Когда после смерти сына муж перестает регулярно наезжать в Стратфорд и между ними нарастает отчуждение, Агнес погружается в свою целительскую практику, служением больным облегчая собственное горе.

Только один раз в романе она не понимает мужа – когда мачеха Агнес, которая ее ненавидит, показывает ей афишу лондонской театральной новинки. На афише под именем ее мужа и словом «трагедия» огромными буквами стоит имя ее покойного сына. Вместо потрясенной матери гневное письмо отцу пишет Сюзанна: как ты мог, почему не спросил нас? Агнес впервые в жизни едет в Лондон (три дня пути от Стратфор-

да верхом), чтобы самой увидеть, чего ради ее муж углубляет незаживающую рану утраты, неужели и память о сыне он стал эксплуатировать в своей торговле словами. Она не застаёт мужа в съемной комнате, которая производит на нее впечатление монашеской кельи, кабинета ученого – она подсознательно не ожидала, что так живет самый богатый человек в Стратфорде. На столе она находит начатое им письмо: «Моя дорогая» (тут сердце ее замирает, Агнес вообще читает с трудом), и всего одно слово на следующей строчке – «Агнес» (214). Шок, отстраненность от окружающего, ошеломление от Лондона проходят у нее только в театре. Заплатив полпенни за вход и стоя у сцены, зажатая замершей толпой, она слышит сначала только поток красивых слов, видит искусственность актерской игры и каждый раз вздрагивает при упоминании имени Гамлета: «Зачем ее муж так поступил? Зачем притворяться, что это имя для него – просто набор букв? Как он мог украсть его имя, позабыть все, что оно для них значит, перечеркнуть жизнь того, кто носил это имя? Как он мог взять перо и написать его на бумаге, разорвав связь имени с их сыном? Во всем этом нет смысла. Все это пронзает ей сердце, убивает ее, угрожает отрезать ее от нее самой, от него, от всего, что у них было, чем они были» (220). Агнес собирается уже покинуть театр, когда на сцене появляется принц Гамлет, и в юноше-актере она узнает сына, каким бы он стал сейчас, повзрослев. Актер не просто внешне похож на Хэмнета, у него точно так же взъерошены волосы, он точно так же, полузавязанным, носит дублет, он говорит и двигается, как Хэмнет, и духовный облик принца Датского напоминает ей характер сына. И они вместе на сцене – отец в роли Призрака и найденный и обученный им актер на роль сына. Как понимает Агнес, мужу удалось то, что не удалось ей – он нашел Хэмнета. Отец силой своего горя, средствами театра совершил чудо – вернул сына, вернул к жизни, теперь уже в вечности. Однако в целом проблематика творчества присутствует в романе на периферии; ни образ творца, ни творческий акт не играют здесь такой роли, как в жанре романа о художнике.

Образ Агнес – продукт эпохи гендерного равенства; в браке они с мужем равноправные стороны, ее мудрость и сверхспособности делают ее единственно возможной спутницей жизни гения. Принципиально важно, что в романе вообще нет имени Шекспира – он именуется «муж», «отец», «учитель латыни». Такое обращение с именами собственными подчеркивает универсальность истории родителей, теряющих ребенка. Меньшее, в сравнении с Агнес, присутствие Шекспира в романе не делает его менее важным героем. Автор изображает супружеский союз, в котором две половинки не сливаются в единое целое, но несмотря ни на что, продолжают оставаться друг для друга самыми важными людьми. Одна из са-

мых сильных сторон романа – описание трансформации юношеской страсти в чувство более глубокое, ощущение непрерывности внутреннего диалога между супругами.

Вот после погребения Хэмнета Шекспир прощается с женой перед возвращением в Лондон; для нее истина в том, что он в это время должен быть с семьей, для него – в том, что его засасывает безграничное горе, ставит под угрозу дело его жизни: «Так на секунду они стоят, обнявшись, и она чувствует, что ее влечет к нему так же, как всегда, как будто ее сердце обвязано невидимой веревкой, привязанной к его сердцу. Наш мальчик, думает она, был наполовину он, наполовину я. Мы родили его вместе, похоронили вместе. Он больше не вернется» (176–177) – последняя фраза в равной степени относится к сыну и в этот момент – к отцу. Но даже думая, что он покидает ее навсегда, Агнес и сейчас отпускает мужа, потому что тот огромный внутренний ландшафт, который она ощутила в момент их первого знакомства, уже ожил, превратился из потенциала в реальность. Она понимает, что такое пространство способно целиком подчинить себе человека, заставить забыть даже любовь к семье: «“Я знаю, ты попался, как рыба на крючок, ты теперь там”».

“Где? В Лондоне?”

“Нет, в том месте, что у тебя в голове. Я его видела, давно, там целая страна. Ты до нее добрался, и теперь она для тебя реальней, чем все остальное. Ничто тебя от нее не удержит. Даже смерть твоего ребенка. Я это вижу, не думай, что не вижу”» (176).

Те детали повествования, которые в постмодернистской метафизике показательно обыгрывались – например, пресловутая «вторая по качеству кровать», завещанная Шекспиром жене, – здесь искусно вплетены в ткань частной истории: при переезде с Хенли-стрит в новый богатый дом Нью-Плейс Агнес мимоходом говорит, что будет по-прежнему спать в кровати, в которой спала с момента замужества.

Что касается повествовательного времени, то в «Хэмнете» оно сконструировано относительно проще, чем в трилогии Мантел. В романе нет того, что позволяет объем трилогии: многократного возвращения к ключевым сценам в биографии героев, когда всякий раз описываемая сцена углубляется, предстает перед читателем в новом ракурсе, который становится доступен только по мере развертывания общего повествования. Учитывая все пробелы и темные места в биографии Шекспира, понятно, что роман О'Фаррелл менее эффектен, чем трилогия о Кромвеле. Здесь нет крупных исторических событий, разве что чумные эпидемии упоминаются в контексте закрытия лондонских театров, когда Шекспир получает возможность пожить в Стратфорде месяц-другой. Нет имен или портретов знатных покровителей Шекспира – есть

единственная сцена, когда труппа возвращается по зимней Темзе после представления при дворе; из актеров по имени назван только Конделл; присутствует несколько зарисовок из неустроенного гастрольного быта актеров. Основная событийная канва разворачивается в сфере семейных взаимоотношений. Но сопоставившая с трилогией степень психологизации достигается за счет использования принципиально той же, что у Мантел, нарративной техники: так же, как в романах о Кромвеле, в первой части главы в настоящем времени перебиваются ретроспективными по смыслу главами, которые также рассказаны в настоящем времени. Создается впечатление разворачивающегося жизненного потока, захватывающего читателя, биения самого пульса жизни. Как и Мантел, О'Фаррелл раздвигает границы повествования, например, за счет вставной истории блох, носителей чумы, детально прослеживая их путешествие из Египта в Венецию и оттуда в Уорикшир, вплоть до той блохи, которая кусает Джудит, открывающую ящик с венецианскими бусами, доставленный в Стратфорд из Лондона соседке-портнихе Шекспиров для выполнения богатого заказа. Во второй части повествование выстроено строго хронологически и как бы фиксирует разные стадии горя у членов семьи, его приливы и отливы, их нарастающую зависимость от этой эмоции и финальное примирение с ней, исцеление горя, насколько это вообще возможно, средствами искусства.

Говоря же о новизне психологических мотивировок в новейшем историческом романе после Мантел, отметим в «Хэмнете» тот же имплицитный, глубоко пропитывающий повествование, социальный аспект нарратива. И Агнес, и ее муж – люди от природы настолько необычного склада, что по определению противостоят большинству. О'Фаррелл показывает, как ее герои учатся оказывать сопротивление (Агнес – мачехе, юный Шекспир – отцовскому рукоприкладству), использовать общественные нормы в своих интересах (им разрешают пожениться только после того, как Агнес забеременела; Шекспир покидает Стратфорд под предлогом расширения отцовской торговли на Лондон, и т.д.). С высоко поднятой головой, рука об руку идут, смеясь, по улицам Стратфорда, сопровождаемые неодобрительными перешептываниями, никчемный старший сын нечестного перчаточника и дочь цыганской колдуньи.

Сходство с Мантел глубже с точки зрения манеры О'Фаррелл в работе с историческими фактами. Обе писательницы находят свою сферу в зазорах и зияниях между фактами, смело атакуют смысловые пустоты, несоответствия в трудах биографов и историков. Идея о том, что трагедия «Гамлет» каким-то образом связана с умершим сыном Шекспира, высказывалась еще со времен Кольриджа десятками ученых (Фрейд, Х. Блум⁶, К. Себаг-Монтефиори⁷)⁸, но автор «Хэмнета» выдвигает версию с вполне оригинальными ак-

центами, с мотивировками, которые не могут себе позволить ученые.

В художественном мире романа, как и у Мантел, мир исторический, вполне материальный, воссоздан на уровне серьги в ухе (с наиболее достоверного портрета Шекспира), вкуса воды, стежков в платье, запахов кожи и шерсти, зримо, осязаемо, ольфакторно – и он соседствует с миром трансцендентным. Это соседство становится инструментом погружения в глубины сознания героев: «Агнес уже давно представляла себе смерть в виде освещенной изнутри комнаты, которая стоит где-то посреди болот. В комнате живут живые; умершие бродят вокруг, прижимаясь к окнам лицом, ладонями, хоть кончиками пальцев; они отчаянно хотят назад, к своим родным. Внутри комнаты кто-то видит и слышит тех, кто снаружи; иные умеют разговаривать с ними сквозь стены; большинство не умеет» (150). Дело не просто в этом дополнительном измерении реальности, открытом Агнес, Джудит, Шекспиру, в том мире, где они пытаются вступить в контакт с умершим Хэмнетом. Этот мир в романе – нечто большее, чем художественный образ, воплощающий суждения современных демографов о том, что в елизаветинской Англии каждый четвертый ребенок не доживал до 10 лет. Скорбящая Агнес размышляет не о детской смертности, а о хрупкости жизни как таковой: «Что дано, может быть забрано в любой миг. За каждым углом, из любого сундука, из-за каждой двери выглядывают жестокость и погибель, набрасываются, как вор, как разбойник. Нужно быть всегда начеку. Нельзя считать, что ты в безопасности. Всегда проверяй, бьется ли у твоих детей сердце, пьют ли они молоко, дышат ли, ходят ли, говорят, смеются, играют. Помни, что они могут исчезнуть в любое мгновение, не успеешь моргнуть, а их уж вырвало, унесло, как пух чертополоха» (125). В 2020 г., в год издания романа, эти слова воспринимаются особенно остро.

Таким образом, по ряду важнейших для исторического романа параметров (сдвиг в сторону изображения частной жизни, повседневности; привилегированность гендерной проблематики; композиционное решение художественного

времени; роль вымысла в создании психологических мотивировок) «Хэмнет» следует по пути, открытому в современной английской литературе Хилари Мантел, что ничуть не умаляет высочайшей оценки мастерства М. О'Фаррелл в этом замечательном романе.

Примечания

- ¹ Greenblatt S. The Death of Hamnet and the Making of *Hamlet* // *New York Review of Books*. October 21, 2004. URL: <https://www.nybooks.com/issues/oct/21> (дата обращения: 20.01.2021).
- ² См.: Brooks G. Shakespeare's Son Died at 11. A Novel Asks How It Shaped His Art // *New York Times*. July 1, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/07/17/books/review/hamnet-maggie-ofarrell.html> (дата обращения: 20.01.2021).
- ³ См.: Mullan J. Maggie O'Farrell's *Hamnet*: A brilliantly observed historical novel // *New Statesman*. November 18, 2020. URL: <https://www.newstatesman.com/Maggie-ofarrell-hamnet-review> (дата обращения: 20.01.2021).
- ⁴ См.: Greenblatt S. A Wisewoman in Stratford // *New York Review of Books*. January 14, 2021. URL: <https://www.nybooks.com/articles/2021/01/14/hamnet-shakespeare-wisewoman-stratford/> (дата обращения: 20.01.2021).
- ⁵ O'Farrell M. *Hamnet*. London: Tinder Press, 2020. E-book. P. 128. В дальнейшем цитаты в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках. URL: https://www.ebooks.com/en-ru/book/209704659/hamnet/maggie-o-farrell/?_c=1 (дата обращения: 08.09.2020).
- ⁶ См.: Bloom H. *Shakespeare: The Invention of the Human*. New York: Riverhead Books a member of Penguin Putnam Inc., 1998.
- ⁷ См.: Sebag-Montefiore C. *Hamnet: A Play for Shakespeare's Forgotten Son (and One 11-Year-Old Actor)* // *The Guardian*. September 11, 2018. URL: www.theguardian.com/culture/2018/sep/11/hamnet-a-play-for-shakespeares-forgotten-son-and-one-11-year-old-actor (дата обращения: 18.01.2021).
- ⁸ Обзор соответствующей литературы см., например: Bray P. *Men, Loss and Spiritual Emergency: Shakespeare, the Death of Hamnet and the Making of Hamlet* // *Journal of Men, Masculinities and Spirituality*. 2008. Vol. 2, № 2. P. 101–104.

Поступила в редакцию 23.01.2021, после рецензирования 01.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 23.01.2021, revised 01.02.2021, accepted 10.02.2021

ЖУРНАЛИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 231–234
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 231–234

Научная статья
УДК [34:316.77](597)
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-231-234>

Закон о кибербезопасности и социальные сети Вьетнама

Т. Л. Нгуен

Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Нгуен Тхи Лиен, аспирант кафедры массовой коммуникаций, liananguyen1010@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9916-1266>

Аннотация. В статье рассматриваются закон о кибербезопасности во Вьетнаме и новые тенденции мультимедийных коммуникаций, развивающиеся в социальной сети. Facebook как инструмент для развития мультимедийных коммуникаций является не только коммуникационной платформой, но и важным новостным каналом.

Ключевые слова: коммунитаризм, интернет-СМИ, закон о кибербезопасности, социальные сети, Facebook, Zalo, Instagram, TikTok

Для цитирования: Нгуен Т. Л. Закон о кибербезопасности и социальные сети Вьетнама // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 231–234. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-231-234>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-231-234>

Vietnam cybersecurity law and social media

T. L. Nguyen

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow 117198, Russia

Thi Lien Nguyen, liananguyen1010@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9916-1266>

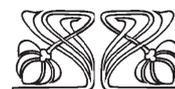
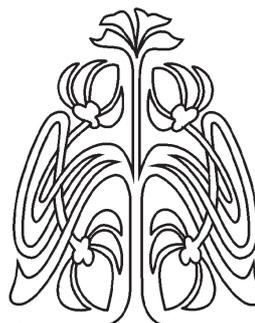
Abstract. The article discusses the law on cybersecurity in Vietnam and the new trends in multimedia communications, developing in social networks. Facebook is considered a tool for the development of multimedia communications in Vietnam, a trend in technology and information exchange. In Vietnam this social network is not only a communication platform, but also an important news channel.

Keywords: communitarianism, online media, cybersecurity law, social networks, Facebook, Zalo, Instagram, TikTok

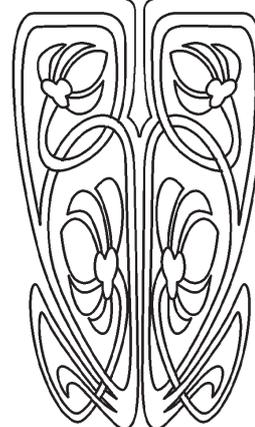
For citation: Nguyen Thi Lien. Vietnam cybersecurity law and social media. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 231–234 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-231-234>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Вьетнам – маленькая страна с большой историей и самобытной культурой – привлекает к себе все больше внимания. Вьетнам так-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

же является однопартийным государством, в котором десятилетиями господствовала правящая Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ). Последняя имеет сильные позиции в средствах массовой информации, а государство контролирует все печатные и вещательные СМИ, включая Интернет. В качестве основополагающей ценности политической культуры Вьетнама выступает вьетнамский коммуитаризм¹.

Последний представляет собой новую концепцию, которая появилась только в последние десятилетия двадцатого столетия и происходила от слова «сообщество». Оно родилось из-за необходимости противостоять крайнему индивидуализму и в то же время поддерживать цивилизованное общество. По определению профессора Фан Суан Шона, вьетнамский коммуитаризм – это общая ценность, мысль, философия, кодекс поведения, предназначенный для продвижения сообщества, для консолидации вьетнамского народа в коллективную силу.

Датой происхождения революции в сетевом информационном пространстве Вьетнама является 2005 год. С развитием Интернета появились такие новые каналы информации, как блоги, форумы в социальных сетях. Жизнь журналистики вообще и интернет-журналистики в частности становилась все более разнообразной. Возникли «левые», нелегальные информационные сайты, которые пользовались популярностью у определенной аудитории.

Национальная ассамблея Вьетнама 12 июня 2018 г. большинством голосов приняла закон о кибербезопасности. В соответствии с законом предприятия, предлагающие соответствующие интернет-услуги на территории Вьетнама, должны размещать цифровые хранилища данных интернет-пользователей на территории этой страны, иностранные компании должны создавать представительства на территории Вьетнама.

Соответствующие вьетнамские компании на территории страны должны проверять подлинность информации, предоставленной пользователем при регистрации, а также предоставлять соответствующую информацию министерству внутренних дел по требованию.

Принятый закон вступил в силу 1 января 2019 г. Закон запрещает разглашение информации о «политике, обороне, национальной безопасности, международных отношениях, экономике, технологиях или любых других областях, регулируемых законом».

Принимая во внимание строгий контроль Вьетнама над официальными средствами массовой информации, многие деятели стремились распространять свои взгляды через Интернет, в результате чего правительство наложило ограничения на использование и доступ в Интернет². Так, к 2019 г. было зарегистрировано 64 млн интернет-пользователей, увеличившись на 28% по сравнению с 2017 г.³, также 58 млн пользова-

телей социальных сетей на мобильных устройствах – рост составил до 8 млн по сравнению с 2018 г. Наряду с развитием технологий, была запущена низкоуровневая телефония среднего класса, чтобы людям было проще иметь смартфоны и выходить в Интернет. Согласно статистике WeareSocial и Hootsuite⁴, вьетнамские пользователи проводят в Интернете в среднем 6 часов 42 минуты в день; 94% интернет-пользователей во Вьетнаме пользуются Интернетом ежедневно, остальные 6% – не реже одного раза в неделю⁵.

Согласно ст. 80 Конституции Вьетнама, критика правительства на различных сайтах может быть охарактеризована как шпионаж, за который нарушители могут быть приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Люди не имеют права критиковать правительство публично. Материал, угрожающий коммунистическому правлению, включая политическое несогласие, блокируется. В 2018 г. Freedom House заявил, что цензура посредством удаления контента стала систематической. Неправительственная организация заявила, что власти работали с Facebook, чтобы удалить сотни аккаунтов, обвиняемых в распространении «реакционных, антипартийных» материалов.

Закон о кибербезопасности, вступивший в силу в 2019 г., требует, чтобы глобальные онлайн-платформы создавали локальные офисы и хранили их пользовательские данные во Вьетнаме.

Информация также может быть скрыта, если она может нанести ущерб государственным интересам или благополучию нации. Свобода выражения мнений, религиозная свобода и активность гражданского общества жестко ограничены. Власти все чаще подавляют использование гражданами социальных сетей и Интернета.

Блогеры и гражданские журналисты являются единственными источниками независимых новостей, сообщает «Репортеры без границ» (RSF). Но они сталкиваются с «все более жесткими формами преследования».

В то время как социальные сети стали большей частью интернет-сообщества, новое исследование, проведенное Вьетнамским национальным университетом в Ханое, показало, что они часто служат платформой для публичных оскорблений и разжигания ненависти. Почти 80% из 1 000 опрошенных интернет-пользователей заявили, что они были либо жертвами, либо свидетелями публичного осуждения на Facebook или других сайтах, сообщила исследовательская группа на конференции в апреле 2017 г.⁶

В течение 2018 г. продолжали поступать сообщения о новых арестах, избиениях, уголовных приговорах и случаях жестокого обращения с журналистами и блогерами в местах лишения свободы. В июле власти задержали независимого журналиста, который часто работал на американские СМИ; в конце года он все еще находился

в предварительном заключении. В августе власти избили заключенного в тюрьму видеооператора, связанного с Радио «Свободная Азия»⁷.

Репрессивные законы ограничивают журналистов и блогеров, отмечает Freedom House⁸. Те, кто сообщает или комментирует спорные вопросы, подвергаются риску запугивания и физического насилия.

Несмотря на это, Интернет является площадкой для таких социальных сетей, как Facebook, Zalo, Instagram, TikTok и другие, оказывающих влияние на образ жизни граждан. Появление мобильных технологий усиливает функциональность и полезность Интернета, тем самым обеспечивая людям легкий доступ к нему.

Интернет-пользователи переходят в онлайн, чтобы сознательно заниматься просмотром различного интернет-контента, что отвлекает их от образовательных занятий. Эти быстрые изменения в технологии помогают сформировать способ использования людьми Интернета в повседневной жизни. Согласно недавнему отчету, опубликованному Исследовательским центром Пью, 48% онлайн-потребителей Вьетнама используют социальные сети в качестве источника новостей как минимум один раз в день⁹.

В отчете использованы данные опроса «Global Attitude Survey 2017»¹⁰, в ходе которого выяснялось, что 41% из 1000 вьетнамских респондентов сказали, что они используют сайты социальных сетей для новостей несколько раз в день. Подобная информация позволяет говорить о Вьетнаме как о стране с четвертым по величине ежедневным использованием социальных сетей. Он уступил Южной Корее (57%), Ливану (52%) и Аргентине (51%). Во Вьетнаме 81% людей в возрасте 18–29 лет, 44% в возрасте 30–49 лет и 3% в возрасте 50 лет и старше ссылались на сайты социальных сетей в качестве ежедневного источника новостей. В целом вьетнамцы позитивно относятся к освещению в новостях.

Кроме этого, Вьетнам занимает седьмое место среди стран с наибольшим количеством пользователей Facebook. Кроме последнего, YouTube очень популярен среди вьетнамских интернет-пользователей. Это означает, что десятки миллионов вьетнамцев получают доступ к новостям и информации в Интернете без необходимости изучения поддерживаемых государством новостных агентств.

Влияние Facebook на журналистику и новостную индустрию неоспоримо. Принятие во внимание того, что можно определить в качестве новостей, также помогает углубить понимание нюансов вьетнамского онлайн-общения в социальных сетях. Ле Куанг Ту До, чиновник из Министерства информации и коммуникаций Вьетнама, сообщил, что необходимо регулировать быстрое распространение социальных сетей во Вьетнаме и их растущее влияние. Владельцы страницы Facebook, публикующие ложные новости, могут

быть подвергнуты штрафу в 20 млн донгов. Аналогичное наказание предусмотрено для пользователей за создание поддельных страниц либо за взлом аккаунтов других людей или организаций.

Вьетнамское правительство принимает различные меры для регулирования социальных сетей¹¹. С этой целью оно сотрудничает с мировыми гигантами Интернета для осуществления контроля в сети. Эрик Шмидт, исполнительный председатель Alphabet – материнской компании Google, пообещал помочь Вьетнаму предотвратить появление и удалить уже имеющуюся негативную информацию с сайта YouTube. Компания Facebook также пообещала сотрудничать с вьетнамским правительством с целью блокировки отрицательного контента.

Zalo, внутренняя социальная сеть Вьетнама, была запущена в 2012 г. В августе 2018-го Zalo объявила о 80 млн пользователей (по данным Zalo Group)¹². Согласно результатам опроса Vinaresearch, Zalo имеет второй уровень осведомленности (94,3%) наравне с YouTube, опередив Facebook. В среднем около 87 человек имеют учетную запись Zalo.

Instagram – социальная сеть для обмена фотографиями. Интересная особенность этой социальной сети, отличающая ее от большинства других социальных сетей: женщин-пользователей в 1,6 раза больше, чем мужчин (44,2 и 27,4% соответственно)¹³, хотя в большинстве других соцсетей эта разница невелика.

TikTok – это короткоформатный видеохостинг, который предлагает приложение для обмена короткими видео продолжительностью 15 секунд на видео для базовых учетных записей. Его исходный контент – это в основном синхронизация губ, танцы или запись с необычными наклейками и другими эффектами¹⁴. Приложение TikTok быстро завоевало внимание многих молодых людей (41% пользователей TikTok в возрасте от 16 до 24 лет), особенно в школьном возрасте, но все еще непривлекательно для пожилых людей. По оценкам TikTok, вьетнамские пользователи проводят в приложении в среднем 28 минут в день, но независимые медиа-исследовательские компании, такие как Kantar или Nielsen, не подтвердили этот подсчет аудитории. TikTok сообщает, что основное время для вьетнамских пользователей – с 18 до 20 часов в пятницу и субботу¹⁵.

Социальные сети имеют много преимуществ¹⁶:

– они все чаще играют важную роль в укреплении доверия граждан к руководству партии, государству и администрации правительства. В последние годы бюрократия, авторитаризм, коррупция и другие подобные явления в ряде учреждений, подразделений и населенных пунктов серьезно повлияли на репутацию правительства и снизили доверие населения по отношению к партии и государству;

– вносят большой вклад в развитие человеческого сознания, мышления и жизненных навыков. Они все чаще становятся местом сосредоточения новостей и знаний обо всех сферах общественной жизни. Всего несколько простых шагов отделяют пользователей от получения обновлений по вопросам, которые интересны для них. Кроме того, в социальных сетях есть много страниц, которые обучают необходимым жизненным навыкам, например, иностранным языкам, кулинарии, ремонту, общению, психологии и спорту;

– способствуют продвижению процесса международной интеграции в культурной сфере Вьетнама. Социальные сети, такие как Facebook, YouTube, создали возможность для осуществления культурных обменов, способствуя тесной близости, взаимопониманию граждан Вьетнама с гражданами других стран.

Помимо положительных сторон, необходимо обозначить и отрицательные последствия социальных сетей¹⁷:

– социальное пространство стало основным инструментом для враждебных сил с целью использования идеологического саботажа;

– социальные сети негативно влияют на развитие культуры рассматриваемой страны. Развитие социальных сетей увеличивает риск размывания национальной культурной самобытности. По мере роста популярности социальных сетей поток культурной агрессии усиливается, затрагивая большинство людей, особенно молодых. Активность распространения слухов и сенсационных «лайков» в социальных сетях усиливается, что вызывает путаницу в общественном мнении.

Таким образом, несмотря на все преимущества новых цифровых технологий, граждане, вероятно, отметят, что Интернет оказывает негативное влияние, особенно с моральной точки зрения. Поэтому гражданам Вьетнама важно осуществлять анализ как негативных, так и позитивных последствий Интернета с тем, чтобы уважать национальные и религиозные принципы своего государства.

Примечания

¹ См.: *Фан С. Ш., Нгуен Т. Т.* 3. Вьетнамский коммунизм в качестве основополагающей ценности политической культуры Вьетнама. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vietnamskiy-kommunitarizm-v-kachestve-osnovopolagayuschey-tsennosti-politicheskoy-kultury-vietnama> (дата обращения: 10.09.2019).

² См.: СМИ во Вьетнаме. URL: http://factsanddetails.com/southeast-asia/Vietnam/sub5_9e/entry-3437.html (дата обращения: 24.07.2018).

³ См.: Интернет-статистика Вьетнама. 2019. URL: <https://vnetwork.vn/news/cac-so-lieu-thong-ke-internet-viet-nam-2019> (дата обращения: 21.11.2019).

⁴ См.: Digital in 2019. URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> (дата обращения: 30.01.2019).

⁵ См.: 94% интернет-пользователей во Вьетнаме выходят в интернет ежедневно. URL: <https://www.brandsvietnam.com/19614-94-nguoi-dung-Internet-o-Viet-Nam-len-mang-hang-ngay> (дата обращения: 27.12.2019).

⁶ См.: Пользователей Facebook во Вьетнаме будут штрафовать на 2200 USD за публикацию «вредного» контента. URL: <http://asia-vietnam.ru/news-category/polzovateley-facebook-vo-vietname-budut-shtrafovati-na-2-200-usd-za-publikatsiyu-vrednogo-kontenta/> (дата обращения: 08.06.2017).

⁷ См.: Вьетнам. URL: <https://freedomhouse.org/country/vietnam> (дата обращения: 08.06.2017).

⁸ См.: Вьетнам принял закон о кибербезопасности. URL: <https://news.rambler.ru/internet/40079990-vietnam-prinyal-zakon-o-kiberbezopasnosti/> (дата обращения: 12.06.2018).

⁹ См.: 81% молодых пользователей сети Вьетнама используют социальные сети в качестве ежедневных новостей. URL: <https://saigoneer.com/vietnam-news/12377-81-of-vietnam-s-young-netizens-use-social-media-as-daily-news-source-report> (дата обращения: 19.01.2018).

¹⁰ См.: Публики во всем мире хотят беспристрастного освещения новостей. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2018/01/11/publics-globally-want-unbiased-news-coverage-but-are-divided-on-whether-their-news-media-deliver/> (дата обращения: 11.01.2018).

¹¹ См.: Будут новые правила для социальных сетей, магазинов приложений и веб-сайтов. URL: <https://sottttt.socotrang.gov.vn/sottttt/1229/27531/53473/307222/bao-chi-xuat-ban/se-co-nhung-quy-dinh-moi-ve-mang-xa-hoi-khoi-dung-trang-thong-tin-dien-tu.aspx> (дата обращения: 21.05.2020).

¹² См.: Социальные привычки вьетнамцев в 2018 году. URL: <https://www.brandsvietnam.com/congdong/topic/10074-Thoi-Quen-Su-Dung-Mang-Xa-Hoi-Cua-Nguoi-Viet-Nam-2018> (дата обращения: 05.05.2018).

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Популярные социальные сети во Вьетнаме. URL: <https://brand-ninja.co/vi/top-mang-xa-hoi-viet-nam> (дата обращения: 19.02.2019).

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Социальные сети, роли и их последствия. URL: <http://tuyengiaohungyen.vn/bai-viet/mang-xa-hoi-vai-tro-va-nhung-he-luy.aspx> (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁷ Там же.

Поступила в редакцию 27.11.2020, после рецензирования 09.01.2021, принята к публикации 18.01.2021
Received 27.11.2020, revised 09.01.2021, accepted 18.01.2021

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 235–238
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 235–238

Рецензия
УДК [811.161.1'271:34](049.32)
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-235-238>

Культура речи в профессиональной коммуникации

Рецензия на: *Русский язык и культура речи : учебное пособие для студентов юридических специальностей / под ред. О. Ю. Авдевиной. Саратов : Изд-во «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. 271 с. ; Елина Е. А. Стилистика и культура научно-деловой коммуникации : учебное пособие для аспирантов-юристов, получающих квалификацию «Исследователь. Преподаватель-исследователь». Саратов : Изд-во «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. 148 с.*

И. А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Аннотация. Рецензируются два учебных пособия по культуре речи для студентов юридических специальностей. Особое внимание уделяется культурноречевым аспектам профессиональной коммуникации. Анализируется структура пособий, система заданий, справочный аппарат изданий.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, культура речи, нормы, стиль, жанр

Для цитирования: *Тарасова И. А. Культура речи в профессиональной коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 235–238. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-235-238>*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Review's report
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-235-238>

Speech culture in professional communication

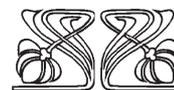
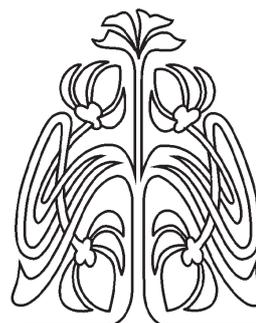
Review of: *The Russian Language and Speech Culture: a textbook for the law students / edited by O. Yu. Avdevnina. Saratov, Publishing House "Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya", 2020. 271 p. (in Russian); Yelina E. A. Stylistics and Culture of the Scientific and Business Communication: a textbook for post-graduate law students qualifying as "Researcher. Teacher-researcher". Saratov, Publishing House "Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya", 2020. 148 p. (in Russian)*

I. A. Tarasova

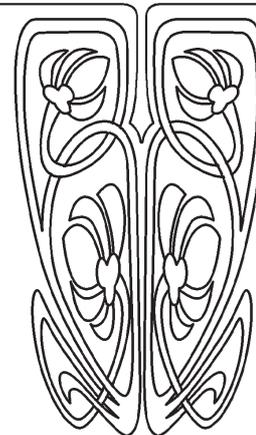
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Tarasova, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Abstract. Two textbooks on speech culture for the law students are reviewed. Special emphasis is placed on the speech culture aspects of professional communication. The structure of the textbooks is analyzed, as well as the system of tasks and the reference material.

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

Keywords: professional communication, speech culture, norms, style, genre

For citation: Tarasova I. A. Speech culture in professional communication. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 235–238 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-235-238>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Преподаватель вузовского курса «Культура речи» не испытывает недостатка в учебных материалах. Часть из них издана саратовскими лингвистами: это и учебник под ред. О. Б. Сиротининой¹, и различные практикумы (например, учебное пособие «Русский язык и культура речи» О. И. Дмитриевой, Н. М. Орловой и Н. И. Павловой², учебное пособие «Культура речи» под ред. А. П. Сдобновой³ и др.).

В конце прошлого года в издательстве Саратовской государственной юридической академии вышло сразу два пособия, созданных преподавателями кафедры русского языка и культуры речи. Несмотря на то что авторы концентрируются на различных аспектах культуры речи, во главу угла в обоих случаях положено не абстрактное представление о норме, а профессиональные интересы обучающихся.

Учебное пособие «Русский язык и культура речи» для студентов юридических специальностей подготовлено авторским коллективом (О. Ю. Авдеевнина, А. М. Абрамова, В. В. Девяткина, Е. А. Додыченко, Т. В. Иванова, О. В. Никитина, И. В. Пырков, С. С. Фолимонов) под руководством заведующей кафедрой русского языка и культуры речи О. Ю. Авдеевниной.

Представленный в пособии теоретический материал имеет ярко выраженную профессиональную направленность. Так, в первой главе «Русский литературный язык и культура профессиональной речи юриста» не только объясняются основные понятия курса (язык, речь, литературный язык, речевая культура, письменная и устная формы речи, государственный язык и др.), но и убедительно показывается, что владение речевой культурой – необходимая составляющая профессиональной компетентности юриста.

На протяжении всей главы авторы стремятся раскрыть лингвистические понятия на материале, значимом для профессиональных интересов студенческой аудитории. Например, О. В. Никитина объясняет особенности письменной и устной речи на примере общения в юридической сфере, приводит в качестве примеров носителей элитарного типа речевой культуры профессиональных юристов прошлого и современности.

Несомненный интерес у обучающихся вызывает раздел, посвященный «речевым преступлениям» (автор В. В. Девяткина), под которыми понимаются речевые поступки, в результате которых нарушаются правовые нормы. Автор раздела предлагает жанровую дифференциацию речевых преступлений и знакомит с основами лингвистической экспертизы.

Профессиональная ориентированность издания просматривается не только в теоретическом материале, но и в вопросах и заданиях для самостоятельной подготовки. Приведем некоторые формулировки: *Что такое профессиональная речь и какие направления и аспекты работы юриста связаны с языком и речью? Приведите примеры реализации универсальных функций речи в текстах юридической сферы. Найдите в Гражданском, Административном и Уголовном кодексах статьи, посвященные отдельным видам речевых преступлений. Выпишите юридические понятия, которые используются для квалификации этих правонарушений. Перечислите качества хорошей речи. Проиллюстрируйте их конкретными примерами из речи юристов. Назовите жанры профессиональной юридической речи, в которых используется устная и письменная речь* и т.д.

Вторая глава «Правильность юридической речи» проецирует базовое для курса понятие языковой нормы на юридический дискурс.

Авторы главы (О. Ю. Авдеевнина, Е. А. Додыченко, И. В. Пырков, Т. В. Иванова, А. М. Абрамова) обращают внимание студентов на то, что грубые нарушения норм могут подорвать авторитет юриста-профессионала. Разделы этой главы соответствуют традиционной классификации норм (орфоэпические, лексические, грамматические, пунктуационные) и иллюстрируются примерами, актуальными для коммуникации в юридической сфере: *договор, осуждённый, юриспруденция, афера, опека, уполномочивать, благодаря расследованию* и др.

Лексические и грамматические ошибки также профессионально маркированы: *Преступление было совершено в районе 12 часов; Выйдя замуж, обвиняемая рано стала вдовой, так как муж ее умер; Кроме нравственных и физических страданий, мне причинен вред моему здоровью; Осужденный подал в суд высшей инстанции аннотацию с просьбой о пересмотре дела; При попытке скрыться подсудимые были задержаны дружинниками с краденными вещами* и т.п.

Естественность речевых примеров и их связь с профессиональной коммуникацией усиливает заинтересованность студентов в овладении всеми видами норм.

Адресная направленность пособия проявляется и в системе риторических приемов, облегчающих восприятие весьма непростого для нефилологов материала. Так, объясняя суть принципов русской орфографии, О. Ю. Авдеевнина оригинально использует прием аналогии, сопоставляя принципы регламентации написа-

ния с принципами права. Такие междисциплинарные связи не только помогают разобраться в тонкостях орфографии, но и актуализируют профессиональные знания.

В третьей главе «Функциональные разновидности современного русского литературного языка» представлена социальная и функциональная дифференциация общенародного языка, каждый стиль характеризуется в том числе со стороны его роли в речевой практике юриста. Так, Т. В. Ивановой написаны подразделы о языке юридических документов и разговорном стиле в профессиональном общении; В. В. Девяткиной – о судебном красноречии; О. Ю. Авдеевниной и В. В. Девяткиной – о правовой журналистике. Особое внимание уделяется жанрам юридического дискурса, как устным (деловые переговоры, деловая беседа, юридическая консультация), так и письменным (приговор, судебное решение, деловое письмо).

Учебное пособие снабжено справочным аппаратом, включающим глоссарий основных терминов по дисциплине, краткий словарь трудностей произношения и ударения, краткий словарь паронимов и толковый словарь. Отдельно представлены тексты для наблюдения, состав которых довольно разнопланов: выдержки из Закона о государственном языке, образцы судебного красноречия, речи Нобелевских лауреатов (И. Бунина, А. Солженицына), художественные произведения («Обезьяний язык» М. Зощенко, «Крохотки» А. Солженицына) и даже речь ректора Саратовской государственной академии права на открытии конференции «Достоевский и юриспруденция». Задания к этим весьма интересным текстам планируется представить во второй части пособия «Практикум по культуре речи и русскому языку в деловой документации», которое готовится к изданию.

Учебное пособие Е. А. Елиной «Стилизация и культура научно-деловой коммуникации» имеет другую целевую аудиторию: оно адресовано аспирантам юридических вузов, получающим квалификацию «Исследователь. Преподаватель-исследователь».

В центре внимания автора не столько ортологический, сколько функциональный аспект культуры речи.

Первый раздел знакомит аспирантов с основными категориями стилистики: функциональный стиль и стилистическая окраска. Здесь представлен как теоретический материал, так и достаточно разветвленная система практических заданий. Практикум ориентирован на исправление стилистических ошибок и недочетов, а также на создание текстов различной стилиевой принадлежности.

Обратим внимание на поставленные автором профессиональные акценты. В теоретической части раздела особое внимание уделяется

речевым штампам и канцеляризмам. Считаем, что это совершенно справедливо. Как нам уже приходилось писать⁴, «возвращение» канцелярита – одна из типологических черт консервативной культуры-2⁵, когда документ оказывает влияние на другие типы словесности и бюрократический язык воспринимается как норма. Задания практической части раздела направлены на поиск канцелизмов в текстах массовой коммуникации; замену неуместных канцелярских оборотов стилистически не маркированными сочетаниями слов. Одно из упражнений посвящено эстетической функции канцелизмов в юмористическом рассказе.

На профессиональные интересы юристов ориентированы задания на определение стилистической принадлежности текста. В качестве образцов официально-делового стиля предлагаются статьи федерального закона, выдержки из договора по организации АО и др. Продуктивная речевая деятельность поддерживается заданиями на создание текстов различных жанрово-стилевых разновидностей: реферата, тезисов (научный стиль), объяснительной записки, портрета-ориентировки пропавшей гражданки (официально-деловой стиль).

Связь между жанром и стилем акцентируется в итоговом задании на соотнесение стилей и жанров. Отметим, что некоторые из них присущи исключительно юридическому дискурсу: протокол допроса, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, подписка о невыезде и др.

Второй раздел посвящен языковым нормам и стилистическим ресурсам языка. В нем охарактеризованы основные типы норм, а более детальная их отработка происходит в ходе выполнения упражнений на постановку ударения, образованные формы слова, исправление грамматических ошибок и т.д.

Профессиональная направленность просматривается через языковой материал. Так, ошибки, связанные с неверным выбором одного из паронимов, демонстрируются на таких примерах: *Опьяненный Кривыкин стал наносить удары отдыхающим; Опознать тех мужчин я не могу, так как не видела их личности; Из показаний свидетеля Санкина установлено, что в ночь на 12 июня он слушал какой-то шорох и т.п.* Для выбора подходящего паронима или синонима предлагаются актуальные для юристов контексты: *Верховенство права и закона – общий и (главный, заглавный) принцип правового государства; (Исполнительная, исполнительская) власть на местах должна активизировать свою работу; При назначении (наказания, кары, возмездия, расплаты) за преступление, совершенное в соучастии, учитывается роль каждого соучастника в совершении преступления и др.* Синонимичные пары предлагается подобрать к иноязычным терминам юридической

сферы: юрисдикция, презумпция, вердикт, санкция и т.п.

Примеры речевых ошибок из протоколов допросов, несомненно, заставят будущих следователей ответственнее относиться к своей речи: *Так вы утверждаете, что тюль была не капроновая, а простая? Не помните, в каком ряду вы сидели? Билетик у вас не сохранился? А как вы объясните обнаружение в вашем портфеле женского тапочка? В каких отношениях вы состояли с Беккер Юрием Петровичем?*

Несколько заданий посвящено склонению фамилий, имен и отчеств, образованию форм числительных, составлению словосочетаний с производными предлогами и другим грамматическим трудностям, встречающимся в документах юридической сферы.

В последнем разделе основное внимание уделяется научному стилю речи, его стилиобразующим признакам, подстилям и жанрам. Языковые особенности научного стиля осваиваются в ходе выполнения практических заданий, требующих доказать принадлежность текста к научному стилю, выписать примеры стилистически маркированных лексем, классифицировать терминологическую лексику и др.

Приложение содержит тестовые задания по теме «Научный стиль», что подчеркивает его ядерное положение в системе профессиональных навыков аспиранта. Это вполне естественно, учитывая цель пособия: помочь в овладении знаниями и коммуникативными навыками, необходимыми для научно-исследовательской работы. Однако думается, что при переиздании автору следует добавить раздел, посвященный официально-деловому стилю⁶, так как научно-деловая

коммуникация, если следовать заглавию, осмыслена как некое единство.

Справочный аппарат включает краткий орфоэпический словарь юридической лексики и краткий толковый словарь деловой лексики, что еще раз подчеркивает профессиональную направленность пособия.

В целом не вызывает сомнения, что авторский коллектив рецензируемых учебных пособий продемонстрировал высокий уровень профессиональной компетентности, причем не только лингвистической, но и юридической.

Примечания

- 1 См.: Гольдин В., Сиротинина О., Ягубова М. Русский язык и культура речи : учебник для студентов-нефилологов. М. : ЛКИ, 2008.
- 2 См.: Дмитриева О., Орлова Н., Павлова Н. Русский язык и культура речи : учеб. пособие. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2019.
- 3 См.: Бронникова Ю., Сдобнова А., Тарасова И. Культура речи : учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование» / под ред. А. Сдобновой. 4-е изд., перераб. М. : Перо, 2018.
- 4 См.: Тарасова И. «Канцелярская эстетика» в жанре рецензии-открытки // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С.110–117. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-110-117>
- 5 См.: Паперный В. Культура Два. М. : Новое литературное обозрение, 2016.
- 6 Подобный раздел есть в предыдущем учебном пособии автора: Елина Е. Стилистика русского языка и культура речи : учеб. пособие. Саратов : Изд-во СГСЭУ, 2010.

Поступила в редакцию 28.01.2021, после рецензирования 08.02.2021, принята к публикации 10.02.2021

Received 28.01.2021, revised 08.02.2021, accepted 10.02.2021

ХРОНИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 239–243
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 239–243

Сообщение
УДК 070(430+470+571)|2020|
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-239-243>

Журналистика начала 2020-х: вызовы времени

Л. С. Борисова^{1✉}, А. В. Лысенко²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Борисова Людмила Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики, lyuborisova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3087-1811>

Лысенко Артем Валерьевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы, artem.lyssenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9399-4512>

Аннотация. В статье представлена хроника проведения XVII Германо-Российского медиафорума, прошедшего в ноябре 2020 г. на базе Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского в рамках Года Германии в России, освещаются основные тенденции развития СМИ начала 2020-х гг.

Ключевые слова: Германия, Россия, медиафорум, онлайн-формат, цифровая реальность, кризис, «инфодемия», новые медиа

Для цитирования: Борисова Л. С., Лысенко А. В. Журналистика начала 2020-х: вызовы времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 239–243. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-239-343>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Communication
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-239-243>

Journalism of the early 2020s: Challenges of the time

L. S. Borisova^{1✉}, A. V. Lysenko²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Lyudmila S. Borisova, lyuborisova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3087-1811>

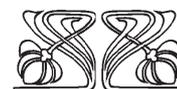
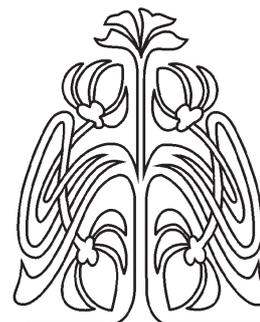
Artem V. Lysenko, artem.lyssenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9399-4512>

Abstract. The article presents the chronicle of the XVII German-Russian Media Forum, held in November, 2020, in Saratov State University as part of the Year of Germany in Russia. The text highlights the main trends in the development of mass media in the early 2020s.

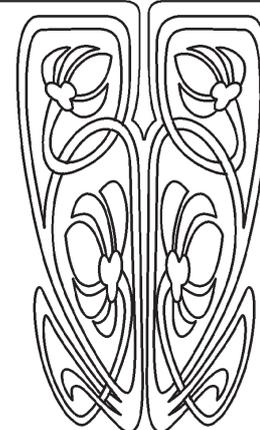
Keywords: Germany, Russia, media forum, online format, digital reality, crisis, 'infodemia', new media

For citation: Borisova L. S., Lysenko A. V. Journalism of the early 2020s: Challenges of the time. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 239–243 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-239-243>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ПРИЛОЖЕНИЯ

27–29 ноября 2020 г. в Саратовском национальном исследовательском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского прошла трехдневная международная научно-практическая конференция «Кризисный медиаменеджмент и цифровая реальность». В сложившихся условиях предупреждения распространения коронавирусной инфекции выбранный организаторами онлайн-формат на платформе Zoom обеспечил широкие возможности обмена опытом и мнениями между экспертами из Германии и России. Доклады, круглые столы, воркшопы, визиты в редакции саратовских СМИ, запланированные ранее в традиционном формате, были успешно адаптированы к новым цифровым реалиям. Медиафорум был организован совместными усилиями Германо-Российского Форума и СГУ и стал семнадцатым в ряду мероприятий, ежегодно вовлекающих в актуальные медиадискуссии десятки молодых журналистов из Германии и России.

С 2003 г. Германо-Российский Форум в партнерстве с ведущими университетами РФ проводит конференции для молодых специалистов с целью профессионального обмена опытом в сфере журналистики. Медиафорумы состоялись в Воронеже, Санкт-Петербурге, Ставрополе, Сочи, Мурманске, Владивостоке, Иркутске, Перми, Пятигорске, Москве и других городах. За прошедшие годы в конференциях приняли участие более 700 журналистов из России, Германии, Украины, Казахстана, Польши, Чехии, Беларуси, Венгрии, Узбекистана и других стран. Вместе с опытными экспертами молодые журналисты-практики стремятся к всестороннему изучению таких злободневных тем и направлений, как современная журналистика и фактчекинг, социальные сети в СМИ Германии и России, «пузыри фильтров» и «эхо-камеры», журналистика данных, актуальные проблемы зарубежной журналистики, экожурналистика, научная коммуникация.

В 2019 г. руководство Германо-Российского Форума обратилось к ректору Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского проф. А. Н. Чумаченко с предложением о партнерстве и совместном проведении XVII Германо-Российского медиафорума в рамках Года Германии в России 2020/2021, объявленного министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым и его германским коллегой Хайко Маасом. В программу Года Германии в России включены многочисленные проекты в научно-образовательной среде. Эта инициатива, по мысли представительниц обеих стран, «призвана стать источником новых импульсов к налаживанию разностороннего взаимодействия в сфере культуры, образования, общественной работы, науки и экономики, инициировать возникновение новых альянсов для будущего сотрудничества»¹.

Основой для успешного проведения конференции на базе СГУ стал значительный опыт

Саратовского университета в реализации различных медиапроектов. Так, в ноябре 2013 г. на базе Института филологии и журналистики СГУ состоялось заседание Учебно-методического совета по журналистике, входящего в ФУМО «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело». В семинаре «Университетские СМИ как платформа развития профессиональных компетенций бакалавра журналистики» приняли участие эксперты из пятнадцати вузов России. В декабре 2016 г. в СГУ проходил Всероссийский конкурс молодых журналистов «МедиаВолга», объединивший делегатов из Воронежа, Казани, Самары, Саранска, Белгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Екатеринбург и Саратова, а годом позже начала работу медиашкола «Корпоративное СМИ вуза», на которой в течение четырех дней студенты российских вузов прослушали мастер-классы от специалистов в сфере медиа и создавали проекты студенческого СМИ в печатном и телевизионном форматах.

Особенностью организации и проведения XVII Германо-Российского медиафорума стали потенциальные риски, связанные с реализацией задуманного на фоне пандемической ситуации в мире, сложностью планирования и согласования визитов экспертов в Саратов и – в тот момент – недостаточным опытом проведения онлайн-мероприятий. В сентябре 2020 г. организаторы объявили конкурс на участие в конференции, было подано более 150 заявок, что свидетельствовало о большой потребности в обсуждении объявленной темы. В 2020 г. журналистское сообщество столкнулось с новыми вызовами: пандемия COVID-19, а также меры, принимаемые для предотвращения распространения инфекции во всем мире, выдвинули на авансцену вопросы, связанные с потреблением и производством современных информационных продуктов. Каковы пути решения этих проблем? Какие новые обязанности возникают у журналистов в связи с пандемией и новыми форматами, появляющимися в цифровом мире? Эти и другие аспекты, связанные с социальными и экономическими последствиями эпидемии, обусловили активное стремление журналистов к профессиональному обмену мнениями.

Работа первого дня XVII Германо-Российского медиафорума началась со знакомства слушателей с организаторами, спикерами и ведущими мастер-классов. Участниками форума стали более 120 человек. Среди них – представители различных СМИ, в том числе сотрудники российского агентства международной информации «РИА Новости», агентства Focus Media Company, немецкой газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ), российской ежедневной общественно-политической газеты «Комсомольская правда», немецкого информационного агентства Deutsche Presse-

Agentur (DPA), немецкой ежедневной газеты «Kölner Stadt-Anzeiger», «Московской немецкой газеты», крупнейшей немецкой общественной радиостанции земли Гессен *hr1* (Hessen Radio 1), общественной телерадиокомпании земли Северный Рейн-Вестфалия WDR (Westdeutscher Rundfunk), международного информационного агентства «Россия сегодня», крупнейшего немецкого телеканала RTL, Союза журналистов N-ost, объединяющего репортеров и медиапроекты из более чем 20 европейских стран, студенты и преподаватели СГУ. Для облегчения межкультурной коммуникации и преодоления языкового барьера все выступления на конференции сопровождались синхронным переводом, осуществляемым на высокопрофессиональном уровне.

Саратовский государственный университет на торжественной церемонии открытия представляла делегация во главе с ректором **А. Н. Чумаченко**, в состав которой вошли проректор по международной деятельности **Д. Н. Конаков**, руководитель приоритетных проектов и программ **Е. Г. Елина**, директор Института филологии и журналистики **Л. С. Борисова**². За работу конференции с немецкой стороны отвечал руководитель московского офиса Германо-Российского Форума **А. В. Лысенко**.

После короткого знакомства участников с приветственным словом ко всем собравшимся обратился исполнительный директор и член Правления Германо-Российского Форума **Мартин Хоффманн**. В своем выступлении он отметил, что использование цифрового формата в проведении медиафорума используется впервые, пожелал удачных встреч, новых знакомств и интересной работы. Мартин Хоффманн поблагодарил Саратовский университет и лично ректора А. Н. Чумаченко за то, что в непростых условиях университет выступил соорганизатором форума и поддержал проведение крупного профессионального мероприятия для молодых специалистов.

В своем приветственном слове ректор А. Н. Чумаченко рассказал о том, что университет с радостью и нетерпением ожидал приезда уважаемых гостей, представителей Посольства Германии, ведущих журналистов из России и Германии, медиатренеров, участников. Он подчеркнул, что сотрудничество Саратовского университета с университетами Германии в сфере научно-образовательной деятельности реализуется в рамках как гуманитарных, так и естественных наук. Ректор с уверенностью отметил, что СГУ заинтересован в дальнейшем развитии научно-образовательного и межкультурного взаимодействия между российскими и немецкими университетскими сообществами, в расширении кооперации с партнерами из Германии, и выразил надежду на будущую встречу с коллегами в оффлайн-формате.

Затем к аудитории обратился руководитель отдела печати и связей с общественностью По-

сольства Германии в Москве **Йенс Байкюфнер**. В своем приветствии он заметил, что важными темами для обсуждения в рамках медиафорума станут проблема менеджмента СМИ и вопрос взаимного влияния медиа и политики в современных условиях.

С вводными докладами о видении новых тенденций в журналистике выступили эксперты из России и Германии. **В. Г. Лошак**, вице-президент Издательского дома «Коммерсант», познакомил аудиторию с ситуацией на медиарынке России, рассказал о стратегии выживания в период кризиса, вызванного эпидемией коронавируса. Вслед за ним контуры медиаландшафта Германии очертил профессор Университета прикладных наук Бонн-Рейн-Зиг, тележурналист, профессор, доктор **Хектор Хааркёттер**. Он подробно остановился на особенностях работы журналистов в ситуации локдауна и спрогнозировал возможные перспективы развития отрасли. Среди наиболее значимых понятий для германских СМИ он назвал «просветительскую работу в сфере здравоохранения» («Gesundheitskommunikation»), «локдаун СМИ», «инфекционную журналистику» и «эпоху зума».

В завершение выступлений лекторов прошла дискуссия: участники форума интересовали проблемы будущего функционирования медиаотрасли в цифровом формате, взаимоотношения власти и СМИ и другие вопросы. В. Г. Лошак и Хектор Хааркёттер сопоставили условия работы средств массовой информации в России и в Германии, обратив внимание на сходные и специфические тенденции.

Последующий доклад и воркшоп медиатренера доктора **Ульрике Бутмалу** затрагивал проблемы неопределенности и ее ресурсов в период кризиса. Способность работать в этих условиях стала одной из определяющих для журналистов Германии и России. Среди участников проводились интерактивные опросы. Гостям предстояло по разным критериям оценить степень неопределенности в разные периоды карантинных мер пандемии в России и в Германии. Результаты работы в группах были представлены на следующий день конференции.

Обмен опытом между участниками предшествовал другому семинару – «Как выйти из кризиса? Возможности для СМИ», проводившемуся заведующим кафедрой цифровых медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, редактором журнала «Журналист» **К. Р. Нигматуллиной**. В своем мастер-классе с опорой на примеры из российской прессы она показала различные модели, которые в условиях кризиса и падения доходов от рекламы открывают для журналистов весьма успешные перспективы. По итогам занятия форумчане создали канал в мессенджере Telegram, где в малых группах последующие два дня проходила активная работа над несколькими проектами.

Второй день работы XVII Германо-Российского медиафорума начался с выступления политолога, советника по политическим вопросам **Александра Рапа**³. В своем докладе «Радикальные перемены в мире после кризиса, вызванного эпидемией коронавируса, и президентских выборов США: будущее Германии, Европы и роль России» он подробно рассмотрел современное состояние российско-германских отношений, их развитие в исторической перспективе, подчеркнул ответственность молодого поколения в вопросе преодоления возможных конфликтов между двумя странами.

Кульминационным моментом этого дня стало виртуальное посещение участниками редакций саратовских СМИ. Модератор онлайн-встречи **Л. С. Борисова** рассказала об истории Института филологии и журналистики СГУ, его структуре, области научных интересов преподавателей и представила аудитории коллективную монографию «История медиакритики в России: очерки и материалы», которая является плодом работы сотрудников кафедры общего литературоведения и журналистики ИФиЖ, подготовленным под руководством доктора филологических наук, профессора **В. В. Прозорова**.

Первой взяла слово главный редактор сайта www.sgu.ru **Ю. Н. Аникеева**. Она уделила внимание каждому из изданий Центра СМИ СГУ, объяснив, что это структурное подразделение университета, объединяющее несколько собственных медийных проектов – сайт, студенческий журнал «СГУщёнка» и газету «Саратовский университет». Докладчица конкретизировала их целевую аудиторию и направленность, а также познакомила слушателей с новыми разделами сайта: «Коронавирус» и «Дистанционка».

Затем на онлайн-встрече выступил руководитель Учебного телецентра ИФиЖ СГУ **Р. И. Павленко** с рассказом о работе редакции телепроекта «Мне нравится», отметив, что передача выходит по средам на саратовском канале «Россия 24» и затрагивает темы, интересующие молодежную аудиторию. Он познакомил участников форума со структурой выпусков и подчеркнул, что производственный процесс осуществляется силами студентов. Отдельное внимание спикер уделил работе редакции в дистанционном формате и тем возможностям, которые получили юные журналисты в период локдауна.

Вслед за представителями университетских СМИ к слушателям обратились руководители информационного портала «СарБК» – директор по информационной политике **А. Н. Башкайкин** и коммерческий директор **Е. В. Васюкова**. Участники форума узнали о том, что в условиях пандемии активность ленты и ее насыщение новостями не снизились. Как отметил А. Башкайкин, на один материал с информацией о вирусе могли «переходить» до 60–70 тысяч человек. По мнению журналиста, это говорит о том, что

СМИ продолжают оставаться зеркалом нашей жизни.

В медиафоруме также приняла участие главный редактор саратовского журнала «World Club», выпускница ИФиЖ СГУ **Л. И. Тугарина**. Ее выступление включало в себя информацию о создании издания и о том, какие трудности испытывает печатное СМИ в настоящее время. Л. И. Тугарина остановилась на вопросах развития журналистов в сфере SMM и копирайтинга.

После того как представители саратовских редакций поделились своими размышлениями и находками в рамках основной темы форума, все участники включились в оживленную дискуссию и обсудили специфику университетских СМИ, выполняющих не только информационную, но и организационно-образовательную функцию, поговорили об уникальных саратовских медиаресурсах, этических и юридических проблемах, творческих и профессиональных новациях, которые пришли в медиаотрасль в 2020 г.

В завершение работы второго дня форума состоялся яркий доклад ведущего «Sputniknews» **Беньямина Голме** на тему «Вирус: триумф новых медиа?». Эксперт обратил особое внимание на вызовы журналистике, связанные с пандемией, и специфику работы малых СМИ в социальных сетях. В дискуссии после доклада был затронут широкий спектр тем, касающихся работы новых и «альтернативных» СМИ в Германии и в России, гражданской журналистики, безопасности самих журналистов и освещения демонстраций, например протеста против карантина в Германии, распространения фейков и т.д.

Третий день онлайн-конференции открылся мастер-классом доктора **Ульрике Бутмалу** «Кризисы и конфликты. Социальная ответственность за репортаж». Далее с докладом выступил эксперт по открытым данным в России, директор НПО «Информационная культура», руководитель проектного направления «Open Data» Счетной палаты РФ **И. В. Бегтин**. Его сообщение было посвящено третьей волне открытых данных. Выступающий ответил на ключевой вопрос о том, где искать открытые государственные данные, и рассказал о порталах, официальных сайтах органов власти, информационных системах и ресурсах. Особое внимание докладчик уделил «скрытым данным». Он остановился на ряде тем, среди которых были: скрытое API на официальных сайтах, государственные FTP сервера, поиск данных в веб-архивах и внутри сканов документов.

В завершение дня прошло обсуждение итогов форума. Организаторы выразили надежду, что следующий XVIII Германо-Российский медиафорум сможет пройти в 2021 г. в Саратовском университете в традиционном «реальном» формате. Участники конференции положительно оценили компетентную работу экспертов, интересную программу, интенсивные обсуждения,

поблагодарили за возможность узнать больше о СГУ, а также единогласно отметили успех нового онлайн-формата мероприятия и высочайший уровень его технического сопровождения. Представляется, что проблематика прошедшего XVII Германо-Российского медиафорума остается актуальной и выявляет перечень вопросов для обсуждения на последующих конференциях.

Очевидно, что в журналистике начала 2020-х гг. доминируют две основные тенденции: финансовый кризис и трансформация доверия читателей и зрителей к средствам массовой информации. Обе тенденции наблюдались и в прошлые годы, но усилились с началом пандемии COVID-19. В первую очередь, это относится к «миграции» новостей из традиционных СМИ в социальные сети, а также является следствием серьезного финансового кризиса, в который оказалось вовлечено подавляющее большинство медиа как в России, так и в Германии. Несмотря на увеличение количества зрителей у традиционных новостных телеканалов⁴ и рост потребления трафика Интернета в России и Германии в апреле 2020 г. почти на 30%⁵, целый ряд таких авторитетных изданий в Германии, как «Frankfurter allgemeine Zeitung», «Süddeutsche Zeitung», «Die Zeit» и другие, были вынуждены обратиться за государственной поддержкой, чтобы сохранить сотрудников. В России закрылся журнал «Русский репортер», а газеты «Известия», «Ведомости», «Коммерсантъ» во время первой волны эпидемии приостановили выход бумажных версий⁶. При этом значительно возросло влияние социальных сетей. Средства массовой информации США, Германии, России сообщают об опасности нового явления в обществе – так называемой «инфодемии-2020». В апреле 2020 г. более ста врачей из разных стран обратились к общественности с открытым письмом: «В настоящий момент мы имеем дело не только с пандемией COVID-19, но и с всемирной “инфодемией”, при которой человеческие жизни находятся под угрозой во всем мире из-за дезинформации, которая распространяется вирусами в социальных сетях»⁷.

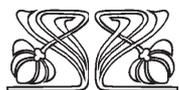
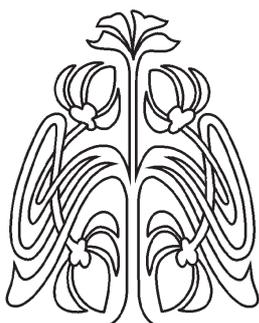
Главной задачей XVII Германо-Российского медиафорума было создать платформу для интен-

сивного обсуждения многочисленных актуальных аспектов трансформации СМИ России и Германии в период пандемии коронавируса 2020 г. Три дня онлайн-дискуссий показали, что потребность в качественной и проверенной информации в период «инфодемии-2020» велика как никогда. Современная журналистика находится скорее не в кризисе, а в поиске принципиально новых путей развития, связанных с освоением цифровых платформ и ресурсов социальных сетей.

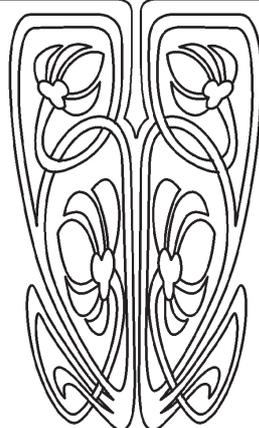
Примечания

- ¹ Год Германии в России 2020/2021. URL: <https://www.goethe.de/prj/djr/ru/uebu.html> (дата обращения: 25.01.2021).
- ² См.: СГУ принял участие в работе первого дня XVII Германо-Российского медиафорума. URL: <https://www.sgu.ru/news/2020-11-27/sgu-prinyal-uchastie-v-rabote-pervogo-dnya-xvii> (дата обращения: 25.01.2021).
- ³ См.: Завершилась работа XVII Германо-Российского медиафорума. URL: <https://www.sgu.ru/news/2020-11-30/zavershilas-rabota-xvii-germano-rossiyskogo> (дата обращения: 25.01.2021).
- ⁴ Например, сайт популярной новостной передачи Германии Tagesschau в марте 2020 г. просмотры 9 млн посетителей, в то время как в марте 2019 г. число посетителей сайта составляло в среднем всего 2,6 млн. (URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1105322/umfrage/tv-zuschauer-der-nachrichtensendungen-in-deutschland> (дата обращения: 25.01.2021)).
- ⁵ См.: Материалы онлайн-дискуссии «Журналистика, социальные медиа и пандемия: глобальные вызовы сегодняшнего дня», состоявшейся 20 апреля 2020 г. в рамках работы экспертной площадки МГУ по актуальным научным проблемам «Диалог о настоящем и будущем» под руководством ректора МГУ академика В. А. Садовниченко. URL: <http://www.journ.msu.ru/about/news/35187/> (дата обращения: 25.01.2021).
- ⁶ См.: Несколько российских изданий не выйдут на бумаге на следующей неделе. URL: <https://www.interfax.ru/russia/702393> (дата обращения: 25.01.2021).
- ⁷ Эксперты из окружения Дростена и Бринкмана предупреждают об «инфодемии». URL: <https://www.welt.de/vermischtes/article207815765/Falschmeldungen-zu-Corona-Aerzte-warnen-vor-Infodemie.html> (дата обращения: 25.01.2021).

Поступила в редакцию 27.01.2021, после рецензирования 08.02.2021, принята к публикации 10.02.2021
Received 27.01.2021, revised 08.02.2021, accepted 10.02.2021

ПОДПИСКА

Подписка на 2021 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт филологии и журналистики

Тел./факс: +7(845-2) 21-06-48

E-mail: [iiyu@mail.ru](mailto:iyu@mail.ru)

Website: <http://bonjour.sgu.ru/>